

Санкт-Петербургское отделение РАН
Санкт-Петербургский институт истории РАН
Археографическая комиссия РАН
Региональный библиотечно-информационный комплекс
Тульской области

**ПИСЦОВЫЕ КНИГИ И ДРУГИЕ
МАССОВЫЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ РОССИИ XVI–XIX ВВ.**

Тезисы докладов XXIV Всероссийской научной
конференции, посвященной памяти
З. В. Дмитриевой и А. А. Фролова
(Тула, 24–26 июня 2025 г.)

Санкт-Петербург
2025

УДК 94(470)«15/19»(093.2)

ББК 63.3(2)ю11я431

П 34

Составитель
А. И. Раздорский

Тексты опубликованы в авторской редакции

Писцовые книги и другие массовые источники по истории России XVI–XIX вв. : тезисы докладов XXIV Всероссийской научной конференции, посвященной памяти З. В. Дмитриевой и А. А. Фролова (Тула, 24–26 июня 2025 г.) / Санкт-Петербургское отделение РАН [и др.] ; сост. А. И. Раздорский. — Санкт-Петербург, 2025. — 200 с. — Текст : электронный.

DOI 10.51255/63.3(2)_24-26.06.2025_200

На титульном листе помещен вид Тулы от Оружейного завода.
Гравюра Х. Пастухова (1801) по рисунку П. Болотова (1792)
(источник: сайт Тульского историко-архитектурного музея
<https://tiam-tula.ru/gorod-tula-v-izobrazitelnom-iskusst/>)

© Раздорский А. И., составление, 2025
© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2025

Содержание

<i>К. А. Аверьянов.</i> Хозяйственный кризис конца XVI века — миф или реальность?	8
<i>А. С. Алмазов.</i> Лубенская переписная книга как источник по истории переписи Войска Запорожского 1666 г.	11
<i>И. Б. Багдасарова.</i> Сметные книги Ростова 1664–1702 гг. по материалам документов РГАДА (фонд 210)	14
<i>Т. А. Базарова.</i> Реляции в русской дипломатической переписке Петровской эпохи.....	15
<i>К. В. Баранов.</i> Проблематика нового издания Каталога писцовых писаний Русского государства XV — начала XVII в.	18
<i>А. В. Барсукова.</i> Социально-профессиональный портрет коломенских площадных подьячих подмосковной Коломны XVII в.: на основе сведений массовых письменных источников	20
<i>В. Н. Беляева.</i> Переписная книга Тайного приказа по Нижнему Новгороду 1665 г.	23
<i>В. О. Богданов.</i> Поместное землевладение уезда Ржевы Володимировой 1620-х годов: по писцовым книгам и документам Разрядного приказа	25
<i>Н. Д. Борищук.</i> Электронная база данных «Чиновники крымских таможенных и карантинных учреждений конца XVIII — XIX века»: опыт работы с массовыми источниками.....	27
<i>И. А. Бусарев.</i> Состав детей боярских и приказных служителей Рязанского архиерейского дома 1620–1630-х годов (по материалам расходной книги архиепископа Антония 1634 г.) ...	30
<i>Е. С. Бутрин.</i> Писцовая книга дворянских владений Суздальского уезда 1646 г. как источник по истории крестьянского расселения в XVII в.	33
<i>Н.А. Вревская, М.А. Новикова.</i> Письма как отражение реформ Петра I в сфере бумажной промышленности	37
<i>П. В. Гаврилов.</i> Иерархия в положении сельских храмов в XVI в. (по поземельным описаниям Бежецкой пятины Новгородской земли) ...	39
<i>В. Н. Глазьев.</i> Писцовая книга Воронежского уезда 1628–1629 гг. как исторический источник.....	42

<i>А. А. Голубинский.</i> Казусы планов Генерального межевания	45
<i>Е. А. Горбачевский.</i> Переписная книга 1710 г. Закоторожского стана Ярославского уезда как источник по истории служилого землевладения на рубеже XVII–XVIII вв.	48
<i>Е. Б. Грузнова.</i> Материалы к библиографии изданий писцовых и переписных книг: вопросы отбора, описания и систематизации.....	51
<i>А. Л. Грязнов.</i> Границы владений Кирилло-Белозерского монастыря по Отводной книге 1492 г.	54
<i>А. Л. Грязнов.</i> Принципы систематизации документов в архиве и копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря.....	57
<i>А. О. Гуляева.</i> Отказные книги 1658–1660 гг. как дополнение комплекса писцовых и переписных книг Кимрской волости Кашинского уезда	60
<i>А. Г. Гуменюк.</i> Ошибки писца: какую информацию они могут дать исследователю? (на примере комплекса списков книги сошного письма).....	63
<i>А. Н. Гуслистова.</i> Воеводские сметные росписи вологжан второй половины XVII в.: источники и сопоставление.....	65
<i>К. И. Гусынкин.</i> О скрепе дьяка в писцовой книге Переславль- Залесского уезда	68
<i>М. М. Дадыкина.</i> Зачем ехать за капустой в Устюг?: «экономика потребления» и локальные рынки в России XVII в.	71
<i>А. В. Дедук.</i> «Сказки» писцового описания Тулы 1640 г.	74
<i>А. В. Дедук, А. В. Шеков.</i> К публикации писцовой книги Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг.	76
<i>А. Н. Долгих.</i> Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой половины XIX века как массовый исторический источник	78
<i>Т. В. Жиброва.</i> «За корабельную работу»: Переписные книги Воронежского уезда первой половины XVIII в.	81
<i>Л. М. Иванов, О. С. Гожалимова.</i> Просопографическая база данных по населению Рыбной слободы Ярославского уезда XVII–XVIII вв.: концепция и источники данных	83
<i>З. А. Исмаилова.</i> Массовые источники по истории эпидемии 1552–1554 гг. в Новгородской земле	86
<i>А. Ю. Кабанов.</i> Стрельцы и пушкари Юрьевца-Повольского по писцовой и межевой книге 1676 г.	89

<i>Е. В. Камараули.</i> Реализация поземельного принципа налогообложения на территории южных уездов России в 1610-х годах: соха и ее «живущая» часть.....	92
<i>В. И. Клейменов.</i> Просопографическая база данных «Старорушане XV–XVII вв.» по материалам кадастровых описаний Старой Руссы: промежуточные итоги работы	94
<i>Т. А. Ковров.</i> Протоколы заседаний учетно-ссудных комитетов при отделениях Государственного банка Российской империи как источник информации о кредитовании Госбанком населения губернских и уездных городов (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний)	97
<i>Н. В. Козлова.</i> Материалы 1-ревизии как источник изучения духовенства Москвы 1720-х годов	100
<i>А. А. Космовская.</i> Массовые источники для создания базы данных «Городовое управление Прикамья в XVIII–XIX веках».....	103
<i>О. Е. Кошелева.</i> Книги записей выдачи паспортов купечеству и мещанству в магистратах XVIII в.	106
<i>С. С. Кутаков.</i> Историко-географические исследования А. А. Фролова	109
<i>И. А. Малышева.</i> Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 г.: презентация издания	111
<i>Л. Б. Молотиллов.</i> Писцовая книга И. Л. Шаховского 1624–1626 гг. как основной источник по исторической географии Старицкого уезда XVI–XVII вв.	114
<i>А. В. Морохин.</i> Об особенностях изучения документальных источников по истории придворной медицины в России 1740–1750-х годов.....	117
<i>А. Р. Мустафин.</i> Ужинно-умолотные книги как источник по истории сельского хозяйства Центральной России в первой половине XVIII в.	120
<i>М. С. Нарцисс.</i> Частная жизнь крестьян и сельского духовенства Вологодской епархии в XVII в.: микроистория через архивные акты.....	123
<i>Е. В. Пашина.</i> Историческое значение переписных книг г. Тетюши XVII–XVIII вв.....	126
<i>Н. Н. Петрухинцев.</i> «Лебедянский владельческий клин» по писцовой книге 1627–1628 гг.	129

<i>М. Е. Проскуракова, И. М. Басов.</i> Источниковедение массовых источников и царские жалованные грамоты XVII в.	132
<i>В. П. Пушков.</i> Уроженцы Тульской губернии по базе данных «Первокурсники Московского университета 1917 года»	135
<i>А. И. Раздорский.</i> Таможенные книги Тулы XVIII в.	138
<i>Е. Н. Ропакowa.</i> «Учетные и отчетные документы по свечному доходу как источник по истории приходских церквей (на примере Санкт-Петербургской епархии, XIX в.)	141
<i>Е. Д. Саверс.</i> Анализ экономических взаимодействий выборных представителей магистрата Чердынского уезда по материалам маклерских книг (1796–1822 гг.)	143
<i>А. В. Сергеев.</i> Копийная книга Толгского монастыря как источник сведений о землевладении в Ярославском, Романовском, Пошехонском уездах в XVI–XVII вв.	145
<i>Н. В. Соколова.</i> Описные книги церковно-монастырских владений и имуществ начала XVIII в. как массовый источник по истории церкви: патриаршие Николаевский Веневский и Амвросиев Дудин монастыри (общее и особенное)	148
<i>И. Р. Соколовский.</i> Специфика гуманитарного знания	151
<i>А. А. Сорокина.</i> Переписные книги Дорогобужского уезда 1659, 1668 и 1678 гг.: термин «против» содержания	153
<i>Ю. В. Степанова.</i> Расселение «выходцев из-за литовского рубежа» в Бельском и Дорогобужском уездах в отражении переписных книг второй половины XVII в.	156
<i>А. Г. Суслина.</i> Ревизские сказки и исповедные ведомости как источники по структуре и составу дворов: сравнительный анализ	159
<i>В. О. Терентьев, Н. М. Терентьева.</i> Писцовые книги как компонент комплексного исследования псковского пригорода Коложе и его округи	161
<i>И. О. Тюменцев, Н. Е. Тюменцева.</i> Донские дела Посольского приказа 1663–1727 гг.: археография и перспективы публикации ..	164
<i>И. А. Устинова.</i> Материальный мир похорон патриарха (по расходным книгам Патриаршего Казенного приказа).....	169
<i>А. В. Фаронова.</i> Дворы светских архиерейских чиновников в Москве в первой половине XVII в. по данным приходных книг Патриаршего Казенного приказа	172

<i>Е. С. Целуйкина.</i> Финансирование «посошных людей» Иосифо-Волоколамского монастыря в завершающий период восстания И. И. Болотникова (окончание осады Тулы).....	175
<i>М. С. Черкасова.</i> Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря первой трети XVII в. как источник по исторической антропонимике	178
<i>В. Я. Чернышев.</i> Муромский посад по документам 1566 и 1573/74 гг. ...	181
<i>Н. А. Четырина.</i> Приходские священники Сергиевского посада (по материалам клировых ведомостей XIX в.).....	184
<i>И. Н. Шамина.</i> «Ведомости в дестевых тетратех с перечнями» — источник о состоянии монастырских вотчин 1702 г.....	187
<i>А. Б. Юдин.</i> Писцовые книги поместных и вотчинных земель Вяземского уезда конца XVI в.: опыт реконструкции	189
<i>И. Н. Юркин.</i> Список по алфавиту городовым обывателям Тулы 1785–1786 гг. как исторический источник по взаимодействию групп городского населения	191
Сведения об авторах	194

К. А. Аверьянов

Хозяйственный кризис конца XVI века — миф или реальность?

До середины XIX в. исследователи, говоря о хозяйственной стороне русского средневековья, оперировали единичными актами, рассматривая их как примеры тогдашнего делопроизводства. Ситуация изменилась, когда в сферу внимания историков попали писцовые описания. Это было связано с фундаментальной публикацией «Писцовые книги Московского государства», предпринятой Русским географическим обществом. Ее первая часть под редакцией академика Н. В. Калачова (1819–1885) увидела свет в 1872 г. За ней в 1877 г. последовала вторая часть, а в 1895 г. указатель к ним.

Введение писцовых книг в широкий оборот вызвало определенную эйфорию: наконец-то в руках историков появились не единичные акты, а массовые источники, благодаря которым можно воссоздать полную картину русской аграрной истории. Именно они стали источниковой базой работы Н. А. Рожкова (1868–1927) о сельском хозяйстве Московской Руси в XVI в.

Но уже первая изданная Н. В. Калачовым писцовая книга, составленная около 1573–1574 гг. и охватывающая территорию Васильцова стана Московского уезда, вызвала недоумение. Оказалось, что в ближайших окрестностях российской столицы имелись на тот момент «порозжие поместья пусты, что были за князми и за детми боярскими». Их состояние было таково, что «на оброк их и на лготу не взял никто». В целом писцы зафиксировали здесь свыше полутора тысяч десятин заброшенной земли.

Подобная картина была характерна и для вотчин, что видно из описаний двух знаменитых впоследствии сел в пределах нынешней Москвы: Измайлова и Кускова. В первом с тремя «живущими» деревнями, принадлежавшем Никите Романовичу Юрьеву, шурина Ивана IV и дяде царя Федора Иоанновича († 1586), име-

лись 83 чети пашни, на которые приходилось 330 четей перелога. Соседним Кусково с двумя «живущими» и восемью «пустыми» деревнями владел боярин Иван Васильевич Шереметев († 1577). В нем значились 31 четь с полуосминой пашни и 112 четей с осминой перелога. Приведенные цифры свидетельствуют о кризисе, когда обрабатывалась лишь от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ земли.

Когда возникает данная ситуация? В писцовой книге соседнего Звенигородского уезда видим иную картину: обрабатывалась практически вся земля. К селу Каринскому Савво-Сторожевского монастыря «тянуло» «12 деревень с полудеревнею, а в селе церковь, пашни средние земли 435 чети, а худые земли 180 чети, сена 755 копен, кустарю пашенного 4 чети».

Н. В. Калачов датировал звенигородскую писцовую книгу 1592–1593 гг. Позднее В. Б. Павлов-Сильванский (1929–1992) выяснил, что она дошла в копии XVII в., а сама была составлена в 1558 г.

Отсюда следует вывод, что кризис в Подмосковье наступил между 1558 и 1573 гг. Н. А. Рожков связал его с бедствиями опричнины, 25-летней Ливонской войной, подавлением восстаний на востоке страны, набегами татар, эпидемиями чумы, неурожаями. Позднее к ним добавили так называемый «малый ледниковый период» XVI в. В литературе эти явления получили название «хозяйственного кризиса 1570-х — начала 1580-х годов», или «хозяйственного кризиса XVI века», а само его существование стало общепризнанным.

Но насколько это верно? В этом усомнился В. О. Ключевский (1841–1911). Н. А. Рожков, скрупулезно пересчитав данные писцовой книги 1584–1586 гг. по Московскому уезду, установил, что в ней описаны 172 тыс. десятин помещстной и вотчинной земли, из которых на долю леса приходилось всего чуть больше 5 тыс. десятин (или около 3 %). В. О. Ключевский сравнил эти цифры со статистикой XIX в. по Московскому уезду, по которой леса занимали площадь в 15 раз больше, чем тремя столетиями ранее. Согласно Н. А. Рожкову, в Московском уезде XVI в. имелось 163 тыс. десятин пашни, тогда как в столичном уезде XIX в., по территории на $\frac{1}{4}$ больше, распахивалось лишь 66 тыс. десятин. Все это вызвало длительную дискуссию о степени достоверности писцовых книг.

Объяснить отмеченное В. О. Ключевским противоречие цифр XVI и XIX вв. достаточно легко. Писцовые книги — прежде всего фискальный документ, служивший для определения размеров налогов. Тогдашние методы хозяйствования заключались в том, что первоначально распахивался участок земли, освобожденный от леса. На следующий год его засевали хлебом, и новая рощисть три года кряду давала урожай. На четвертый год ее оставляли, жгли лес в новом месте. Покинутая лядина годилась под новую пашню не раньше чем через 20–30 лет. Этим объясняется огромный процент распашки земель в Московском уезде XVI в. по сравнению с XIX в.

Подобная практика (ее показателем является расхожая формула грамот: «куда соха, топор и коса ходили») в Подмоскovie продолжалась приблизительно до середины XV в., когда появляются первые межевые грамоты, определявшие границы отдельных владений. С этого времени, в условиях известного дефицита земли, происходит переход к трехполью, фиксируемый фразой «в поле, а в дву потомуж».

Разумеется, налоговые чиновники знали об этих методах хозяйствования и держали на контроле участки прежней распашки. Отсюда нередкие записи в писцовых книгах, где отмечены лес «в кол», «в жердь», «в бревно» и даже «хоромный». В последнем случае речь идет о строевом лесе (с преобладанием деловой древесины хвойных пород), возраст которого составляет не менее 70 лет. Все это время прежние участки пашни продолжали значиться как объекты возможного налогообложения. Что же касается лесов, которые никогда не распахивались, они в писцовые описания не входили. С учетом этого говорить, ссылаясь на данные писцовых книг, о «хозяйственном кризисе» XVI в. следует весьма осторожно.

А. С. Алмазов

**Лубенская переписная книга как источник
по истории переписи Войска Запорожского 1666 г.**

После перехода Войска Запорожского в 1654 г. «под высокую царскую руку» встал вопрос об уплате налогов местными налогоплательщиками в царскую казну. Однако его решение в силу целого ряда причин регулярно откладывалось, пока в 1665 г. не были утверждены Московские русско-украинские договорные статьи. Этот документ предполагал взимание налогов на территории Гетманщины в царскую казну, которые почти полностью должны были идти на содержание русских гарнизонов в местных городах, число которых существенно выросло к этому времени.

Чтобы начать сбор налогов, Москве пришлось организовать перепись податного населения и налогооблагаемой базы в Войске Запорожском в 1666 г. Для этой цели в Гетманщину были направлены четыре переписные комиссии — стольники К. О. Хлопов, А. Т. Измайлов, И. Корсаков, С. Л. Наумов с подьячими. Они за несколько месяцев провели перепись, а переписные книги отправили в Москву. Поскольку царская власть торопила воевод со сбором налогов, то он начался в конце 1666 — начале 1667 г., несмотря на то, что не все из воевод успели к этому времени получить списки с переписных книг.

Сохранившиеся переписные книги можно условно разделить на черновые и беловые. К беловым относятся книги, получившие в историографии названия Батуринской, Нежинской, Переяславской и Черниговской. Все они опубликованы. Для всех беловых книг несмотря на различия в формулярах описания дворов характерно наличие подсчета по каждому переписанному населенному пункту общего количества дворов налогоплательщиков, а также денежных сумм и суммарного объема хлеба, которые предстояло собирать в качестве налогов.

Все упомянутые книги написаны, определенно, московскими подьячими.

Своеобразными черновыми книгами можно назвать вторую Батуринскую и Стародубскую книги, оставшиеся до сих пор неопубликованными. В отличие от беловых книг, в них налоговые оклады и количество налогоплательщиков не просуммированы по населенным пунктам. Кроме того, они состоят из тетрадей, в каждой из которых переписан один налоговый «уезд» (административная единица, введенная переписчиками, не совпадавшая с полково-сотенным делением Войска Запорожского). Эти тетради написаны местными мещанскими писарями на основании сведений, которые собрали окладчики, выбиравшиеся в каждом населенном пункте. Готовые тетради собирались вместе и сшивались в книги, а перед каждой из таких тетрадей вшивалась запись о приезде переписчика в город — центр «уезда» и челобитьях местных мещан, а также запись выбора городских окладчиков.

Особняком в общем ряду переписных книг стоит Лубенская книга, содержащая в себе описание Лубенского, Миргородского, Прилуцкого и Полтавского полков. Она была опубликована в 1900 г. А. М. Лазаревским. Поскольку листы в документе перепутаны, публикатор решил расположить налоговые «уезды» по принципу их географической близости друг к другу, еще больше нарушив изначальную структуру источника. По неизвестным причинам А. М. Лазаревский при публикации пропустил листы документа с описанием Краснопольского «уезда». Кроме того, историк не дал археографического описания переписной книги, отметив только, что она представляет собой столбец. В дальнейшем, хотя эта книга использовалась историками в качестве источника, она так и не получила источниковедческой характеристики, даже не было определено, является ли она черновой или беловой.

Сама по себе столбцовая форма, а также отсутствие подсчетов числа налогоплательщиков и общих сумм налогов по населенным пунктам и «уездам» свидетельствует в пользу того, что Лубенская книга была черновой. Такую книгу было сложно использовать для сбора налогов. Однако, в отличие от Батуринской черновой и Стародубской книг, эта была написана москов-

скими подьячими, а не местными писарями. Как представляется, этот факт не означает, что Лубенская книга была белой. Во-первых, мещанские корпорации юга Гетманщины с самого начала, в отличие от северных городов, не проявили интереса к сотрудничеству с Москвой по вопросу переписи, не прислав своих представителей в столицу осенью 1665 г. для переговоров об условиях налогообложения. Во-вторых, известные черновые книги (Батуринская и Стародубская) были составлены для одной переписной комиссии — под руководством К. О. Хлопова. Притом, если сравнить белые книги той же переписной комиссии (Батуринская и Черниговская) с книгами, составленными под руководством И. Корсакова и А. Измайлова, то заметны существенные различия в формах записей в них, что свидетельствует о различиях в технологии проведения переписи. В-третьих, для пожалования земель Полтавскому Крестовоздвиженскому монастырю летом 1667 г. в Малороссийском приказе была сделана выписка из Лубенской переписной книги. Однако сведения в выписке не совпадают с имеющимися в дошедшем до нашего времени документе. Таким образом, сохранившийся список Лубенской переписной книги является черновым; вероятно, существовала и Лубенская белая книга, не сохранившаяся до нашего времени.

И. Б. Багдасарова

**Сметные книги Ростова 1664–1702 гг.
по материалам документов РГАДА (фонд 210)**

В работе собраны сметные книги Ростова Ярославского за вторую половину XVII в. из сохранившихся документов РГАДА. Они дополнены информацией из «Переписных книг Ростова Великого второй половины XVII века» и «Дозорных и переписных книг древнего города Ростова», которые были изданы А. А. Титовым в конце XIX в., и публикациями Ярославской архивной комиссии, напечатанными в «Ярославских губернских ведомостях». Составлен общий обзор сметных книг с привлечением дополнительных документов из фонда Ростовского городского магистрата в РГАДА (фонд 764). Отдельно анализируется информация об уникальном оборонном сооружении города — земляном вале, остатки которого дошли до наших дней.

Основная цель работы — подготовка таблицы ростовских посадских, составленной по указанным сметным книгам, с включением трех известных переписей (1648, 1678 и 1709 гг.). Таблица изначально составлялась для облегчения генеалогического поиска, но дополнительно по ней можно получить представление о формировании и изменении фамилий посадских жителей, что актуально не только для ростовцев. Отдельно оговорена тема ошибок в переписях, с привлечением дополнительных документов РГАДА.

Подробно указаны преимущества таблицы для генеалогов и исследователей своей родословной во второй половине XVII в. В качестве возможного направления дальнейшей работы приводится небольшой обзор о сохранившихся переписных документах Ростова за первую половину XVII в. и за начало XVIII в. до первой ревизии, приведены аргументы за и против расширения таблицы за счет включения других переписей.

Т. А. Базарова

Реляции в русской дипломатической переписке Петровской эпохи

Государственные и административные преобразования Петра I повлияли на делопроизводственную документацию приказов и канцелярий. В Петровскую эпоху изменились названия и форма многих документов, а также возникли их новые виды.

Слово «реляция» вошло в русский язык через польский (*relacja* из лат. *relātiō* — сообщение) по мнению одних ученых в конце XVII в., других — в начале XVIII в. Реляциями называли письменные донесения о ходе или результате военных действий, а также о других важных событиях и происшествиях. В качестве донесений от подчиненного к начальнику они активно использовались в армейской среде. Реляции об одержанных в ходе Северной войны победах Петр I прилагал к своим письмам А. Д. Меншикову, Г. И. Головкину, А. И. Репнину и другим сподвижникам. Печатные реляции посылали к европейским дворам, они регулярно публиковались в газете «Ведомости».

В петровское время реляции появились также и в дипломатической переписке. Историк дипломатии В. Н. Александренко полагал, что важное различие между письмами и реляциями — это их адресат. По его мнению, «реляция суть донесения государю, а письма — сообщения канцлеру или вице-канцлеру». В. Н. Александренко отметил, что первую реляцию в Москву отправил посол А. А. Матвеев из Лондона 20 мая 1707 г.

В 1716 г. (во время заграничного путешествия Петра I) руководство Посольской канцелярии разослало русским дипломатам при европейских дворах циркуляр с требованием впредь доносить о делах и событиях реляциями на имя государя, а не письмами канцлеру. 4 апреля 1716 г. вице-канцлер П. П. Шафиров был вынужден напомнить послу при прусском дворе А. Г. Головкину о необходимости «писать реляциями к государю как во всем свете обыкновенно». По-видимому, дипломаты

не торопились отказываться от привычной формы. В 1717 г. требование «писать реляциями» повторили.

До указов 1716 и 1717 гг. русские дипломаты отправляли основную корреспонденцию из европейских столиц в Москву и Санкт-Петербург на имя руководителя внешнеполитического ведомства (Федора Алексеевича Головина, а затем Гавриила Ивановича Головкина).

Однако дипломаты отправляли письма и донесения также и на имя царя Петра Алексеевича. Например, 30 декабря 1707 г. В. В. Степанов написал Г. И. Головкину и П. П. Шафирову, что их донесения были рассмотрены государем. В некоторых случаях донесения вручались Петру I минуя руководство Посольского приказа или Посольской канцелярии. В начале 1710-х годов Г. И. Головкин требовал от находившегося при османском дворе П. П. Шафирова сообщать ему о содержании всех отправленных государю писем.

В дипломатической переписке встречалось и слово «реляция». Реляциями дипломаты называли сообщения (доклады) о значимом событии, которые следовало описать очень подробно, т. е. о ходе переговоров, официальных встречах посольств и т. д. Адресовали реляции как царю, так и канцлеру. Так, в статейном списке П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 г. записано: «Августа во 2 день господа министры позваны к крайнему везирю <...> А что порознь говорено, то имьянно внесено в реляциях к царскому величеству и к государственному канцлеру, посланных <...> августа в 4 день». В их статейном списке 1713 г. отмечено, что «сентября в 6 день отпущен от послов из Андрианополя ко двору царского величества с реляцією о приезде посла господина Бестужева».

Распоряжение Посольской канцелярии 1716 г. было направлено на усиление регулярности и унификации текущего делопроизводства. Находившимся на резиденции или отправленным с поручениями в Европу дипломатам отправляли рескрипты (т. е. распоряжения от имени государя). Отвечали на рескрипты реляциями на имя государя. Полученная чрезвычайным посланником к Высокой Порте А. И. Дашковым инструкция предписывала «...доносить его царскому величеству почасту и нужное писать данную ему цыфирью, а реляции свои

отправлять чрез известных корреспондентов, а с нужными делами посылать ко двору его царского величества и нарочных курьеров». Первые реляции к царскому двору он отправил еще по пути в Стамбула в 1719 г.

Как и письма, реляции были «публичные» и секретные (частично или полностью зашифрованные). В левом верхнем углу первого листа ставили номер. Реляции дипломатов, как правило, начинались с обращения «Всемилоостивейший царь государь» и заканчивались фразой «вашего величества всеподданнейший раб». Однако они попадали в руки не государя, а руководителей внешнеполитического ведомства. Содержание реляций существенно не отличалось от прежних писем, адресованных главам Посольского приказа.

Отправлявшие ко двору реляции русские дипломаты не отказались и от писем, которые по-прежнему использовались как более привычная и удобная для обмена мнениями форма. В их переписке с канцлером Г. И. Головкиным и вице-канцлером П. П. Шафировым помимо важной политической информации содержались личные просьбы и пожелания.

К. В. Баранов

Проблематика нового издания Каталога писцовых описаний Русского государства XV — начала XVII в.

В январе 2016 г. вышел в свет «Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV — начала XVII века». Издание появилось в электронной форме и размещено по сей день на сайте РГАДА (http://rgada.info/materiali/baranov_catalog.pdf).

Содержание каталога имеет характер предварительного списка всех известных составителю на тот момент писцовых описаний; подавляющее большинство таких описаний известно из упоминаний и цитат в актах, позднейших писцовых книгах и даже в летописях. В редких случаях сохранились фрагменты (подлинники и копии) рукописей писцовых описаний. С внешней стороны Каталог представляет из себя хронологический перечень писцовых описаний, состоящий из заголовка и ссылки на источник сведений. Всего текущая версия Каталога учитывает 601 факт писцовых описаний в указанных временных рамках.

В дальнейшем в моем поле зрения появлялись новые сведения о писцовых описаниях, как уже учтенных, так и вовсе неизвестных. Некоторые указания делали мне коллеги, с интересом встретившие факт выхода в свет Каталога в 2016 г. В моей рабочей версии Каталога на сегодняшний день числится уже около 800 писцовых описаний, не считая новых данных об учтенных ранее. Кроме того, в этой версии расширен справочный аппарат за счет ссылок на упоминания в научной исторической литературе. Все это дает основание предположению о необходимости нового издания Каталога, возможно, уже в бумажной форме.

Впрочем, новое издание каталога не должно носить характер простого расширения содержания за счет новых номеров. Представляется необходимым изменить его форму в смысле усложнения структуры для того, чтобы текст Каталога стал полноценным инструментом для исторического исследования русского кадастра.

Например, необходимо добавить указания на дату составления записи в источнике о писцовом описании и на характер этого упоминания/цитирования. Это позволит уточнить период физического существования рукописи той или иной писцовой книги. Известно, что подавляющее большинство писцовых книг погибло достаточно рано, еще в XVI–XVII вв. Однако описания этого процесса в литературе до сих пор нет, кроме дежурных ссылок на московский пожар 1626 г. Таким образом, роль пожарных бедствий Москвы в 1547, 1571 и 1611 гг. для выяснения этапов гибели значительной части русского кадастрового свода еще предстоит оценить. Одновременно это могло бы дать материал для размышлений о причинах, по которым некоторые писцовые книги все-таки сохранились до нашего времени, в том числе в подлинниках.

Следовало бы также предпринять исследование о хронологическом периоде, с которого можно говорить о возникновении собственно писцовых описаний в Русском государстве. Сведения о существовании кадастровых описаний еще и до XV в. хотя и известны, но настолько неопределенны, что указать на их инициатора, исполнителей, оценить объем и хронологию работы невозможно. И лишь с середины XV в. мы видим такие описательные работы, про которые можно с уверенностью сказать, что их инициатором была московская великокняжеская власть, исполнителем работ являлись московские служилые люди высокого ранга, объект описания заключался в определенном регионе. Словом, это были сложные административные мероприятия централизованного характера. Появление подобных писцовых описаний, на мой взгляд, напрямую связано с периодом окончательного закрепления власти Василия II в качестве московского великого князя. Эти кадастровые мероприятия стали инструментом решения серьезных финансовых трудностей, с которыми столкнулось государство после завершения междоусобной войны второй четверти XV в.

Указанными вопросами не исчерпывается вполне проблематика нового издания Каталога писцовых описаний. При работе над его текстом неизбежно появление некоторых текущих вопросов, требующих новых решений.

А. В. Барсукова

**Социально-профессиональный портрет коломенских
площадных подъячих подмосковной Коломны XVII в.:
на основе сведений массовых письменных источников**

Социально-профессиональный портрет коломенских площадных подъячих второй половины XVII в. можно реконструировать на основе массовых письменных источников — переписных, «строевых», дозорных, оброчных, таможенных и приходно-расходных книг. Эти документы позволяют выявить не только численность и состав площадных подъячих, но и особенности их социального и имущественного положения, а также черты их профессиональной специализации. В писцовых и переписных книгах фиксировались сведения о родственных связях, участии подъячих в городском самоуправлении и сборе налогов. Оброчные и приходно-расходные книги раскрывают масштабы хозяйственной деятельности площадных подъячих: многие из них владели торговыми местами, лавками, участвовали в сборе оброков и избирались на ответственные должности целовальников. Таможенные книги фиксировали их участие в экономической деятельности коломенского городского мира. Таким образом, массовые источники позволяют проследить динамику численности подъячих, их имущественное состояние, профессиональные и социальные функции, что позволяет сформировать целостное представление о специфике этой социально-профессиональной группы в подмосковной Коломне XVII в.

Прямых сведений о коломенских подъячих первой половины XVII в. нет, но известно, что в 20–30-х годах XVII в. ими могли становиться даже приезжие, поскольку после Смуты ощущалась нехватка грамотных специалистов для оформления сделок.

Площадное письмо в Коломне, как и в других городах, иногда отдавалось на откуп: один подъячий получал монопольное право составлять документы за определенную плату. В середине

XVII в., несмотря на указ об отмене мелких откупов, такая практика сохранялась под видом оброков, которыми управляли посадские общины. Число подьячих в Коломне было сопоставимо с числом подьячих во Владимире (11 человек), в Пскове их было до 40, в Устюжне — до 6. После Соборного уложения 1649 г., которое придало письменным договорам юридическую силу, роль подьячих значительно возросла: за полвека их число в Коломне достигло 30.

Документы на право владения объектами имели подписи подьячих и послухов, что позволяет проследить составителей, их стаж, родственные связи и участие в государственных службах. Подьячие часто выступали послухами друг у друга, а при оформлении долговых расписок ставили подписи за неграмотных поручителей. Они также участвовали в выборах на городские службы, подписываясь за неграмотных. Почти все подьячие были тяглецами, то есть платили налоги и выполняли повинности. Чтобы заниматься этим ремеслом, нужно было написать челобитную, получить разрешение и зарегистрироваться в местной избе.

Помимо основных обязанностей, подьячие выполняли поручения воевод и представителей центральных приказов, иногда не связанные с письмом, поэтому их считали полуслужилыми людьми. В отличие от полноценных служилых корпораций, у подьячих был только староста, а сами они были тесно связаны с посадской общиной.

Подьячие работали посменно, обычно по неделям, в писчей избе на площади, а летом — под навесом. Такой порядок был заимствован у других городских служб. Некоторые подьячие работали десятилетиями: Михаил Лахонин — 22 года, Григорий Туленин — 25 лет, Василий Бабенков — 35 лет. Староста корпорации распределял смены, решал конфликты, следил за хозяйством избы и отношениями с другими сословиями.

Профессиональное занятие иногда передавалось по наследству: дети подьячих тоже становились специалистами в этом направлении. Хотя сведений о налоговых окладах подьячих немного, известно, что их часто избирали на ответственные должности — целовальниками по сбору оброков с торговых заведений, кузниц, дворов. Они хорошо знали владельцев объектов,

составляли для них документы и сами владели оброчными заведениями. При сборе денег подьячие выдавали расписки, а собранные средства передавали в московские приказы.

Во второй половине XVII в. подьячие часто нанимались в земские избы в качестве дьячков, поскольку работали добросовестнее выборных посадских людей. Дьячок вел книги, переписку с приказами и подчинялся земским старостам. Некоторые подьячие были состоятельными людьми, совмещая основную работу с торговлей и другими промыслами. Например, Алексей Рубцов был земским старостой, заимодавцем, владельцем лавок и участвовал в строительстве церкви. В молодости он был донским казаком, а затем вернулся в Коломну и стал подьячим.

Многие подьячие владели торговыми местами и лавками, что свидетельствует об их хозяйственной универсальности и тесной связи с посадским миром. Их отношения с воеводской властью часто носили должностной характер: при нехватке работников воеводы переводили подьячих в съезжие избы, где они могли работать годами.

Таким образом, во второй половине XVII в. деятельность коломенских площадных подьячих сочетала в себе выполнение обязанностей посадских тяглецов и служилых приказных людей.

В. Н. Беляева

**Переписная книга Тайного приказа
по Нижнему Новгороду 1665 г.**

История Нижнего Новгорода в XVII столетии неоднократно привлекала внимание исследователей. Для характеристики социально-экономического положения города традиционно привлекаются опубликованные еще в конце XIX в. писцовая книга 1621–22 гг., переписная книга 1678 г. К сожалению, до настоящего времени не выявлен текст переписной книги 1646 г., хотя однозначно — он был составлен.

В некоторой степени информационную лакуну позволяет закрыть переписная книга Тайного приказа по Нижнему Новгороду 1665 г. стряпчего приказа Богдана Федоровича Полибина (РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Нижний Новгород. Д. 25).

Еще в 1928 году данный источник был введен в научный оборот Н. А. Баклановой. Однако в дальнейшем рассмотрению текст не подвергался, хотя сведения использовались исследователями иллюстративно. Н. А. Бакланова полагала, что внеочередная перепись Нижнего Новгорода 1665 г. была вызвана периодической недодачей нижегородскими таможенными головами таможенных и иных сборов в казну. Действительно, задолженность Нижнего Новгорода перед казной в данный период фиксируется различными источниками. Поэтому перед Б. Ф. Полибиным стояла задача описать на посаде и в слободах Нижнего Новгорода посадских людей и крестьян домового Благовещенского монастыря, дав при этом максимально подробные сведения о городских жителях «какими товары [торгуют] и которые сидят в лавках, и в которых рядах, и за какими товары, и где те товары покупают, и хто и каким ремесленным рукодеем и работаю кормитца, и что под ними под кем тягла по мирскому окладу порознь, и по чему они платят на год всяких государевых податей». Помимо этого, надо было дать сведения и о прежних занятиях нижегородцев «что у них каких промы-

слов преж сего было, и чем торговали, отъезжая, и в которые города», а также причины, «ныне от какой скудости и у ково имяны каких промыслов и торгов перед прежними годами убыло».

Текст источника содержит всестороннюю характеристику нижегородского торгово-промышленного населения. В отличие от известных текстов, описывающих население города, переписная книга 1665 г. дает исчерпывающие сведения о ремесленных занятиях или торговле жителей города. Причем если сравнить количество упоминаемых лиц, занимающихся торговлей или промыслами в писцовой книге 1621–22 гг. или переписной книге 1678 г., то мы увидим, что данные переписной книги 1665 г. намного более насыщены сведениями. Практически в каждом дворе упомянуты ремесла или участие в торговле. Причем текст содержит развернутую информацию: например, не только о торговле как таковой, но и направлении, привлечении наемных лиц. Иногда содержатся и ретроспективные сведения о промысловой деятельности владельцев дворов.

Подобный характер описания позволяет намного детальнее представить себе занятия горожан середины XVII в., а также структуру семьи. Обращает на себя внимание значительное число дворовых людей, упоминаемых при описании. Также текст содержит сведения о строениях города: жилых и промышленных.

По стилю подачи информации рассматриваемый источник весьма близок к тексту внеочередного описания села Павлово 1642 г.

Также текст имеет включение — перепись населения города Васильсурск.

Таким образом, переписная книга 1665 г. Нижнего Новгорода представляет собой уникальное описание города, намного более подробное, нежели обычные переписные книги, составившиеся Поместным или другими приказами.

В. О. Богданов

**Поместное землевладение уезда
Ржевы Володимировой 1620-х годов: по писцовым книгам
и документам Разрядного приказа**

Уезд Ржевы Володимировой характеризуется наличием поместного землевладения, которое оформилось в XVI в. и стало доминирующей формой земельной собственности.

Цель исследования — дать характеристику поместного хозяйства и реконструировать состав десятины по данным писцовых книг. В основу исследования легли писцовые книги 1620-х годов уезда Ржевы Володимировой, составленные Л. Скобельцыным и М. Чукариным, которые описывают половины Федора Борисовича (земли по левому берегу Волги) и Дмитрия Ивановича (правый берег Волги). Эти материалы были дополнены данными десятины уезда Ржевы Володимировой за 1631 г. В рамках исследования был проведен анализ писцовой приправочной книги А. Е. Салтыкова 1588–1589 гг., являющейся одним из древнейших сохранившихся источников для детального изучения вопроса стабильности владения. К сожалению, изучение ржевской дворянской корпорации весьма затруднено из-за наличия небольшого количества источников.

Писцовые описания второй четверти XVII в. содержат сведения о примерно 680 землевладельцах уезда. Поместный фонд составляет 47 % (2617 топонимов) от общего объема землевладения, при этом 42 % земель (2110 топонимов), ранее принадлежавших помещикам, перешли в категорию порозжих. В период Смутного времени произошли значительные трансформации, включая переход земель из поместья в вотчины и их раздачу за участие в осадных сидениях, что составляло 6 % (281 топонимов) от общего фонда.

Поместное хозяйство уезда Ржевы Володимировой в период после Смутного времени характеризовалось значительной степенью опустошения. Около 88 % пустошей (от общего числа

топонимов) свидетельствуют о катастрофическом снижении численности населения и деградации сельского уклада. Оставшиеся 12 % поселений были малодворными (в среднем 2 двора), что также указывает на низкую численность населения. Из общего числа служилых людей, составлявшего около 680 человек, лишь у 200 имелись собственные дворы на поселениях. Анализ распределения земельных владений показал, что лишь около 5 % владений были вopчими. В 25 поместных селцах были построены церкви. Основная характеристика поместного хозяйства уезда Ржевы Володимировой заключалась в его катастрофическом запустении, вызванном как природными бедствиями в начале XVII в., так и социально-экономическими потрясениями Смутного времени. Крупные массивы запустевших земель перешли в дворцовый фонд, в качестве примера можно привести волость Молодой Туд. Пространственный анализ разрушенных поместных хозяйств позволяет сделать вывод о значительных разорениях, нанесенных волостям, расположенным на левом берегу реки Волги, особенно в приграничной зоне с Бельским уездом.

При проведении сравнительного анализа помещичьих фамилий, представленных в книгах 1580-х и 1620-х годов, можно констатировать наличие высокой степени преемственности: треть фамилий полностью одинаковы и еще треть имеет фонетическое сходство. Данный факт говорит о наличии стабильной преемственности служилых фамилий.

В контексте поместного землевладения следует особо выделить существование промысловых хозяйств, выданных в оброк. В частности, значительный удельный вес среди них занимают рыболовные промыслы, локализованные в северных районах уезда. Эти хозяйственные структуры играли важную роль в экономике региона, обеспечивая стабильные доходы.

В процессе изучения сведений Разрядного приказа и их сравнения с писцовыми материалами были выявлены различия. Так, в десятне имеются сведения о 280 персонах, что позволяет составить более полное представление о составе служилых по Ржеве Володимировой и их поместном окладе.

Н. Д. Борщик

**Электронная база данных
«Чиновники крымских таможенных и карантинных
учреждений конца XVIII — XIX века»:
опыт работы с массовыми источниками***

В современных исторических исследованиях наблюдается тенденция к использованию различных методов и подходов. Это позволяет ученым применять разнообразные инструменты для анализа и интерпретации исторических данных. Одним из таких инструментов является междисциплинарный подход. Он предполагает использование методологических приемов из разных областей знания: истории, источниковедения, экономики, биографии и др. Кроме того, в исследованиях все чаще применяется клиометрический подход, который подразумевает использование математических методов и цифровых технологий. В последнее время все большую популярность приобретает историческая информатика, дающая возможность исследователям использовать новые информационные технологии и по-новому интерпретировать уже известные факты.

В рамках выполнения гранта РНФ стояла задача выявить основные демографические характеристики, сословную принадлежность, уровень образования, компетенцию и прочие демографические маркеры представителей руководящего звена, чиновников разных уровней крымских таможенных и карантинных учреждений конца XVIII — XIX в.; показать авторскую методiku изучения источникового комплекса о деятельности крымских таможен и карантин. В центре внимания

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–01285 «Таможенные органы, пограничная стража и карантины Крымского полуострова в системе государственного управления Российской империи (вторая половина XIX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-01285/>.

были биографии представителей среднего и низшего звена российской бюрократии, которые ранее не вызывали интереса у большинства исследователей. Смещение акцента на личность и ее субъективный социальный опыт позволяет более полно осветить многие аспекты деятельности представителей разных национальностей и вероисповеданий в таком поликультурном регионе как Крымский полуостров. Это также позволяет проследить этапы формирования российской бюрократической системы и особенности работы сотрудников таможенных и карантинных органов в рассматриваемый период.

Источниковой базой исследования стали документы Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург) и Государственного архива Республики Крым (Симферополь). В архивах сохранились документы, содержащие информацию о службе чиновников, работавших в крымских таможенных и карантинных службах — формулярные списки, представляющие собой ценный источник сведений о персональном составе государственных учреждений на территории Крымского полуострова. Среди специалистов продолжается дискуссия относительно целесообразности и эффективности создания регестов — унифицированных табличных структур, предназначенных для оптимизации и ускорения процессов обработки информации, особенно в контексте статистического анализа. В процессе работы с персональными данными мы полагаем эффективным создание электронных баз данных, которые можно рассматривать как «коллективный портрет» чиновников крымских таможен и карантинных. При анализе информации из формулярных списков крымских чиновников конца XVIII — XIX в. активно использовался метод, известный как просопография, дающий возможность эффективно систематизировать и упорядочить большой объем данных.

В рамках данного исследования подробно рассмотрены вопросы, связанные с формированием штата и функционированием таможенных и карантинных учреждений в Таврической области (с 1802 г. — Таврической губернии). Проанализирована структура таможен и карантинных регионов, их кадровый состав

и особенности формирования. Были определены конкретные личности, занимавшие руководящие посты в разные периоды времени. Изучение и сравнение данных из формулярных списков может стать отправной точкой для дальнейших исследований в области истории государственной службы и изучения региональных особенностей работы государственных учреждений.

И. А. Бусарев

**Состав детей боярских и приказных служителей
Рязанского архиерейского дома 1620–1630-х годов
(по материалам расходной книги
архиепископа Антония 1634 г.)**

Важным источником для истории рязанский архиерейских детей боярских и приказных служителей представляет расходная книга архиепископа Антония 1634 г., которая хранится в отделе «Фонды» Воронежского областного краеведческого музея под музейным номером ВОР-№ 12932. Формат: 40; скоропись разных почерков; переплет — картон XIX в., нижняя крышка отсутствует, 115 л. Книга состоит из сшитых вместе нескольких тетрадей. На первом листе надпись: «Книги росходныя нынешнего 142 [1634] году при казначее старце Ефреме да при приказном человеке Матвеи Маркове». В верхнем правом углу надпись: «От ро:хри 1634». Ниже почерком XIX в. написано: «При архиепископе Антонии». В XIX в. рукопись имела номер 182, в настоящее время замененный на ВОР-12932.

Впервые часть рукописи была опубликована архимандритом Макарием (Миролюбовым). Расходная книга ранее хранилась в архиве Д. Н. Толстого, на что обратил внимание преподаватель Воронежской духовной семинарии С. Е. Зверев при публикации отрывка из расходной книги. Д. Н. Толстой в 1856 г. несколько месяцев исполнял обязанности рязанского губернатора, а с 1859 по 1861 г. занимал губернаторскую должность в Воронеже. Вероятно, именно в этот период рукопись приходно-расходной книги и оказалась в Воронеже.

Рукопись с приходно-расходной книгой впервые была изучена А. О. Амелкиным и Д. В. Губиным, которые привлекли ее для исследования иконописи в Рязани и книжной культуры и книжных мастеров в Переяславле-Рязанском в XVII в.

Составление приходно-расходной книги пришлось на период Смоленской войны 1632–1634 гг. Книга сохранила списки

тех детей боярских, которые отправились на службу от Рязанского архиерейского дома. Всего в составе книги содержится два списка. Первый написан 20 сентября 1633 г. и отражает денежную раздачу детям боярским для покупки соли. В нем представлено 20 имен: Салтан Терехов, Лев Терехов, Федор Протопопов, Владимир Умрихин, Григорий Петров, Михаил Ноздрин, Степан Кривицкой, Родион Бисеров, Иван Григорьев, Дмитрий Матвеев, Андрей Шестаков, Яков Иванов, Ларион Озеров, Агей Шепырев, Василий Дмитриев, Василий Иванов, Воин Брудков, Семен Брудков, Андрей Половской, Семен Котов. Каждому было роздано на соль по две гривны на пуд. Итого — 2 рубля.

В сентябре того же года был написан отдельный список денежной раздачи «домовые денежные казны». По архиерейскому указу на каждого человека полагалось «по пятинатцати рублей». Всего во втором списке написаны имена 36 человек: Федор Протопопов, Салтан Терехов, Лев Терехов, Григорий Петров, Леонтий Бирин, Владимир Умрихин, Иван Григорьев, Дмитрий Матвеев, Воин Брудков, Семен Брудков, Агей Шепырев, Михаил Ноздрин, Яков Иванов, Василий Дмитриев, Максим Рыкунов, Иван Кондратьев Молодой, Родион Бисеров, Степан Кривицкой, Ларион Озеров, Андрей Шестаков, Андрей Иванов, Семен Котов, Остафей Веселкин, Ждан Клементьев, Богдан Селезенев, Акинфей Носов, Матвей Воинов, Тит Копосов, Нехороший Кондратьев, Григорий Мельницкой, Никита Торопов, Иван Селезенев, Иван Прокопьев, Гаврила Пирошков, Илья Матыцын, Федор Алтухов. Общее количество архиерейских детей боярских, которых предполагалось отправить под Смоленск, написанных в двух списках, достигло 38 человек.

Денежная раздача детям боярским по приказу архиепископа Антония была проведена казначеем старцем Ефремом и приказными людьми Матвеем Марковым и Акимом Грибоедовым, а также борисоглебским попом Иваном. Стандартная выплата детям боярским была установлена в размере 15 рублей.

Роспись денежного пожалования содержит сведения еще и о дополнительной помощи детям боярским. Выплата варьировалась в размере от 3 до 5 рублей, которые выплачивались дополнительно к полученным ранее 15 рублям. Полученная сумма могла достигать 18–20 рублей. Пожалования имели различные

основания для их выделения: «для бедности»; «для бедности» с целью покупки лошади или просто для покупки лошади. 15 архиерейским детям боярским из второго списка необходима была дополнительная помощь, что составляет 39,5 % от общего количества в 38 человек, отправлявшихся под Смоленск. В отношении 10 человек или 26,3 % людей напрямую говорится об их бедности. При этом из 15 получивших дополнительную помощь 12 необходимо было купить лошадь.

Важным элементом росписи денежной раздачи архиерейским детям боярским были их рукоприкладства, то есть подписи, поставленные после получения денег. Из 36 написанных в росписи детей боярских самостоятельно смогли поставить подпись под записью о выделении им средств всего 13 человек, что составляет всего 36,1 %. С осторожностью можно сделать вывод о том, что большинство архиерейских детей боярских в этот период не были грамотны.

Сравнение данных писцовой книги Окологородного стана 1628–1629 гг. и расходной книги 1634 г. показывает, что в 1628–1629 гг. в архиерейской посадской слободе свои дворовые владения имели 27 детей боярских, отправленных в 1634 г. под Смоленск. Помимо списка отправленных под Смоленск архиерейских детей боярских расходная книга 1634 г. содержит имена 7 приказных людей, которые не приняли участие в походе. Это Матвей Марков, Третьяк Ильин, Иван Болтин, Иван Филиппов, Аким Грибоедов, Сила Марков, Гаврила Моисеев, а также сын боярский Дружина Федоров. В книге они упоминаются только в связи с возложенными на них поручениями.

Е. С. Бутрин

**Писцовая книга дворцовых владений
Суздальского уезда 1646 г. как источник
по истории крестьянского расселения в XVII в.**

В 2014 г. А. Л. Грязновым составлен атлас Суздальского уезда XVII в. Основным источником для него послужили писцовые книги М. М. Трусова 1627–1630 гг. Поскольку в их тексте имеются утраты, база оказалась неполной (лакуны имеют описания Опольского, Матницкого и Мытского станов). Кроме того, не зафиксирована в книгах оказалась и территория дворцовых волостей — Лопатницкой, Дуниловской, Юмохоцкой и Гавриловской. Эти волости описаны в переписной книге Суздальского уезда стольника С. Г. Пушкина 1646 г. Данные работы проводились в ходе переписи населения всего уезда, но результаты их выделены в отдельную книгу. В ней также имеются лакуны — утрачено окончание описания Гавриловской волости.

На наш взгляд, материалы атласа, отражающие структуру крестьянского расселения Суздальского уезда в эпоху «восстановления» после Смуты, в значительной части проливают свет на процесс хозяйственного освоения территории уезда в предшествующую эпоху. Здесь особенное внимание следует уделить крупным сельским центрам с числом дворов от 25 и выше (по данным Д. А. Черненко, таковых имелось 54 — около четверти всех сел уезда). Почти все подобные села представляли собой светские и духовные вотчины, вокруг которых еще в XVI в. сформировались группы «тянущих» к ним деревень. Численность последних могла изменяться в ту или другую сторону, но большая часть подобных сел фиксируется еще в источниках XV–XVI вв., в дальнейшем меняя лишь владельцев.

Особое внимание привлекают крупные владельческие волости — в них к сельскому центру примыкает несколько десятков деревень и пустошей. Среди самых значительных можно назвать Кохомскую волость кн. А. П. Скопиной-Шуйской

(126 деревень), Парскую волость кн. И. И. Шуйского (61 деревня), Алексинскую волость Троице-Сергиева монастыря (53 деревни). Как правило, подобные волости представляют собой осколки родовых вотчин суздальско-нижегородских князей. Часть их еще в XVI в. перешла во владение крупных монастырей, часть — несколько раз изымалась в государственную казну и возвращалась прежним владельцам в зависимости от политической конъюнктуры в конце XVI — начале XVII в. Смена владельца почти неминуемо влекла некоторое перераспределение населения, тянущего к волостному центру, хотя сами центры оставались неизменными. При всей интенсивности развития помещного землевладения в уезде в конце XVI — первой половине XVII в. значительно изменить картину расселения мелким землевладельцам было трудно.

В этой связи следует остановиться на волостях, получивших к середине XVII в. статус дворцовых — уже упомянутых Лопатницкой, Дуниловской, Юмохоцкой и Гавриловской. Все они также прежде принадлежали суздальским князьям, но уже к последней трети XVI в. оказались в числе дворцовых владений. Соответственно, система расселения в этих волостях в меньшей степени зависела от политических коллизий рубежа XVI–XVII вв. А главное — эти волости расположены в совершенно разных географических зонах: в юго-западной части уезда, на богатых землях ополья (Гавриловская волость), в самом сердце уезда (Дунилово) и на северо-востоке уезда, в поволжских землях (Юмохоцкая волость). Последняя выходила к реке между двумя другими поволжскими уездами — Кинешемским и Юрьевецким.

Анализ переписной книги дворцовых волостей Суздальского уезда 1646 г. позволил выявить три типа организации расселения вокруг волостного центра. В Гавриловской волости преобладали села и «приселки» (всего их было 13), к четырем из которых примыкали небольшие деревни (всего 8). В среднем на одно поселение в этой волости приходилось 25 дворов (всего 526 дворов). В Дуниловской волости к волостному центру примыкали 54 деревни, в которых имелось 426 дворов. Таким образом, в среднем деревня состояла из 7,8 дворов. А вот Юмохоцкая волость делилась на шесть «шестин». Центром

Нижеконской шестины была Решемская слободка, центром Селецкой — Афанасьевская церковь с. Даниловского, центром Гарской — Никольская церковь того же села, центром Спасской — погост Спас-Берегово, центром Пеньковской — Ильинский погост на Пеньках, центром Шилехоцкой — Троицкий погост на Шилекше. Всего в Юмохотской волости насчитывалось 218 деревень и 115 починков. Численность дворов в селе и погостах (за исключением Решемской слободки) была невелика. Крупнейшим был Троицкий погост на Шилекше (21 двор) и Даниловское (16 дворов). В целом же в 337 населенных пунктах волости имелся 1871 двор, то есть на деревню в среднем приходилось 5,5 дворов. Характерным является тот факт, что средняя населенность деревенского двора во всех трех волостях не слишком отличалась: 1,6 чел. на двор в Гавриловской, 1,58 чел. в Дуниловской и 1,61 чел. в Юмохотской.

Центры волостей отличались сложной структурой. Они были весьма значительны по количеству крестьянского населения: в Решемской слободке зафиксировано 140 дворов (220 чел.), в Дунилове — 150 дворов (228 чел.), в Гавриловской слободе — 147 дворов (294 чел.) Таким образом, эти поселения входят в десятку крупнейших сел уезда и вполне могут соперничать по значимости с небольшими уездными городами. Все они имели значительный сегмент ремесленного населения. В Решме ремеслом занимались все тяглецы, в Дунилове на 106 «непахотных» дворов приходилось 46 дворов «пахотных» крестьян, в Гавриловской слободе на 128 дворов ремесленников приходилось всего 26 дворов земледельцев. Жители этих сел в источниках именуются «посадскими людьми» — фактически они представляли собой центры небольших уездов.

Три попавшие в фокус нашего исследования волости, несмотря на целый ряд схожих черт, представляют собой три разных типа крестьянского расселения и организации волостного хозяйства. В опольской части уезда поселения намного крупнее, тип села с группой тянущих к нем деревень фактически отсутствует. В центре уезда наблюдаем классический тип сельского центра с большой группой деревень, при этом их населенность очень высока. А вот на северо-востоке уезда огромное число деревень группируется вокруг ремесленного центра и делится

на несколько «приходских» групп. Населенность их невелика, весьма значительно количество починков (более трети от общего числа поселений). Структура каждой из описанных волостей, на наш взгляд, отражает степень хозяйственной освоенности их территории: она очень высока на территории Ополя, достаточно стабильна в центре уезда и не слишком велика на его северо-восточной окраине. Административная же структура самой значительной из описанных волостей (Юмохотской) весьма сходна со структурой небольших уездов, прилегавших к Суздальскому, оказавшихся в поместной раздаче в конце XVI — начале XVII вв.: Шуйского и Кинешемского.

Н. А. Вревская, М. А. Новикова

Письма как отражение реформ Петра I в сфере бумажной промышленности

Петр I отводил промышленности главную роль как основе богатства страны и укрепления ее оборонной способности в решении задачи обеспечения национальной независимости русского государства. В частности, бумажная отрасль стала одним из таких направлений.

В центре настоящего исследования письма как массовый источник петровского времени. На материале частной и официальной корреспонденции были рассмотрены реформы первой четверти XVIII в. в сфере отечественной бумажной промышленности. Источниковая база представлена документами из собраний РГАВМФ, ОР РНБ, АВИМАИВиВС и Архива СПбИИ РАН.

Среди проанализированных материалов встречаются разные внешние формы писем. В основном представлены два варианта: как часть листа в несложном виде, или как лист, сложенный пополам, образующий подобие тетради. Стоит отметить, что еще во второй половине XVII в. основной формой писем был столбец. В связи с этим важен указ, вышедший 10 марта 1702 г. «о писании прошений и всяких судебных дел на гербовой бумаге в тетрадях, а не в столбцах». В данном случае можно говорить о глобальном изменении формы для документов: уход от столбца к листу тетрадного формата.

К концу правления императора Петра Алексеевича в России действовало пять бумажных заводов. Два завода находились в Санкт-Петербурге, один в Москве, фабрика Михаила Затрапезного в Ярославле и полотняный завод в Малоярославецком уезде. Для большей части из них известны использовавшиеся на бумаге маркировочные знаки и контрамарки. Например, «четыре якоря в крест» для петербургских мельниц, герб Ярославля для фабрики М. Затрапезного и др. При этом рассмотренный корпус частных писем демонстрирует, что преимущественно для их написания в указанный временной промежуток исполь-

зовалась импортная, в большей степени голландская бумага. С конца XVII в. Голландия выступает технологическим лидером в производстве бумаги, поэтому объемы закупок голландской бумаги были больше, чем французской или немецкой. Доставка бумаги в Россию в начале XVIII в. осуществлялась через порты, находящиеся в Архангельске, Санкт-Петербурге, Ревеле и др. Из них ее развозили дальше по стране и продавали.

Написание частных писем на русской бумаге встречается в основном после 1730 г. В то же время в приказной документации, особенно флотской и армейской, уже с 1720-х годов видно использование русской бумаги, преимущественно производства петербургских фабрик. В частных письмах 1730-х годов была обнаружена ярославская бумага, которую использовали менее богатые и высокие по социальному положению люди.

Защита интересов отечественной бумажной промышленности прослеживается в сообщении от 30 апреля 1723 г. А. В. Макарова к К. Крюйсу, где говорится о том, что царским указом «повелено во всех коллегиях и канцеляриях употреблять бумагу российского дела...», а также в указе № 4546 того же года «О наложении пошлины на привозные из-за моря вещи, которые в России делаются». Особый интерес в данном случае представляет корреспонденция Корнелиуса Крюйса, поскольку он осуществлял контроль над бумажными мельницами в Петербурге. Письма, касающиеся бумажных мельниц к Крюйсу написаны на русской бумаге. Однако материалом для его писем часто становилась иностранная бумага.

Проведенное исследование демонстрирует, что в первой четверти XVIII в. в России благодаря реформам Петра I возникает собственное регулярное бумажное производство. Степень распространенности русской бумаги в сфере официальной и частной переписки увеличивалась к концу правления императора. На характер использования писчего материала в корреспонденции оказывали влияние, в частности, протекционистские указы, издаваемые государем. Однако не все распоряжения исполнялись сразу. Частная переписка позже унаследовала традицию в отношении использования русской бумаги, сформированную в сфере делопроизводства.

П. В. Гаврилов

**Иерархия в положении сельских храмов в XVI в.
(по поземельным описаниям Бежецкой пятины
Новгородской земли)**

Доклад посвящен иерархии в положении сельских храмов на территории Бежецкой пятины Новгородской земли в XVI в. В исследовании предпринята попытка систематизировать данные о церквях, что содержатся в поземельных описаниях от рубежа XV–XVI вв. до 1580-х годов и развить положения, заявленные публикаторами приходной книги Новгородского дома Святой Софии (далее — КСП) 1576/1577 г. На территории пятины выявлены 108 уездных и 100 подчиненных им выставочных сельских храмов. В докладе обосновывается, мысль о том, что изменения в количестве сельских храмов есть следствие различной организации процесса работы над рукописями: в отличие от составителей более ранних писцовых книг, все последующие лица, работавшие над кадастрами с большей степенью тщательности учитывали выставочные церкви. Одновременно проанализированы иные вспомогательные категории данных, что сопровождают описание храмов, как-то наличие дополнительных престолов, архитектурные особенности и сведения о церковной организации. Отдельно можно заметить единичные изменения в положении сельского храма в дополнение сделанным публикаторами КСП. Имеются в виду те случаи, когда выставочный храм учитывается сообразно формуляру уездного. Так, составитель писцовой книги Игнатия Харитоновича Харламова и Федора Трегубова (1625/26 и 1626/27 гг.) описывает земли Дмитриевского Млевского погоста, что выбивается из общего перечня земель уездных церквей Тверской половины Бежецкой пятины, так как церковь в честь Дмитрия Солунского в селе Климятино (неподалеку от микрорегиона Млево, объединившего земли нескольких здешних погостов) известна по писцовой книге Вельяминова в качестве выставочной. В качестве погостской церковь

упомянута также в более раннем дозоре подьячего Посника Аникеева (1600/1601 г.). Сложно делать выводы о какой-либо динамике в положении сельских храмов по поземельным описаниям Бежецкой пятины XVI–XVII в.: появление в делопроизводственных документах московского времени новых погостских церквей единично. К таковым случаям относятся фиксация составителем четырех церквей в оброчной волости Удомля и учет Никольского в Воронине погоста в рукописи Ласкирева 1582/83 г. И, напротив, огромное количество выставочных храмов, как правило, теплых, и церквей в честь Николая Чудотворца, Параскевы Пятницы, Екатерины, Евфимьи, Покрова и Благовещения Богородицы учтено составителями рукописей XVI в. в качестве «ставших ново». Подавляющее большинство уездных церквей XVI в. было в честь Николая Чудотворца, Георгия, Покрова Богородицы, Преображенья Спасова и Рождества Богородицы.

В первую очередь составителей поземельных описаний волновало «движение» доходов с деревень в пользу того или иного лица, церкви или монастыря. Часть информации — лишь прямая цитата предшествующего поземельного описания, что находилось в круге источников того, кто составлял более актуальную книгу. Именно поэтому в рукописи Вельяминова (составлена в начале 1540-х годов) так много церквей, «ставших ново». Сделанное наблюдение не стоит экстраполировать на материалы других пятин, коль скоро составлявший книгу начала 1540-х годов по Бежецкой пятине так необычно подошел к организации материала.

«Допоместная» структура церковных округов согласно текстам поземельных описаний начала видоизменяться. Церковь Иоакима и Анны «стала» в слободке Микшино. Под «слободкой» составитель книги Вельяминова понимает также совокупность деревень, окружавших подобное селение, то есть для редактирующего писцовую книгу «слободка» от «погоста» отличалась лишь названием. Пример важен в виду того, что ни одно из двух поместных держаний в границах слободки не снабжено данными о сличении итогов по старому и по новому письму, что позволяет видеть в ней если не новоучтенный церковный округ, то территориальную единицу непрозрачно от-

личную от волостей новгородского времени, что известны составителю рукописи по более ранним документам. Церковь Покрова Пресвятой Богородицы «стала ново» в волости Боярщине Никольского Удомельского погоста. Последний случай нарушает выявленное правило — церковь как будто бы являлась «выставочной», но описание ее земель было вынесено в завершение всего раздела.

В. Н. Глазьев

**Писцовая книга Воронежского уезда 1628–1629 гг.
как исторический источник**

Воронежский уезд складывался постепенно, по мере возникновения поселений в окрестностях г. Воронежа. Первым сохранившимся описанием Воронежского уезда являются «Воронежские книги письма и дозору Григория Кириевского с товарищи лета 7123 году», изданные в 1891 г. Дозорная книга начинается с описания города, в ней поименно названы владельцы городских дворов. В уезде описаны заселенная и незаселенная части, названы имена помещиков и вотчинников, перечислены монастыри и церкви. Крестьяне и бобыли дозорной книгой 1615 г. не описывались, об их наличии свидетельствует указание на крестьянскую пашню. В 1615 г. в Воронежском уезде располагалось 16 сел, 3 сельца, 26 деревень, 2 поселения при монастырях, 2 слободки, 6 починков. Кроме того, 8 пустошей было роздано в поместья служилым людям.

В 1615–1629 гг. (период между двумя описаниями) Воронежский уезд почти не подвергался татарским нападениям. Это вызвало сильный приток населения в междуречье Дона — Воронежа — Усмани.

В 1628–1629 гг. писцами Р. Кириевским и Л. Недовесковым была составлена писцовая и межевая книга Воронежского уезда. Описание города в ней неполное: названы лишь городские церкви и духовенство. Писцовая и межевая книга Воронежского уезда закрепляла право на владение поместьями и вотчинами и использовалась в течение длительного времени.

Писцовая и межевая книга Воронежского уезда 1629 г. отразила появление новых населенных пунктов по сравнению с 1615 г. В писцовой и межевой книге 1628–1629 гг. впервые было осуществлено деление Воронежского уезда на станы: Борщевский, Усманский, Чертовицкий, Карачунский. Каждый из станов назван по самому южному пункту по состоянию на 1629 г.

В каждом стане поименно названы светские помещики и вотчинники, монастыри, крестьяне и бобыли.

В Чертовицком стане за помещиками числилось 7 сел, 7 деревень, 1 починок, 17 пустошей, 267 крестьянских дворов, 47 бобыльских дворов, 7 дворов холопов, 30 дворов пустых. В сошное письмо «с живущего» необходимо было платить с 39 четвертей пашни. В Борщевском стане за помещиками насчитывалось 3 села, 9 деревень, 1 починок, 5 пустошей, 10 дворов помещиковых людей, 161 крестьянский двор, 69 бобыльских дворов, 32 пустых двора. В сошное письмо «с живущего» необходимо было платить с 19 четвертей, полуосьмины и получетверика пашни. В Усманском стане за помещиками, за служилыми атаманами и за поместными казаками фиксировалось 7 сел, 5 деревень, 1 починок, 19 пустошей, 6 дворов помещиковых людей, 538 крестьянских дворов, 89 бобыльских дворов, 25 пустых дворов. В сошное письмо «с живущего» необходимо было платить с 70 четвертей с осьминою пашни. В Карачунском стане за помещиками значилось 7 сел, 8 деревень, 2 починка, 4 пустоши, 10 дворов помещиковых людей, 314 крестьянских дворов, 85 бобыльских дворов, 19 пустых дворов. В сошное письмо «с живущего» необходимо было платить с 41 четверти с осьминою пашни.

Деление на станы было необходимо для податного обложения. Не случайно в дозорных и писцовых книгах итоги подводились после описания каждого из станов. Станы, как более компактные по сравнению с уездами единицы, были необходимы власти и общинам для равномерной раскладки повинностей. Например, строительство укреплений разверстывалось по станам. Выбор окладчиков из числа дворян и детей боярских для проведения разборов служилых людей осуществлялся по каждому из станов. При выборах губных целовальников между станами существовала очередь. Следили за очередностью сельские выборные лица — заказчики (заказные головы) и десятники. В то же время очевидно возникала необходимость в общем для всего стана руководстве.

Как отметила Е. В. Камараули, воронежские села и деревни были довольно крупными поселениями: на каждое из них

в среднем приходилось 40 дворов, тогда как на территории Русского Севера — 5, а в Новгородском уезде — около 7 дворов.

Уменьшение размеров Воронежского уезда началось с 1637 г., когда был построен г. Усерд, и продолжилось в связи с основанием новых городов-крепостей и формированием новых уездов. К ним отходили и отдельные села Воронежского уезда, и воронежские ухажьи.

А. А. Голубинский

Казусы планов Генерального межевания

Одним из основных направлений научных исследований А. А. Фролова было изучение материалов Генерального межевания, в том числе его планов дач, причем особый акцент делался на источниковедческие аспекты, для выявления которых происходило последовательное ознакомление со многими сотнями планов. В продолжение такой работы уместно рассмотреть некоторые планы дач Генерального межевания, которые не являются типовыми, а своей выборкой лишь оттеняют существующую коллекцию.

Базовыми для ведения таких размышлений являются планы дач губерний Центральной России второй половины XVIII в., а точнее 1770–90-х годов; существенными не являются давно привычные знатоку и массовые исправления середины XIX в., цветовые и почерковые специфики, соответствующие времени; объектом будем считать нечто более редкое и причудливое. При этом объектом отдельного масштабного изучения должны быть картографические памятники южных и восточных губерний, специфика отрисовки которых выявляет множество несовпадений с канонической межевой практикой. Данное размышление позволяет понять как в совокупности выглядел и выглядит фонд планов дач Генерального межевания. Сегодня обратим внимание на следующие аспекты его создания и истории:

1. Невыработанную практику отрисовки межевых планов, которая была особенно актуальной по Московской губернии, с которой в общем и целом и началось Генеральное межевание. Их специфика с выделением отдельных фрагментов плана — в частности, земель отдельных владельцев, их примерной земли (на которую владелец не имел соответствующих документов), как, в частности, на делах РГАДА (Ф. 1354. Оп. 256. Ч. 2. Ед. хр. А-2 «синее» или А-4 «синее»), не является распространенной (в некоторой мере это вернулось в практику межевания намного

позже — к концу XIX в.). Все фрагменты снабжены соответствующим «Описанием плана» — нехарактерной привычному взгляду частью землемерного делопроизводства.

2. Также по Московскому уезду — выделение в качестве дачеобразующего пункта нехарактерных объектов, в частности, земли рядом с «Павловской его императорского высочества Павла Петровича больницы» (РГАДА. Ф. 1320. Оп. 1. Ед. хр. 81. Л. 2). Известны случаи определения земли к церквям и заводам, менее масштабные элементы инфраструктуры объектами систематизации земли ранее не выявлялись.

3. Еще более удивителен один из планов Котельнического уезда Вятской губернии — на достаточно большом плане отсутствовал дачеобразующий населенный пункт (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 102. Ч. 1. Ед. хр. Д-1 «красное»). Из дачи государственных крестьян была выделена церковная земля, названная центром дачи села Дмитриевского, Ацвежское тож, — которая волей землемеров была изъята с плана и изображена на другом плане — Прикладной церковной земли села Ацвежского (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 102. Ч. 1. Ед. хр. П-26 «синее») (отметим, уже без упоминания Дмитриевского). Такое в практике изучения межевых планов наблюдается впервые.

4. Межевое делопроизводство сохранило описание практики деления крупноформатных планов дач на многие части. В XVIII в. документами Межевой канцелярии фиксировалось их плачевное состояние: «... спорные большие планы в экспедициях хранятся сложенными и от сгибания их на многие части весьма скоро раздираются, отвратить же сие зло употребление можно навертыванием планов на скалки...» (РГАДА. Ф. 1294. Оп. 2. Ед. хр. 4135. Л. 1) — в известной степени повторяя современную практику их оцифровки.

5. Продолжая тему частичной сохранности, обратим внимание на картографические единицы хранения, которые дошли до настоящего времени только в виде своей шапки. Остальная часть плана, представлявшая собой практически исключительно лесные угодья (первоначально нанесенные на бумагу с помощью единственно возможного анахронизма, а именно построением наблюдательных вышек и поверстным измерением), в 30-е годы XX столетия отрезалась и утилизировалась (их фрагменты

не найдены в привычной для использования реставрационной работе).

Очевидно, межевые планы и истории их появления и хранения таят в себе еще много загадок, проистекающих из трансформировавшейся законодательной базы и специфики использования в рамках Межевого архива, особенностей местной географии и подготовки кадров.

Е. А. Горбачевский

**Переписная книга 1710 г. Закоторожского стана
Ярославского уезда как источник по истории служилого
землевладения на рубеже XVII–XVIII вв.**

Тему служилого землевладения конца XVII – начала XVIII в. вряд ли можно назвать избыточной с точки зрения объема историографии. Если тема развития служилого землевладения периода XV — первой половины XVII в. представлена в историографии рядом внушительных по объему и глубине исследований, то рубеж XVII–XVIII вв. является своего рода белым пятном в историографии.

Поводом для данной работы послужило выявление своеобразного источника — подробных сведений о землевладении и составе семей дворян Закоторожского стана Ярославского уезда в переписной книге 1710 г.

Структура источника представляет собой список из 242 дворян и детей боярских, имевших владения в указанном стане. В начале указывается список из 137 служилых людей; заглавие списка характеризует всю группу как помещиков и вотчинников, живущих в Закоторожском стане Ярославского уезда. Для каждого землевладельца в списке приводятся данные о его семье (включая жен, детей обоего пола, внуков, а также сведения о возрасте помещика и членов его семьи), а также следует указание на населенный пункт, в котором проживает данный дворянин.

Далее следует второй список из 80 человек, предваряемый заголовком о том, что все эти люди живут на Москве и написаны по другим городам. Для каждого из этих служилых людей приводится только их место жительства, частота приездов в ярославское владение и в ряде случаев сведения о службе. После этого идут описания владений части землевладельцев из двух описанных выше групп. В этих описаниях также встречены 25 служилых людей, чьи имена отсутствовали в первых двух

списках. Всего: 91 поместье/вотчина, принадлежавшие 97 служилым людям; из них в 56 случаях указывается владелец той или иной части владения на момент 1678 г.

В переписной книге также приводятся описания церковных владений, которые в данной работе не рассматриваются.

Ценность источника заключается в удачном и достаточно редком сочетании подробных сведений демографического характера и условий несения службы, что не является характерным для переписных книг. Эти данные при сопоставлении с переписной книгой 1678 г. позволяют выявить произошедшие изменения в генеалогическом составе землевладельцев Закоторожского стана, а также проследить отдельные сюжеты, связанные с изменениями в землевладении. Изучение демографических данных показывает возможные перспективы изменений в составе землевладельцев в 1710-е годы, т. е. период времени, следующий непосредственно после проведения переписи.

Разделение в источнике выборки на ярославскую и московскую группы позволяет говорить о том, что к 1710 г. состав землевладельцев Закоторожского стана Ярославского уезда на 33,1 % состоял из дворян и детей боярских, несущих службу по московскому списку.

В период между переписями 1678 и 1710 гг. для состава землевладельцев Закоторожского стана Ярославского уезда характерны два встречных процесса. Во-первых, число служилых родов и их представителей существенно сокращалось. Из 147 родов 1678 г. (320 служилых людей) к 1710 г. останется только 74 рода (189 землевладельцев). Во-вторых, к 1710 г. 242 землевладельца будут представлять 119 служилых родов. Это свидетельствует о том, что в промежутке между двумя переписями к 1710 г. состав землевладельцев стана пополнился 53 представителями 45 родов. Не менее 10 % землевладельцев 1710 г. составляли помещики и вотчинники, получившие владения между двумя переписями и служившие по московскому списку.

Эти результаты дополняются данными о нескольких десятках фактах смены владельцев поместий и вотчин между 1678 и 1710 гг. Наследование владений по прямой линии от отца к сыну составляет менее половины случаев. Значительное число —

более 40 % составляли переходы поместий к представителям других родов.

Процесс обновления состава служилых землевладельцев в Закоторожском стане должен был продолжиться и после 1710 г. Как минимум 10,3 % помещиков и вотчинников в силу возраста, семейного положения и отсутствия сыновей не имели возможности передать свои владения прямым наследникам по мужской линии. Еще не менее 8,7 % землевладельцев в возрасте 40–59 лет не имели потомков по мужской линии.

Таким образом, на рубеже XVII–XVIII вв. состав землевладельцев Закоторожского стана Ярославского уезда претерпевал заметные изменения, связанные с убыванием представителей одних родов и появлением представителей новых служилых фамилий.

(Источники: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 571. Л. 1–284; Ед. хр. 581. Л. 1–707).

Е. Б. Грузнова

**Материалы к библиографии изданий
писцовых и переписных книг:
вопросы отбора, описания и систематизации**

Проводимый в Российской национальной библиотеке с начала 2025 г. сбор данных об изданиях материалов писцовых описаний определяется потребностями формирования электронного справочно-библиографического ресурса «Вся Россия. Источники справочной и исторической информации о регионах и местностях» (URL: <https://nlr.ru/allrussia>). Для конца XV — начала XVIII в. писцовые и переписные книги являются одним из наиболее репрезентативных источников такой информации. Однако масштабы и особенности их издания неравноценны в отношении разных регионов и исторических периодов.

Уже прошедшие первичный отбор более 700 публикаций ожидаемо показывают, что наибольшее их число связано с описаниями Новгородских пятин. Они абсолютно лидировали в дореволюционный период и только в последние десятилетия стали уступать стабильно привлекающим внимание исследователей вологодским книгам. За ними следуют издания переписей Ярославской и Двинской земель, но ярославские публиковались преимущественно в императорской России, а двинские стали активно вводиться в научный оборот с 1920-х годов и вместе с изданиями по другим старинным уездам Беломорья теперь составляют конкуренцию новгородским и вологодским. В 2000-е годы также заметно повысился интерес к книгам Устюга Великого и Вятской земли. Описания же западных, центральных, южных земель России, Белозерья, Поволжья, Прикамья издавались большей частью еще в досоветский период.

Поскольку подходы к изданию писцовых и переписных книг неоднократно менялись, мы сегодня имеем очень неоднородную картину для разных регионов и эпох — одни публикации полностью соответствуют современным научным принци-

пам, другие оказываются непригодны для полноценного использования. Это особенно печально, если исходный текст по каким-то причинам впоследствии оказался поврежден или вовсе выпал из поля зрения исследователей. Ситуация усугубляется тем, что многие современные издания представляют собой обычные перепечатки предыдущих — без сверки с первоисточником, исправления неточностей и восстановления элементов текста, изначально пропущенных первым публикатором ввиду их, с его точки зрения, несущественности (например, фамилий владельцев крестьянских дворов или описаний церковных владений). Кроме того, во многих случаях исходные писцовые описания не сохранились даже в списках или хотя бы копиях, поэтому их результаты и прежде, и теперь публикуются исключительно на основе выписей, которые, при всей своей ценности, все-таки не тождественны первоисточнику.

По результатам этих наблюдений принято решение учитывать все издания писцовых описаний и выписей из них, сделанные на основе черновых или беловых подлинников, списков и копий, независимо от полноты и качества воспроизведения текста. В отдельных случаях в список включается также изложение первоисточника с цитированием, как это сделано, например, для текстов в трудах В. Н. Шишонко 1870–1880-х годов, посвященных Пермской земле и Западной Сибири. Пояснение о специфике публикации материала включается в аналитическое описание, предусмотренное для каждого издания — как отдельного, так и в составе монографии, сборника документов, выпуска периодики, учебного пособия.

Учитывая специфику отбираемых публикаций, в их описания включается также информация о первоисточнике и месте его хранения, его названии (если оно не согласуется с заголовком публикации), датировке, описываемой в нем территории, связях с другими писцовыми материалами и их изданиями, рецензиях.

В справочно-библиографическом ресурсе «Вся Россия» принята индексация на основе административно-территориального деления, характерного для отображенного в источнике периода. Предварительный анализ показывает, что в качестве основной административно-территориальной единицы в писцо-

вых описаниях выступает город или другое поселение с аналогичными управленческо-канцелярскими функциями (например, Окладникова слобода на Мезени или Пустозерский острог) и связанный с ним уезд. Однако сами описания могли делаться как по уездам, так и по их частям, как в случае с писцовой книгой Заозерской половины Вологодского уезда 1628–1630 гг., с третями Устюжского уезда в описании 1623–1626 гг., четями Важского уезда в писцовой книге 1685 г. или с выделенными в переписной книге Яренского уезда 1710 г. Низовскими и Верховскими волостями и Вымскими третями. Это справедливо и для новгородских книг, в которых четко выделены города Новгородской земли с их уездами, но в рамках описания пятины или даже ее половины, на территории которой они находились. Например, описания Вотской пятины охватывают часть Новгородского, Ореховский, Ладожский, Корельский, Копорский, Ямской уезды.

В этой связи представляется логичным принцип, уже используемый в каталогах ГПИБ, где в качестве основной единицы систематизации выступает связка города с его уездом или землей. С одной существенной поправкой — их название следует указывать согласно данным писцового описания (выписи из него), а не характерным для XIX–XXI вв.

А. Л. Грязнов

Границы владений Кирилло-Белозерского монастыря по Отводной книге 1492 г.*

Самым пространством текстом, напрямую связанным с поземельными описаниями территории Северо-Восточной Руси в XV в. является Отводная книга 1492 г. на владения Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде. Она сохранилась в нескольких списках и представляет собой уникальный документ, совмещающий в себе элементы писцового описания, протокола судебного заседания и поземельного размежевания. Отводная стала результатом деятельности комиссии Михаила Шапкина и Ивана Головы Семенова, которые в более поздних документах названы не писцами, а судьями великого князя. Судя по всему, работа этой комиссии проходила в рамках ревизии владельческой документации белозерских землевладельцев после присоединения Белозерья к владениям Ивана III в 1486 г.

Обычно писцовые книги описывают землю по категориям и находившиеся по соседству владения могли быть записаны в разных разделах писцовой. Поэтому, если социальный состав землевладельцев в регионе был неоднородным, то составление реалистичной картины по конкретной территории очень затруднено. В Отводной при проведении границы вотчины указывались владельцы по другую сторону межи. Благодаря этому со всей подробностью становятся известны соседи Кириллова монастыря, а на основании этих данных в обобщенном виде мы можем судить о социальном составе землевладельцев и о том, насколько разнообразным мог быть этот состав в границах одной волости. Таким образом, Отводная не только позволяет реконструировать границу и территорию крупной монастырской вотчины в конце XV в. (что само по себе случай единичный),

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01271, <https://rscf.ru/project/24-28-01271>.

но дает сведения о землях, находящихся по другую сторону межи. Наиболее близкие аналогии по масштабу и разнообразию сведений — это грамоты, фиксирующие размежевание владений сыновей Ивана III в 1504 г. Кроме того, содержащаяся в Отводной информация дает возможность точнее и надежнее связать акты XV в. с конкретными пунктами или территориями (что без сведений Отводной затруднено в силу изменения названий или освоения территорий на протяжении XV–XVII вв.). Благодаря этому расширяется возможность для ретроспекции и локализации упоминаемых в актах топонимов.

В Отводной отдельными заголовками выделено 12 разделов. По шести владельческим комплексам сохранились особые грамоты, в содержательном плане повторяющие разделы в Отводной. Из-за утраты окончания Отводной по трем комплексам сведения содержатся только в отдельных грамотах. Таким образом, в Отводной и связанных с ее составлением документах содержится описание 15 владельческих комплексов Кирилло-Белозерского монастыря в конце XV в.

Внутри разделов текст строится по определенному стандарту. Перечисляются объекты (деревни и пустоши), по которым проводится проверка. Указывается, есть ли среди них какие-нибудь спорные земли и кто на них претендует (в основном таковыми оказываются великокняжеские крестьяне). Затем монастырские власти предъявляют документы, подтверждающие права монастыря. Проводится разбирательство с привлечением старожильцев, а затем, в соответствии с решением судебной комиссии, знахари и старожильцы проводят межу.

Наиболее показателен пример информационного потенциала Отводной видим в разделе о землях в районе Федосьина Городка. Здесь подробно описано в каких местах в Федосьин Городок заходят вотчины бояр Монастыревых, в каких районах проходит граница с Жалобиной Слободкой, владениями Ферапонтова и Никитского монастырей. Наиболее ценны в этом разделе сведения о владениях Алеши и Гриди Мауриных, потомков белозерского землевладельца Андрея Кормилицына, вотчина которого сформировалась еще в конце XIV в. и, возможно, восходит к пожалованию белозерской княгини Федосьи.

Отвод на Волоке Славенском позволяет картографировать межу кирилловской вотчины с волостными землями и вотчиной Ферапонтова монастыря. Так же становится возможной реконструкция владений семей Евсевьевых и Ельцыных конца XIV — начала XV в., которые, предположительно были минестериалами княгини Федосьи. Также Отводная дает возможность локализовать трассу волока, давшего название волости, и владельческий комплекс белозерских князей в селе Великом, существовавший уже в начале XV в.

Отвод Рукиной Слободки, целиком перешедшей во владение Кириллова монастыря, позволяет определить границы всей волости целиком и локализовать границу между Белозерским и Вологодским уездами. Отвод Колкача дает возможность картографировать крупную вотчину княжеского тиуна начала XV в. и реконструировать этапы освоения территории между двумя регионами (Белозерьем и Вологодой).

Отводная дает целостную картину крупной монастырской вотчины конца XV в., ее географической рассредоточенности, внутренней структуры, взаимоотношений монастыря с соседями, позволяет реконструировать владельческие комплексы и административные границы более раннего времени на значительной территории Белозерья.

А. Л. Грязнов

Принципы систематизации документов в архиве и копийных книгах Кирилло-Белозерского монастыря*

Большая часть сохранившихся текстов актов XV–XVI вв. происходит из монастырских архивов, крупнейшие из которых содержали сотни, а в ряде случаев, тысячи документов. В них кроме задачи сохранения актов или их текстов на первое место выходила проблема систематизации документов и оптимальной организации их хранения.

Один из самых обширных владельческих архивов в Средневековой Руси сформировался в Кирилло-Белозерском монастыре. Если в первой половине XV в. общее количество документов Кириллова монастыря исчислялось несколькими десятками, и все они могли уместиться в одном-двух ящиках, то во второй половине XV в. ситуация меняется. Возможно, толчок к систематизации документов могла дать работа Пахомия Серба по составлению жития Кирилла Белозерского. Кроме устных свидетельств он включил в свое произведение тексты духовной грамоты преподобного и трех его посланий, а в изложении некоторых сюжетов деятельности Кирилла можно увидеть обращение агиографа к документам монастырского архива. Так могла быть сформирована подборка документов, связанных с именем Кирилла, выделяемая в монастырском архиве на протяжении следующего столетия. Значимой вехой в упорядочивании документов монастырского архива стала выдача в 1473 г. жалованной грамоты кн. Михаилом Андреевичем. По ней несудимый статус получал не какой-то отдельный владельческий комплекс, а все вотчины монастыря во владениях князя.

Наиболее полную информацию о работе архивной службы Кирилло-Белозерского монастыря в XV в. дает его древнейшая

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01271, <https://rscf.ru/project/24-28-01271>.

копийная книга (ОР РНБ. ОСПК. Q.IV.120). Ее основная часть написана в середине 1550-х годов и связана с подготовкой великокняжеской жалованной грамоты на кирилловскую вотчину в Белозерском и Вологодском уездах в 1556 г. Источником этой копийной книги стали две предыдущие: Рукопись α и Рукопись β. Рукопись α была составлена в Кирилло-Белозерском монастыре в промежутке между 1486 и 1492 гг. и включала тексты грамот, относящихся к территории Белозерья. Рукопись β включала акты за весь XV в. (самый поздний датируется 1500 г.) по Белозерью и Вологде. Рубрикация в книге Q.IV.120 отражает один из этапов систематизации наличного корпуса документов — ориентацию на сформировавшиеся к этому времени владельческие комплексы внутри монастырской латифундии.

Результат почти двухсотлетнего развития монастырского владельческого архива зафиксирован в описи архива Кирилло-Белозерского монастыря 1591 г. В ней мы видим разделение документов по отдельным фондам (60 ящиков и одна коробейка), которые выстроены в определенной иерархии. Первым идет ящик с документами, связанными с Кириллом Белозерским. Второй ящик — Большой, содержит общую жалованную грамоту и другие актуальные жалованные грамоты на монастырскую вотчину. Тематический принцип систематизации перемежается с географическим. Выделены отдельные ящики для документации, связанной с подчиненными монастырями, но большая часть — ящики, в которых хранились акты по различным владельческим комплексам.

Ряд описей Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. содержит описание документов монастырского архива, а иногда упоминаются ящики с отдельными подборками грамот. Начало работы над комплексом из трех копийных книг (ОР РНБ. СПбДА. АП/47; ОСПК. Q.IV.113а и Q.IV.113б) датируется 1613 г. В них рубрикация воспроизводит структуру монастырского архива, прямо в заголовках употребляя термин «ящик» и давая краткое описание содержания этих «ящиков» (41 ящик и одна коробья). В копийных книгах конца XVII в. (СПбДА. АИ/16 и АИ/17) ящики практически не упоминаются, а сами грамоты сгруппированы по главам, которые связаны с отдельными владельческими комплексами в составе монастырской вотчины.

Сравнивая все источники, описывающие монастырскую вотчину и владельческий архив, видим, что названия территориальных единиц и их порядок не совпадают во внутримонастырской документации и государственных кадастрах. Следовательно, монастырская документация составлялась без ориентировки на кадастры, а структура архива и порядок фондов в нем формировались непосредственно сотрудниками архива на основе своих представлений.

Поскольку монастырь получал грамоты, связанные одновременно с разными вотчинами, или же касавшиеся всей монастырской вотчины целиком, строгий «территориальный» подход организации фондов монастырского архива не мог быть эффективно реализован. Тем не менее, сотрудникам архива Кирилло-Белозерского монастыря удалось эффективно систематизировать документы, выделив в отдельный фонд грамоты, касающиеся всей монастырской вотчины или ее нескольких частей. Это позволило сгруппировать остальные документы по географическому принципу, выделив в отдельные фонды акты, связанные с конкретными владельческими комплексами. Такой принцип организации архива, его структуры, вызван практическими потребностями и был оптимален для актов Кирилло-Белозерского монастыря.

А. О. Гуляева

**Отказные книги 1658–1660 гг.
как дополнение комплекса писцовых и переписных книг
Кимрской волости Кашинского уезда**

Кимрская волость в XVII в. представляла собой достаточно крупное образование по обоим берегам реки Волги на пересечении нескольких станов в центральной и юго-восточной части Кашинского уезда. В промежутки 1622–1635, 1665 (частично — уже с 1660 г.) — 1684 гг. Кимрская волость находилась в ведении Приказа Большого дворца, в остальное же время последовательно являлась частью хозяйства боярина князя Ф. И. Мстиславского, боярина князя А. М. Львова и его наследников, затем — боярина Ф. П. Салтыкова и его наследников. Историю волости в XVIII в. мы не затрагиваем.

Писцовые, переписные и межевые описания Кимрской волости можно назвать одними из важнейших массовых источников по истории развития дворцового хозяйства в Кашинском уезде в XVII в. Это связано как с обширностью территории, занимаемой волостью, и ее угодий, так и с отразившимися в ее истории хозяйственными тенденциями своего времени. Например, возвращение волости из рук князей Львовых в ведение Приказа Большого дворца в 1660-е годы произошло в результате обмена вотчинами, который, вероятно, следует связывать с последствиями хозяйственного кризиса и стремлением дворцового ведомства воспользоваться налаженной здесь инфраструктурой торговли, рыбного промысла и ремесел, преимущественно имевших отношение к кирпичному, сапожному и портному делу.

Однако изучение развития Кимрской волости как хозяйственного комплекса по материалам писцовых, переписных и межевых книг в определенной мере затруднено. Зафиксировавшая передачу волости князю А. М. Львову писцовая и отдельная книга 1635 г. сохранилась не полностью — в ней нет окончания, где, по всей видимости, были описаны дворцовые пустоши.

Заметим, что границы дворцового и частного землевладения здесь менялись. Часть первоначально оставшихся Большому дворцу пустошей князь А. М. Львов впоследствии дополнительно выкупил себе в вотчину, на некоторых из них при нем возникли деревни и починки. Подлинник переписной книги 1646 г. не сохранился, в известном на текущий момент списке с нее, сделанном в конце XVII в., описание Кимрской вотчины сохранилось фрагментарно — снова без окончания. Текст писцовой и межевой книги, составленной по наказу из Приказа Большого дворца в 1674–1678 гг., сохранился только в форме выписи, а потому тоже не полон: на этот раз в нем отсутствует начало, где должно было приводиться описание церквей, хозяйственных и административных построек села (таможенной, конской изб, скотных дворов, кружечного двора и др.).

По названным выше причинам, несмотря на значительно меньшую подробность их формуляра в сравнении с писцовыми и переписными книгами, отказные книги 1658–1660 гг. можно назвать в известной степени уникальным источником для истории Кимрской волости. Эти книги сохранились в фонде Поместного приказа РГАДА в полном объеме. Они зафиксировали передачу 21 ноября 1658 г. и 9 февраля 1660 г. отдельных долей (жеребьев) Кимрской волости, которыми владели племянники дворецкого боярина князя А. М. Львова, их наследникам — а в конечном счете, передачу трех четвертей волости во владение князя М. В. Львова. Еще одна четверть была отписана на государя после смерти князя Д. П. Львова в 1660 г. Однако в силу того, что сам князь Д. П. Львов получил свою четверть только в том же 1660 г., после своего брата князя С. П. Львова, отказные книги сохранили фактически полное описание волости в период около 1660 г. В них содержится информация не только о крестьянском и бобыльском населении, но и о церквях и церковнослужителях, а также об общем состоянии хозяйства в волости в период владения ею князей Львовых (1635–1665 гг.). Отказные книги дают и более полное представление о территории, которую занимала Кимрская волость в середине XVII в. Они показывают, что к 1660 г. волость еще включала в себя пространство на востоке уезда, отторгнутое из нее после возвращения в дворцовое ведомство. В частности, в отказной книге

1658 г. содержится если не первое, то одно из наиболее ранних упоминаний села Квашенки («деревня, что была пустошь, Сельцо Спасское, Квашня тож»). В декабре 1674 г. эта местность была передана Марии Ивановне — жене дворецкого боярина Богдана Матвеевича Хитрово, и в дальнейшем оставалась частным владением. Интересно, что отказные книги, в отличие от переписных, относят Кимрскую волость не к Пудицкому и Дубенскому, а к Хотческому (по реке Хотче) стану Кашинского уезда. При нанесении топонимов отказных книг на карту становится очевидным, что наибольшая часть волости в 1660 г., действительно, находилась на правом берегу Волги.

А. Г. Гуменюк

**Ошибки писца:
какую информацию они могут дать исследователю?
(на примере комплекса списков книги сошного письма)**

При анализе книги сошного письма С. Б. Веселовский указал на некомпетентность переписчика в финансовых вопросах, порождавшую большое количество ошибок. В процессе данного исследования было выявлено несколько десятков списков памятника в различных редакциях. Возникла необходимость выяснения взаимосвязи списков между собой и определения степени их удаленности от протографа. На этой стадии исследования ошибки писцов могут служить источником дополнительной информации.

Д. С. Лихачев выделил следующие категории ошибок рукописей: ошибки прочтения, ошибки запоминания, ошибки внутреннего диктанта, ошибки письма, ошибки переосмысления. В настоящем сообщении мы рассмотрим одну категорию ошибок: ошибки прочтения кириллической цифири.

Как известно, на Руси цифры записывались буквами кириллического алфавита, числительные в тексте выделялись надстрочным знаком титло. Кириллическая цифирь не знала нуля. Арабские цифры появились в России в конце XVI в., но до конца XVII в. делопроизводство велось в кириллической цифири. Списки полной редакции книги сошного письма интересны тем, что в них одновременно используется арабская и кириллическая цифирь.

В списке Троице-Сергиевой Лавры (1683) арабская цифирь дублируется кириллической. Заметно, что писец неуверенно пользуется нулем. Например, строке стоит цифра 18, над строкой помета ри̑(108). Очевидна ошибка переписчика.

В том же списке имеется арабская цифра с большим количеством нулей: 11000250. При сравнении отрывка со списком УС (1721) выясняется, что правильное чтение: ђiђасё (11250).

Этот пример показывает, что список 1721 г. содержит меньше искажений, чем более ранний по времени список 1683 г.

Еще одна интересная ошибка выявлена в списке 1678 г. В тексте есть сумма: «пол-7 сохи и пол-полчети и пол-пол-полчети сохи». В этой записи ошибочная арабская цифра. Сравнивая текст со списком 1669 г. находим в этой строке кириллическую запись пол-з̣ (пол-7). И только в списке, датированном 1671 г., встречаем правильную арабскую цифру пол-3.

Вероятно, писец списка 1669 г. принял кириллическую «З» за литеру «земля» и внес исправление: поставил титло. Так тройка превратилась в семерку: пол-з → пол-з̣ → пол-7.

По отношению к протографу списки должны стоять в следующем порядке: 1671 → 1669 → 1678.

Приведенные примеры показывают, что ошибки прочтения числительных были связаны с тем, что применение арабской нумерации в XVII в. требовало коренной ломки мировоззрения и не могло произойти быстро. В данном исследовании ошибки писцов помогли выяснить взаимосвязь списков памятника.

А. Н. Гуслистова

**Воеводские сметные росписи
вологжан второй половины XVII в.:
источники и сопоставление**

Комплекс из семи воеводских сметных росписей Вологды за 1657, 1665–1668, 1674 и 1681 гг. опубликован И. В. Пугачем в 3 и 4 томах «Писцовых и переписных книг Вологды» и до настоящего времени исследователями (кроме публикатора) не изучался.

Сметные росписи составлялись воеводой и дьяком для отправки в Разрядный приказ, для подворного учета всего взрослого мужского населения Вологды с имеющимся у них огнестрельным и холодным оружием. Описание посадских и бобыльских дворов велось по сорокам — городским районам в определенной последовательности, начиная с Федоровского и заканчивая Стефановским сороком. Всего в каждой книге были описаны 14 сороков. Формуляр описания также был одинаковым — указывался владелец двора, остальное взрослое мужское население (начиная с 15 лет), возраст в некоторых случаях и наличие/отсутствие оружия.

Обращение к составленной ранее просопографической базе посадского населения г. Вологды первой половины XVII в. показало, что принцип записи посадских людей внутри сорока определялся их социальным статусом — первыми обычно записывалась верхушка посада — главы семейных торговых компаний, специализирующихся на оптовой торговле и коммерческих грузоперевозках. Отдельно записывались бобыли.

Роспись 1657 г. включена в сложный по своему составу сборник и находится в середине книги между материалами по Костроме и Галичу. Скрепки на каждом листе вологодского дьяка Савина Завесина свидетельствуют о том, что перед нами подлинник, присланный из Вологды, и позднее включенный в один сборник с аналогичными материалами по другим городам.

Тем более интересен факт объединения комплекса сметных книг за 1665–1668, 1674 и 1681 гг. в один сборник. Временные лакуны в сборнике могут свидетельствовать как о том, что росписи составлялись не каждый год, а по мере надобности, по специальному указу и грамоте из Разряда, так и о том, что принцип составления был строго погодный, однако большая часть книг не сохранилась и в сборник вошли только уцелевшие росписи.

Для изучения сходства и различия росписей был проведен анализ описания тяглого населения двух сороков — Кирилловского, в котором в разное время было описано от 140 до 150 дворов, и Федоровского (65–84 двора).

Из семи книг выделяются четыре — за 1665–1668 гг., в которых текст практически идентичен, не считая поправок на возраст и разных вариантов одного и того же имени, прозвища или фамилии (Микифорко/Никифорко, Кирюшка/Кипрюшка, Баран/Баранда, Щепетник/Щепетьник/Щепетеньин, Дешухинский/Дешевухин/Дешеухинский). Незначительные вариации имен и фамилий можно списать на манеру переписчика. Можно предположить, что эти книги просто переписывались из года в год с поправкой на актуальный состав семей (в двух случаях в 1667 и 1668 гг. упоминаются дети без отца, который был записан в 1665 и 1666 гг.). А если учитывать указанный возраст в 1665, 1666 и 1667 гг., то выявляется неожиданное обстоятельство — все возраста, указанные в 1666 г., оказываются на год меньше, чем записанные в книге 1665 г. В 1667 г. возраст указан на 1–2 года больше, чем в 1666 г. Возможны два объяснения. Или текст книг 1665 г. и 1666 г. и заголовков к ним оказались перепутаны между собой переписчиком, или же составитель книги 1666 г. взял за основу текст 1664 г. и забыл поменять в нем возраст упоминаемых лиц.

В росписях 1674 и 1681 гг. порядок расположения посадских людей в начале (до условного № 20) почти идентичен предыдущим росписям, а потом начинаются расхождения и пропуски. Это может быть обусловлено большими интервалами между книгами и значительными изменениями в персональном составе посадской общины, которые происходили за это время. То же можно сказать и о росписи 1657 г., которая текстуально

заметно отличается от книги 1665 г., причем расхождения начинаются уже с условного № 10.

Можно отметить близость текстов росписи 1681 г. и именной книги 1686/87 гг. (где также описания проводилось по сорокам). Во всяком случае, порядок перечисления посадских людей там совпадает в половине случаев. А вот сравнение росписи 1674 г. и переписной книги 1677/78 гг., где описание велось по улицам, показало полное расхождение в порядке записи посадских дворов. Насколько персоналии из воеводских росписей совпадают с персоналиями из городских кадастров, должны показать дальнейшие изыскания.

В целом, говоря об источниках составления росписей, можно сделать несколько предположений: 1) воеводские сметные росписи и именные книги брали за основу общий протограф — внутреннюю посадскую документацию для учета тяглого населения города; 2) сметные списки могли составляться на основе именных книг, большая часть которых до нас не дошла; 3) воеводские сметные росписи могли составляться погодно или по мере надобности; 4) сметные росписи последовательно копировали друг друга, с уточнением актуального состава семьи и вооружения. Имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует, что наиболее вероятен первый вариант.

К. И. Гусынкин

**О скрепе дьяка в писцовой книге
Переславль-Залесского уезда**

В настоящее время нами готовятся к изданию писцовые книги Переславль-Залесского уезда письма и меры кн. Михаила Федоровича Волконского и подьячего Василия Толмачева 1627/28–1629/30 гг., дошедшие до наших дней в виде списка 1670-х годов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7645; далее: Кн. 7645) и копии начала 1730-х годов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 812) и книги письма и меры Андрея Ивановича Загряжского и подьячего Гаврилы Володимерова 1629/30–1630/31 гг., дошедшие до наших дней в виде списка 1670-х годов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7646; Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 7647) и копии начала 1730-х годов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 813). В ходе проведения археографического исследования в кн. 7645 было выявлено два факта нарушения скрепы дьяка, которые не могут быть объяснены нарушением порядка листов рукописи (намеренного или случайного) в период после ее создания.

Список с писцовой книги Переславль-Залесского уезда (Кн. 7645) представляет собой рукопись в четверку. Во всей рукописи имеется сквозная нумерация, сделанная в правом верхнем углу черными чернилами, арабскими цифрами — л. 1–1151 (первые три листа и список землевладельцев пронумерованы римскими цифрами I–XVI). Листы рукописи собраны в тетради, которые в процессе реставрации были расшиты, края листов обрезаны, а сами листы посажены на фальцы. Количество тетрадей и листов в них можно определить благодаря обозначениям справными подьячими номера тетрадей, которые находятся в правом нижнем углу листа. К сожалению, в связи с обрезкой листов не все они сохранились, и провести полный анализ количества тетрадей и листов в них затруднительно. Но в тех тетрадях, где имеются нарушения скрепы дьяка, о которых речь пойдет далее, нумерация тетрадей и количество листов в них не

вызывают сомнения, поскольку тетрадные сигнатуры сохранились и читаются уверенно.

На листах книжного блока имеется скрепа дьяка Семена Румянцева, размещенная посередине правого (внешнего) поля в двух вариантах:

Ди/акъ/Се/ме/нъ/Ру/мя/нъ/цовъ

Ди/акъ/Се/ме/нъ/Ру/мя/нъ/цо/въ

Теперь разберем два выявленных случая «сбоя» скрепы дьяка:

Первый из них находится на л. 575–584. Здесь скрепа дьяка в таком виде:

Ру/акъ/Се/ме/нъ/Ди/мя/нъ/цо/въ

(здесь и далее, подчеркиванием отмечен сбой в расположении элементов скрепы).

Принципиальный момент — нумерация листов не нарушена, пропусков и перебивок в тексте писцовой нет. Скрепа начинается на втором листе восьмилистной тетради № 79 и заканчивается на третьем листе восьмилистной тетради № 80. Расположение скрепы в тетради № 79 такое:

въ/Ру/акъ/Се/ме/нъ/Ди/мя

Если ориентироваться на расположение элементов дьяческой скрепы, то получается, что перепутаны местами л. 575 и л. 580 (второй и седьмой лист тетради № 79).

Второй случай обнаруживается на л. 605–614. Здесь скрепа дьяка имеет следующий вид:

Ди/акъ/нъ/ме/нъ/Ру/мя/Се/цо/въ

Нумерация листов также не нарушена, пропусков в тексте нет. Скрепа начинается на восьмом листе восьмилистной тетради № 82, продолжается на восьмилистной тетради № 83 и заканчивается на первом листе восьмилистной тетради № 84 (нумерация тетради № 84 обрезана при реставрации). Расположение скрепы в тетради № 83 такое:

Акъ/нъ/ме/нъ/Ру/мя/Се/цо

Здесь изменено расположение л. 607 и л. 612, т. е. также на втором и седьмом листе в одной тетради.

Тетради № 79 и № 83 написаны на бумаге одного типа с одинаковыми филигранями «Голова шута» (Дианова Т. В. Фи-

лиграни XVII–XVIII вв. «Голова шута» // Труды ГИМ. М., 1996. № 480).

С учетом того, что второй и седьмой листы восьмилистной тетради являются парными, можно сделать вывод, что в данных случаях при неизвестных обстоятельствах дяк скреплял еще чистые листы, на которых уже позже подьячими был написан текст писцовой книги.

Данное наблюдение еще раз подтверждает необходимость проведения археографического и кодикологического исследования писцовых книг вне зависимости от их состояния (реставрация, расшивка, обрезка).

М. М. Дадыкина

**Зачем ехать за капустой в Устюг?:
«экономика потребления» и локальные рынки
в России XVII в.**

Исследование монастырских материалов как наиболее полно отражающих разнообразные практики потребления внутри хозяйственных единиц, а также особенности управления процессами снабжения позволяет раскрыть важную тему локального потребления. Влияние на структуру и организацию потребления оказывали различные факторы: сезонность, климатические особенности региона, транспортные коммуникации, различия в статусе потребителя, пищевые привычки, ситуации на локальных рынках, природные катаклизмы. В литературе последнего десятилетия все чаще обращают внимание на важность другой стороны этого процесса, а именно на формирование потребления, ожиданий и готовности покупать новые виды товаров, отличные от локальной потребительской корзины.

В середине XVII столетия отдельные части европейской территории Московского государства были связаны друг с другом различными путями сообщения: как речными транспортными системами (Волжский путь, Сухоно-Двинской путь, северо-западная часть бывшего Днепровского пути), так и сухопутными трассами, входившими в систему ямской гоньбы и прилегающими к ней путями, в зимнее время активно использовался санный путь по рекам и основным дорогам. Развитие инфраструктуры вокруг этих линий сообщения позволяло решать задачу доставки производимой в одних регионах продукции в другие регионы.

Анализ нескольких микроэкономической систем на основе материалов Кирилло-Белозерского, Спасо-Прилуцкого и Соловецкого монастырей в различные периоды конца XVI–XVII вв. позволил установить наиболее прочные связи, структуру предложения отдельных торговых точек, а также проследить изме-

нения, вносимые ограничениями внешнего характера. В ходе исследования были рассмотрены: а) география экономических связей, которые обеспечивали поступление в монастыри или их промыслы тех или иных товаров; б) те изменения в этой сложившейся системе, которые могли быть вызваны внешними факторами; в) решения, принимаемые монастырскими властями в условиях ограниченных возможностей покупки и доставки тех или иных продуктов в монастырь для сохранения его обеспечения.

Сложившаяся система закупок в том или ином локальном сообществе отражала экономические связи региона, специализацию разных торговых центров на тех или иных товарах, а также организацию поездок за продуктами в удобное время. Последний пункт определялся несколькими факторами: климатом, видовой спецификой товаров (крупные партии тяжелых товаров можно было доставить без высоких затрат на транспортировку только по хорошей дороге, то есть или санным путем или по воде), регулярно организуемыми в пунктах назначения торгами (также определявшимися отчасти доступностью транспортных путей), сезонностью определенных видов продуктов.

Так, для тех частей монастырских вотчин, которые находились на побережье Белого моря или недалеко от него (такowymi были промыслы Соловецкого, Никольского, Антониево-Сийского и Спасо-Прилуцкого монастырей) было невозможно полное самообеспечение: они зависели от поставок казенных монастырских денег и продуктов. Некоторую часть необходимого продовольствия они могли купить в Холмогорах, но цены здесь были выше, например, устюжских или вологодских, поэтому монастыри предпочитали возить не деньги (или не только деньги), а купленные по более низким ценам товары. Вся логика товарооборота здесь была выстроена преимущественно в направлении с юга на север.

Иная логика обеспечения деньгами и продовольствием была у тех монастырских промысловых комплексов, которые находились вдоль транспортного Сухоно-Двинского пути или недалеко от него и имели собственную сеть реализации товара, включавшую местное население и торговцев из прилегающих районов, а также транзитных перекупщиков. Продавая, напри-

мер, часть вываренной соли (примерно 40–60 %) на месте, они получали доход, позволявший им в меньшей степени зависеть даже от денежных поступлений из монастыря. Близость к таким крупным рынкам как Великий Устюг, Тотьма и Вологда позволяла им легко удовлетворять спрос на необходимые товары.

На характер оборота между монастырем и его промыслами влиял также факт наличия или отсутствия при промысле пашенных и иных угодий: если в Вычегодском устье таковых не было (по крайней мере до 1670-х годов), то и структура его обеспечения была больше ориентирована именно на рынок, в отличие от Тотьмы, где отсутствие в статьях расходов сведений о покупке хлеба, части продукции животноводства и огородных культур связано с наличием при промысле собственного сельскохозяйственного комплекса. Отмеченные особенности локальных продуктовых корзин и в целом сильная замкнутость массового потребителя локальных рынков, его ориентации на местные устоявшиеся традиции имели большое значение для формирования регионального рынка как экономического пространства.

А. В. Дедук

«Сказки» писцового описания Тулы 1640 г.

В фонде Пушкарского приказа, хранящемся в Музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, отложились сказки и документы, которые подали туляне писцу Андрею Васильевичу Усову и подъячему Петру Ермолину в мае-июне 1640 г. Краткие сведения о рассматриваемом документе находим в «Путеводителе»: «документы... об “осадных” дворах дворян на территории острога в г. Тула (1640 г.)». Сама писцовая или переписная книга, для составления которой подавались «сказки», не сохранилась. Этот источник позволяет расширить наше представление о топографии города.

Сказки написаны на ставах столбца. В настоящий момент столбец расклеен, первичный порядок склеек утрачен, но в ряде случаев его возможно реконструировать по скрепе.

Объектом описания были дворы внутри города. Сказки содержат большой объем ретроспективной информации («что на Туле в остроге на посаде на большой Някитцкой улицы владею я тем дворовым местам по старине, что то места старинная мужа моего Ропы Месаедова, а ныне у меня тот двор разделен пополам са внуком моим с Лукою Михайловым сыном Месаедова»). В ряде случаев к сказкам прикладывались списки документов, на основе которых тулянин владел двором. Самый ранний «приложенный» документ датируется 30 октября 1612 г., это запись («выпись») об отделе в Туле на посаде в Никицком конце дворового места Василия и Ивана Игнатьевых Хвошинским. Самая же ранняя ретроспективная отсылка относится ко временам правления Бориса Годунова («которые их дворовые места в Пятницком конце в Чорную слободу при царе Борисе»). К сожалению, при расклейке столбца сказка и документ в ряде случаев оказались разделены и хранятся в различных папках.

В сказках часто приведены сведения о размерах дворов (например: «длина сорок сажень, а поперек тритцать»). В прило-

женных документах довольно часто описаны постройки внутри двора (например: «А на дворе хором: изба, да банька, да три клетки, да чюлан, да двои ворота, а около двора и огорода городьба моя плетени, да на дворе ж погреб, да на огороде колодезь»).

В настоящий момент, материалы столбца готовятся к публикации сотрудниками музея-заповедника «Куликово поле».

А. В. Дедук, А. В. Шеков

**К публикации писцовой книги
Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг.***

В конце 2024 г. в Екатеринбурге под грифом Института истории и археологии УрО РАН вышла публикация писцовой книги Алексинского уезда 1627/28–1628/29 гг.

Алексинский уезд Русского государства, находившийся в Верхнем Поочье, сформировался на основе части владений, завещанных вместе с городом Алексиным московским великим князем Иваном III своему сыну Андрею в 1503 г. Однако эти земли были получены князем Андреем Ивановичем в удел не в полном объеме лишь в начале 1519 г. Например, завещавшаяся великим князем Иваном III вместе с Алексиным волость Нюхова уже к февралю 1519 г. входила в состав Тульского уезда, очевидно став территориальной основой Нюховского стана этого уезда, не относившегося к Старицкому уделу князя Андрея Ивановича.

История описания Алексинского уезда в конце 1620-х годов была кратко охарактеризована С. Б. Веселовским. Хотя работы по полевому описанию и межеванию земель проводились в конце 1620-х годов, в окончательный вариант писцовой книги были добавлены ссылки на акты 1631/32 г. Кроме этого, в составе писцовой и межевой книги есть отсылка на крестьян, «сошедших» в 1630/31 г., которую отметил С. Б. Веселовский. В феврале 1635 г. алексинские писцовые книги были «запечатаны»: «И в Помесном приказе олексинские писцы Петр Сафонов с товарищи книги писма своево и меры положили. И те книги смотрены. И в тех книгах многие статьи с крестьяны и переправливаны. И во многих статьях не против государева указу написано. И те книги запечатаны. А из них никаких дел не выписывают, потому

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10159, <https://rscf.ru/project/22-78-10159/>.

что те книги довелось переделать изнова». В 1640 г. описание Петра Сафонова уже использовалось. Так как в дошедших до нас писцовых книгах число помарок минимизировано, то, скорее всего, ед. хр. 2 и 3 первой описи фонда Поместного приказа — это уже «правленные» книги. Возможно, «переделка» книг заключалась в замене отдельных тетрадей с помарками. Кроме Алексинского уезда Петр Сафонов и подьячий Григорий Никифоров в это же время описывали Тарусский уезд и «доделывали» книги по Калужскому уезду.

Публикация писцовой книги Алексинского уезда была подготовлена по подлиннику. Лакуны подлинника были восстановлены по списку 1660–70-х годов. При кодикологическом исследовании списка удалось установить, что на рубеже XVII и XVIII столетий отдельные выпавшие из него листы были заменены новыми. Вероятно, уже во второй половине XVIII в. список был «обновлен» еще раз.

А. Н. Долгих

**Дворянские проекты решения крестьянского вопроса
в России конца XVIII – первой половины XIX века
как массовый исторический источник**

В исторической науке существует множество проблем, связанных или с отсутствием источников, или с невозможностью охватить весь их объем по объективным на то причинам. Так, например, сложно говорить применительно к крепостнической эпохе в истории России о тенденциях к ограничению помещичьей власти через взятие имений в опеку и др. Данные на сей счет разбросаны, их трудно свести в некий узел, потому оценки тенденций в правительственной политике самодержавия в данном случае носят во многом произвольный характер. То же самое можно обнаружить и по многим сторонам интересующего нас крестьянского вопроса в дореформенную эпоху. Однако есть некоторые способы хотя бы частично восполнить подобные лакуны, например, в отношении дворянского общественного мнения на сей счет. Понятно, что всеохватности здесь не получится, но, когда исследователи оперируют 20–30 дворянскими проектами — это одно, а когда их привлечено более 2000 за весь изучаемый период (около 59 лет) — это уже другое, и здесь возможно получение уже нового знания.

Начнем с негативных моментов. Вообще говоря, абсолютные данные по разным параметрам здесь мало что дают. Но вот данные относительные — соотношение параметров — могут вполне пригодиться исследователям. Так, очевидно, что в общем количестве используемых нами сегодня проектов разного рода — 2163 — за период правления Павла I (39), Александра I (954) и Николая I (1170), принадлежавших 3758 авторам (соответственно 49, 1392, 2317 — цифра примерная, так как в ряде случаев у того или иного документа могло быть разное число создателей, не всегда очевидное) налицо особое отношение дворянства (около 95 % авторов — потомственные дворяне) собст-

венно к крестьянам (т. е. «сидящим на земле») и к дворовым людям. В отношении их освобождения разница здесь примерно 3:1 (674 против 174; это если по максимуму судить в отношении последних: 174 за их ограничение, 79 — за их ликвидацию), применительно к контролю за жестокими помещиками в отношении крестьян — 455, в отношении дворовых — 182. Эти данные вполне сопоставимы (по ограничению или запрещению продажи людей без земли они более условны: 354 против 287). Но ведь эти цифры и особенно их соотношение говорят о многом, прежде всего, о разном отношении к освобождению крестьян или хотя бы к улучшению их положения и другом отношении к дворовым (видимо, из-за нежелания лишиться услуги и наличие морального фактора — обвинений дворовых во всяких грехах — пьянстве и др.: вспомним гоголевских Селифана и Петрушку).

Возьмем данные относительно общей позиции дворянства в отношении освобождения своей «крещеной собственности» за обозримый период. Обычно здесь оперируют довольно абстрактными цифрами. Но если мы посмотрим на нашу цифирь, то увидим, что примерно 8 % проектов за более чем полвека выступали за ужесточение крепостничества в том или ином виде, около 31 % — за освобождение помещичьих «подданных» (эту последнюю цифру можно сократить примерно вдвое, если не больше, так как во многих случаях идея освобождения выглядит слишком абстрактно) и остальные 60 % (на самом деле — больше) — за сохранение крепостнических порядков в прежнем объеме, либо, как правило, с ограничением жестоких наказаний крестьян, продажи людей без земли, введением той или таксации их повинностей. В итоге, картина выглядит так: 1 помещик из 10 — реакционер, 7–8 — консерваторы, 1–2 — прогрессисты (в отношении последних должно отметить, что по закону 1803 г. только около 100 000 крестьян за полвека получили свободу — примерно 1–2 % от общего числа).

В этих проектах можно также вычлениить и некоторую информацию о мотивах их создания. При этом преимущественно гуманистические мотивы представлены в 45 % проектов, экономические мотивы — в 34 %, а мотивы иные, особенно мотивы государственной безопасности — примерно в 21 % проектов.

Тенденции здесь еще интереснее. В александровское время они выглядят так: 55 % — первые, 39 % — вторые. В николаевское время — соответственно 37 % и 38 %, наибольший процент иных мотивов падает в первое десятилетие правления Николая I — 32 (вспомним здесь восстание декабристов, Польское восстание и др.). Как и в других случаях, налицо в этих проектах отражение тенденций правительственной политики, своеобразная обратная связь, которая в определенном смысле влияла и на политику самодержавия. В любом случае, подобное использование цифровых моментов или их соотношения лучше, чем пресловутый принцип «так, например».

Т. В. Жиброва

**«За корабельную работу»:
Переписные книги Воронежского уезда
первой половины XVIII в.**

В период петровских преобразований Воронежский уезд стал местом сосредоточения разного рода «работных людей», служилых людей, крестьян и казаков из близлежащих уездов, привлекаемых к «государевым службам». Дела Воронежской приказной избы (Государственный архив Воронежской области) сохранили для нас несколько переписных книг, содержащих информацию и отписки о болезнях, гибели и побегех крестьян с тяжелой государственной работы. Назовем «Переписную книгу работных людей, нетчиков и беглых с корабельного строительства в г. Воронеже и в г. Таврове» от 1709 г.; «Переписную книгу окладных и неокладных сборов с городов, приписанных к Приказу Адмиралтейских дел за 1709–1710 гг.», «Переписную книгу г. Воронежа и уезда за 1714 год» и др. Остановимся подробнее на анализе «Переписной книги крестьян и казаков Воронежского уезда 1705–1706 гг. и их сказок о крепостной зависимости», отложившейся в материалах фонда Приказа Адмиралтейских дел (Ф. И-171).

В книге более 840 страниц, исписанных скорописью (с оборотами). Текст без исправлений, написанный разными почерками, хорошо сохранился. Можно предположить, что предназначен он был для отчетности, ежедневно с ним не работали. Посторонних помет и приписок, как в других делопроизводительных документах более раннего периода, нет. Обращают на себя внимание имеющиеся пустые листы.

Возможно, целью составления переписных книг была практическая необходимость бороться с возможной «остановкой» дела государственной важности — строительства кораблей на воронежской верфи. Еще одной задачей, как видим из первых страниц книги, — желание удовлетворить запросы многочисленных челобит-

чиков, недовольных тем, что их крепостные крестьяне в бегах и до сих пор не возвращены прежним законным владельцам.

Воронежскому воеводе К. Е. Сытину в 1705–1706 гг. предстояло организовать большую и затратную по времени работу, которая растянулась на достаточно долгий период. В Воронеже, Орлове, в Воронежском уезде искали беглых работных людей, опрашивая всех поголовно. Владельцы беглых крестьян обязывались заплатить за них «пожилые деньги» (10 рублей за год) «за корабельную работу» и вернуть прежним помещикам и вотчинникам. Под страхом смертной казни воронежцам впредь запрещалось принимать у себя «гулящих и беглых людей вышеписанных городов переходцов из города в город из уезда в уезд». Материалы книги позволяют проследить численный состав семьи воронежцев, количество работников, есть здесь данные и о беглых людях. Так, воронежские крестьяне И. Москалев, С. Москолев и Ф. Болдырев заявили о том, что некоторое время укрывали пришлых людей. «У Савелья Москолева Максим, а чей — прозвища того он, Савелей, не знает, сказывался каширинин. Жил у него от нынешней с той Святой неделе и тому, с неделю, те вышеписанные пришлые люди от них бежали безвечно...».

В заключение предположим, что в начале XVIII в. по итогам масштабного проекта по строительству морского флота на юге России в Воронежском уезде находилось большое количество пришлых людей из центральных уездов страны. Для беглых крестьян задача остаться здесь воспринималась как попытка изменить свой профессиональный статус и перейти в другое состояние. Социальная политика государства в этом вопросе осложнялась тем, что подданные царя в новых уездах по сути несли государеву службу и были необходимы в этих местах. Многие беглецы записывались за местными служилыми людьми и казаками в «работные люди».

Материалы переписных книг позволяют также отметить высокую необходимость местных жителей в дополнительных рабочих руках. Тот факт, что таких работников могли утаивать, скрывать и выдавать за родственников говорит о существовавшей потребности любыми способами увеличить количество работоспособного населения на юге России.

Л. М. Иванов, О. С. Гожалимова

**Просопографическая база данных по населению
Рыбной слободы Ярославского уезда XVII–XVIII вв.:
концепция и источники данных**

Настоящая работа продолжает исследование писцовых описаний Рыбной слободы Ярославского уезда XVII в. Помимо описаний 1646 г. (РГАДА), 1674/76 гг. (ОР РНБ, РМЗ), переписи 1710 г. (РГАДА), второй и третьей ревизий 1744 и 1762 гг. (РыбФ ГАЯО), проанализирован ряд дополнительных источников с массовыми записями о жителях слободы. Это таможенная книга г. Романова 1627 г. (РГАДА), мирской приговор посадских людей и рыбных ловцов 1686/87 г. (ОР РНБ), опись дел приказной избы дворцовой Борисоглебской слободы конца XVII в. (ОПИ ГИМ) и др.

При обобщении данных необходимо было учесть как сохранность источников, так и разницу в объеме сведений, собиравшихся при переписях разных лет. Так, материалов первой ревизии Рыбной слободы 1718 г. не сохранилось. При этом в делах Рыбнослободской ратуши (РыбФ ГАЯО) сохранилась «Ведомость черная» от 1718 г., которая, вероятно, была черновиком итоговых документов ревизии.

Записи шести документов обработаны в формате Excel с возможностью поиска как по всему массиву (командой «Найти») и по отдельному столбцу (командой «Фильтр»). Параллельное использование таблиц позволило получить дополнительную информацию.

Во-первых, последовательные записи в хронологическом порядке позволяют проследить историю формирования ключевых семейных родов Рыбной слободы, изменение их социального статуса, имущественного положения, вычислить точные годы жизни.

Например, «лучший человек» слободы Федор Филиппов сын Коростелев учтен в таком качестве лишь писцовой книгой

1674/76 гг. В писцовой книге 1646 г. его отец записан как «Филка», что соответствует более низкому («среднему» или «молодшему» статусу). В 1676 г. при этом Коростелев владел двумя дворами и одним дворовым местом, которое имело размер 46 саженей «по обе стороны улицы» на 8 саженей. Вероятно, это было результатом покупки Федором ранее двух соседних слободских дворов. Самый большой двор располагался ближе к торговой площади на Средней улице: имел размеры 48 саженей и «поперек в 26 саженей без чети», что сравнимо с центральной торговой площадью у р. Волги (3200 кв. м) и сопоставимо с 4–5 стандартными слободскими дворами.

Другой пример — подписавший мирской приговор 1686/87 гг. земский староста Рыбной слободы и вероятный кти-тор строительства второго каменного приходского храма в ней Григорий Абросимов сын Вязьмин первый раз учтен в писцовой книге 1674/76 гг. как уже женатый сын вдовы Антонидки Обросимовой жены Вязмина. В 1646 г. писцовой книгой слободы упоминается лишь его отец Абросимко Ифтифиев сын Вязьмин. В ревизской сказке 1744 г. упоминается, что в 1-ю ревизию 1718 г. Григорий учтен в возрасте 68 лет, а также имеется отметка о его смерти в 1726 г. в возрасте 76 лет, что позволяет вычислить год его рождения — 1650. При этом перепись 1710 г. фиксирует, то он имел в слободе два двора.

Во-вторых, фиксация 115 дворов в Рыбной слободе в 1646 г., приведенная в ведомственном дворцовом описании слободы 1674/76 гг., соответствует сумме тяглых посадских дворов и дворов ранее беломестной «Слободки». Она располагалась на северо-западе слободы рядом с торговой площадью, вверх по течению Волги. По документу 1672 г. (ОР ОНБ) «Слободка» известна как «Стоялая»; топоним сохранился до наших дней в названии одной из центральных рыбинских улиц.

В-третьих, сравнение списка участников мирского приговора посадских и ловцов Рыбной слободы с переписями 1646 и 1674/76 гг. позволило идентифицировать 90 % его участников. При этом отсутствие Коростелевых среди участников приговора позволяет предположить, что рассматриваемый на нем вопрос прекращения «непубличной» скупки дворов, в том числе при-

надлежавших бежавшим из слободы, был фактически направлен против семьи «лучшего человека» слободы.

В-четвертых, переписи 1646–1710 гг., а также «Ведомость черная» 1718 г. содержат информацию о профессиональном и социальном статусе слободских жителей. При этом в 1710 г. фиксируется важный сдвиг в социальной структуре, связанный с трансформацией слободы в крупную судовую пристань на пути в Санкт-Петербург по открытой в 1709 г. Вышневолоцкой системе: на фоне сокращения числа дворов рыбных ловцов с 46 (в писцовой книге 1674/75 гг.) до 38, фиксируются 13 «рабочих» человек. «Ведомость черная» 1718 г. фиксирует дополнительно появление 14 «анбаров» для хранения транзитных грузов.

В 1762/64 гг. составляется очередная ревизская сказка по образцу 1710 г., в которой содержатся сведения о составе семьи (в т. ч. женщин), прослеживаются родственные связи, возраст, род занятий жителей.

Следующий этап работ — интеграция таблиц в единый файл базы данных. Поля базы данных содержат имя, отчество, фамилию/прозвище, профессию, социальный/налоговый статус, сведения о детях, наличие имущества (двор/торговое место), упоминание в иных документах. База может использоваться исследователями, студентами, а также при генеалогических исследованиях.

З. А. Исмаилова

Массовые источники по истории эпидемии 1552–1554 гг. в Новгородской земле

О демографических и экономических последствиях эпидемий второй половины XVI в. уже писали исследователи. Особенно ценной в этом отношении является книга Е. И. Колычевой «Аграрный строй России XVI в.». Исследовательница использовала писцовые книги и отметила многие случаи запустения селений вследствие «великого мора» 60-х и начала 70-х годов XVI в. Е. И. Колычева установила, что от этой эпидемии пострадали все центральные и северные уезды страны. Причем некоторые города понесли особенно сильный ущерб, например, Муром, в котором от «поветрия» запустело 83 % дворов.

При этом предшествующей эпидемии 1552–1554 гг. в Новгородско-Псковском крае исследователи уделяли намного меньше внимания, чем «великим морам» второй половины 60-х — начала 70-х гг. XVI в. Между тем, именно эта эпидемия открывает череду бедствий на Руси второй половины XVI в. Она случилась за четыре года до начала Ливонской войны и подорвала демографический и экономический потенциал Северо-Запада России в условиях подготовки и начала военных действий.

О демографических и хозяйственных последствиях эпидемии 1552–1554 гг. нам рассказывают массовые источники по Новгородскому краю — писцовые, платежные, обыскные книги Обонежской, Деревской и Шелонской пятин, а также купчие, данные и льготные грамоты Соловецкого монастыря.

Начнем в порядке хронологии с грамот Соловецкого монастыря. Эпидемия началась в июле 1552 г., а уже с сентября вотчинники стали продавать соловецким старцам свои земельные имения и угодья с тем условием, что «дань цареву и весь потуг волостной, задней и передней, платити старцам...».

В льготной царской грамоте Соловецкому монастырю от 28 сентября 1553 г. говорится о пустых монастырских деревнях

на Онеге на Владычне — Родионовской, Распопинской, Федоровской и Папышевской. Заметим, что в предшествующих 1552 г. грамотах Соловецкого монастыря совсем не было речи ни о пустых деревнях, ни о продаже вотчинниками своих угодий старцам с условием отказа от даней за прежние годы. Отсюда можно заключить, что уже в 1552–1553 гг. в результате великого поветрия опустели целые деревни и часть вотчинников была грани разорения.

После эпидемии 1552–1554 гг. в Новгороде в 1555–1556 гг. была составлена платежная книга Ладожского наместничества Обонежской пятины. Согласно этому источнику, частично или полностью запустели 13 государевых деревень. Частично обезлюдели и земли помещиков Обориных, Красулиных, Змеевых, Бужениновых. Запустели частью и монастырские земли — Рождественского, Хутынского, Антоновского, Колмовского, Отенского, Богородицкого и других монастырей.

Обратимся к писцовой книге Обонежской пятины. Книга была составлена в 1563–1564 гг., т. е. спустя десятилетие после эпидемии 1552–1554 гг. Согласно ей полностью или частично обезлюдели 10 деревень и одно село во Введенском погосте. Пустые дворы, починки и деревни оказались также в погостах Иванском, Полиском, Михайловском, Никольском, Рождественском, Тихвинском, Егорьевском, Спасском и Климецком.

Много земель обезлюдело в результате эпидемии 1552–1553 гг. и в Деревской пятине. Спустя девять лет после эпидемии, в 1561–1562 гг., была составлена обыскная книга Деревской пятины. Ее составителями были Юрий Шарапов сын Охлебаева и подьячий Василий Лукин. Согласно их обыску, в результате мора 1552–1553 гг. запустели три починка и деревня Дубровка в Лажинском погосте. Также в результате эпидемии 1552–1553 гг. обезлюдели и запустели земли в волостях Веллила, Лопастница, Буец, Молвятицкая, Моревская.

В 1572–1573 гг. была составлена писцовая книга дворцового села Паозерья с деревнями, что в Шелонской пятине. Согласно этому источнику, «от мору тому дватцать лет» полностью запустели 15 деревень. Последствия эпидемии 1552–1554 гг. оказались масштабными и долгосрочными. Даже спустя два-

дцать лет многие деревни, запустевшие во времена эпидемии, оставались пустыми и порастали лесом.

Согласно Соловецкому летописцу второй половины XVI в., «всего в поветрие не стало смертоносною язвою в Великом Новеграде и в волостех новгородцких... православных христиан двесте тысящъ седьмдесят тысящъ девять тысящъ пятьсот девятьдесятъ четыре человеки». Жертвами мора стали, как видим, более 279 тыс. человек.

Насколько велик был демографический урон, понесенный Новгородским краем в моровое поветрие 1552 г.? Обратимся к разметному списку 1545–1546 гг. о сборе с Новгорода и новгородских пятин ратных людей и пороха по случаю казанского похода. Согласно этому списку, в 1545–1546 гг. в Новгороде Великом было около 4400 тяглых дворов и 253 двора нетяглых. Если в каждом дворе проживало примерно 6–7 человек, то численность городского народонаселения составляла тогда около 30 тысяч человек. В Старой Руссе всех жилых дворов было 1544, и, следовательно, населения — около 10 тысяч. В Новой Руссе всех жилых дворов 164, населения — около 1000 человек. В Яме-городе жилых дворов 177, населения — около 1150 человек. В Ладоге всего 106 дворов, в Орешке — 107, в Кореле — 276. В Вышнем Волочке — 86 дворов, на Мсте — 103, в Яжелбицах — 64 двора. Как видим, количество населения только в этих городах Новгородской земли в совокупности достигало 50 тысяч человек. При этом мы знаем, что в мор 1552 г. всего по Новгородской земле погибло 279 тыс. чел. Наши расчеты весьма приблизительны, но очевидно, что человеческие потери в эпидемию 1552 г. были колоссальны.

А. Ю. Кабанов

**Стрельцы и пушкари Юрьевца-Повольского
по писцовой и межевой книге 1676 г.**

Стрельцы и пушкари составляли важную часть вооруженных сил Московского государства. Изучение практически всех категорий служилых людей «по прибору» проблематично из-за плохой сохранности источников. До нашего времени сохранилось лишь несколько десятков документов Стрелецкого приказа. Поэтому каждый документ, содержащий сведения о стрельцах, представляет особую ценность.

Одним из подобных документов служит писцовая и межевая книга города Юрьевца-Повольского и уезда, составленная Иваном Афанасьевичем Желябужским и подьячим Андреем Рыбинским в 1676 г. Подлинник этого описания не сохранился, а противень хранится в Государственном архиве Костромской области. В 1911 г. материалы этой книги были опубликованы в сборнике «Костромская старина», издававшемся Костромской ученой архивной комиссией. Сведения, содержащиеся в этом писцовом описании, позволяют нам не только установить количественный и персональный состав юрьеveckих стрельцов и пушкарей, но и проследить этапы формирования местного гарнизона, источники его пополнения, внутреннюю структуру.

Формирование стрелецкого гарнизона Юрьевца относится ко второй половине XVII в. и было связано со строительством нового деревянного, а также каменного острога в 1660–1670-е годы. Пушкари в Юрьевце появились гораздо раньше. Писцовая книга зафиксировала, что по сравнению с писцовым описанием 1626/27 г. число дворов пушкарей уменьшилось на три. Всего на посаде к 1676 г. было девять дворов пушкарей. Еще в трех дворах жили пушкарские вдовы. Все пушкари происходили из местных посадских людей, либо крестьян окрестных дворцовых волостей — Елнатской и Березницкой. Последнее пополнение

они получили около 1664 г., когда в пушкари записалось двое посадских людей.

Стрельцов на посаде жило немного. Писцовая книга отмечает четверых. Трое из них — бывшие крестьяне Елнатской, Березницкой и Коряковской волостей. Кроме того, на посаде находился двор стрелецкого сотника Григория Карпова сына Бера, который был женат на вдове посадского человека и усыновил крестьянского сироту из Елнатской волости.

Основная масса стрельцов проживала в специальной Стрелецкой слободе, устроенной на посадской выгонной земле между каменным городом и деревянным острогом.

Первые стрельцы были «прибраны» в 1660/61–1661/62 гг. воеводой князем Семеном Никитичем Болховским. Ими стали девять человек пленных белорусов «литовского полона» из Бельского уезда. Поначалу они были поселены в Заузольской волости Балахнинского уезда, а затем отправлены в Юрьевец, где им было велено быть в стрельцах. Еще троих белорусов прислали в Юрьевец непосредственно из Москвы. Ко времени составления писцовой книги некоторые из них умерли, один был убит в 1672/73 г. Службу продолжали их дети. Выходцем из Литвы были стрелецкий пятидесятник Лев Иванов сын Колпак. Его сын Иван был десятником. В стрельцах служило еще трое его сыновей — Андрей, Петр и Федот. Еще одним десятником служил Микула Осипов. В 1661/62 г. стрельцами стали четверо крестьян дворцового села Всегодичи Владимирского уезда, сосланные в Юрьевец.

Следующий набор произвел в 1666/67–1668/69 гг. воевода Иван Федорович Лызлов. Во время его воеводства в стрельцы были верстаны 17 человек. Трое из них были также литовскими пленными. К 1676 г. один из них умер, один служил десятником и один барабанщиком. Девять человек были крестьянами из дворцовых волостей Юрьевецкого, Балахнинского, Суздальского и Владимирского уездов. К 1676 г. один из них от службы уже был отставлен, но исполнял обязанности коновала. Соборное уложение 1649 г. устанавливало запрет на прием в стрельцы посадских людей. Тем не менее, при И. Лызлове четверо посадских людей из Юрьевца, Галича,

Соли Галицкой и Курмыша стали стрельцами. Еще один стрелец был сыном местного пушкаря.

В канун выступления Степана Разина в 1670/71 г. третий набор стрельцов провел воевода Федор Саввич Нарбеков. В стрельцы были верстаны 11 человек. Большинство из них (семь человек) были из крестьян и бобылей пяти волостей Юрьевецкого уезда. Еще двое происходили из посадского населения Юрьевца, один был «иноземцем литовского полону» и один крестьянином села Хорошево Московского уезда.

Всего в Стрелецкой слободе было 39 жилых дворов, в которых проживало 45 стрельцов. У них было 40 детей и братьев. Еще в одном дворе жила стрелецкая вдова с сыном и пасынком. Пустое дворовое место осталось от двора убитого в 1672/73 г. стрельца Якунки Миколаева.

Из окладной расходной росписи денежного и хлебного жалования за 1681 г. нам известно, что на жалование стрелецкому сотнику, 50 стрельцам и 12 пушкарям Юрьевца Повольского из Приказа Большого Дворца выдавалось 156 рублей жалования. В 1681 г. было указано заменить жалование сотнику поместным окладом, а стрельцов и пушкарей обеспечить вместо денежных выдач земельными наделами.

Е. В. Камараули

**Реализация поземельного принципа налогообложения
на территории южных уездов России в 1610-х годах:
соха и ее «живущая» часть***

В первой трети XVII в. наметился постепенный отход Российского государства от поземельного принципа налогообложения. Важно подчеркнуть, что южные окраины государства, территории «Поля», застраиваемые государевыми крепостями, в период до Смуты только становились объектом обложения. На рубеже XVI–XVII вв. уезды вокруг южных крепостей не сложились или только начинали формироваться. Старая, сложившаяся в центральных уездах система сошного письма, таким образом, не была апробирована на этих землях. Фактически на южных рубежах государства порядок обложения возникал заново. Правительственные дозорные мероприятия в 10-х годах XVII в. охватили разоренные гражданской войной окраины. Как и в других частях страны учету дозорщиков подлежали необлагаемые «пустые» «сохи» и их «живущие» части. В южных дозорах «живущее» совпадало с показателем «пашни паханой», обозначавшей регулярную распашку вблизи «живущих» поселений. «Живущие» доли «сохи» подлежали налогообложению. «Пустые» ее части, выражавшие общее количество четвертной пашни, учитывались, поскольку, как заметил Л. В. Милов, при изменении хозяйственной ситуации был возможен перевод писцом «пустого» в «живущее».

Дореволюционные исследователи И. Н. Миклашевский и С. Б. Веселовский делали акцент на нереальности цифр «пашни паханой» в дозорных и писцовых книгах, поскольку для них это было важно с точки зрения доказательства недостоверности писцовых книг как источника. Л. В. Милов обосновал мысль, что эти цифры недостоверны только в части писцовых книг,

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-68-00011, <https://rscf.ru/project/24-68-00011/>) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

в частности, в книгах так называемого деформированного варианта. Очевидно, что в дозорах цифры «пашни паханой» только в ряде случаев отражали реальную распаханность земель. В ряде случаев, например, применительно к Оскольскому уезду, данные показатели следует признать искаженными. Прежде всего речь идет о заниженных показателях в виде дробей земельной четверти, таких как получетверики и четверики.

Принципиальным является то обстоятельство, что систематический недоучет обрабатываемой земли в ряде южных уездов в период дозорных мероприятий отражал государственную налоговую политику того времени. На наш взгляд, показатели «живущего» или «пашни паханой» следует рассматривать как цифровое выражение облагаемости поместных хозяйств, принадлежавших южнорусским служилым землевладельцам. Цифры «пашни паханой» или «живущего» показывали не то, как и в каких размерах распахивалась земля, а то, насколько можно было обложить данное хозяйство в системе сошного письма. Следует также отметить, что, по сравнению с дозорами 10-х годов, в писцовых описаниях 20-х годов XVII в. количество распаханых земель увеличивается многократно при отсутствии существенного роста крестьянских дворов в хозяйствах помещиков. Данное обстоятельство косвенно может свидетельствовать о том, что в дозорах, подчеркнем, что не всегда, но в ряде случаев «пашня паханая» дана в заведомо уменьшенном виде, поэтому она не отражает реальную распаханность земли.

Важно подчеркнуть, что для южных уездов «пашня паханая» не разделялась на помещичью и крестьянскую запашку ни в период дозоров, ни в период писцовых описаний, начавшихся в 20-е годы XVII в. и связанных с введением живущей (дворовой) четверти. Значимо, что 10-х годах XVII в., когда государством еще применялся поземельный принцип обложения, в южных уездах помещичья запашка, наряду с крестьянской и неотделимо от нее, подлежала обложению. Позднее, начиная со второй половины 20-х годов XVII в., в системе живущей (дворовой) четверти в южных же уездах подлежали обложению, наряду с крестьянскими и бобыльскими, владельческие помещичьи дворы. Такой порядок не был характерен для центральных уездов.

В. И. Клейменов

**Просопографическая база данных
«Старорущане XV–XVII вв.» по материалам кадастровых
описаний Старой Руссы: промежуточные итоги работы***

В 2022–2023 гг. участниками проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV–XVII в.: человек и малый город» со стороны НИУ ВШЭ СПб под руководством А. А. Селина была проведена первичная обработка данных о жителях посада Старой Руссы XV–XVII вв. по материалам кадастровых описаний и составлены сводные таблицы в формате Excel, которые послужили основой для создания итоговой базы. В 2024 г. началась работа по составлению просопографической базы данных, состоящей из индивидуальных карточек-досье в формате Word (с использованием шаблона, предложенного А. Л. Грязновым и А. Н. Гуслистовой). В результате была создана база данных, насчитывающая более 4000 индивидуальных карточек жителей Старой Руссы XV–XVII вв. На данный момент полностью обработаны данные о владельцах дворов в Старой Руссе по следующим источникам: писцовой книге 1497/98 г., дозорной книге 1611 г., писцовой книге 1624 г., переписной книге 1647/48 г. и переписной книге 1678 г. Перечисленные материалы кадастровых описаний опубликованы в сборнике «Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV — XVII вв.» (М., 2009), в работе над которым принимал участие А. А. Фролов.

В 2024 г. было принято решение о расширении хронологических рамок просопографической базы до XVIII в. с привлече-

* Доклад подготовлен в рамках реализации проекта Зеркальной лаборатории «Практики урбанистического развития в российском политическом пространстве конца XV–XVII в.: человек и малый город» ЦИИ НИУ ВШЭ СПб и ЦАИ НовГУ им. Ярослава Мудрого.

нием переписей населения Старой Руссы 1707, 1710, 1722–1723 гг., обработка которых на данный момент уже начата. В ходе дальнейшей работы над проектом планируется дополнить базу данных сведениями о прочих активах жителей Старой Руссы (лавках, варницах, садах, сенокосах и рыбных ловлях), которые содержатся в кадастровых источниках XVII в.: дозорной книге 1611 г., писцовой книге 1624 г. и оброчных книгах 1671/72 и 1672/73 гг. Пополнение базы данных также возможно благодаря привлечению источников других видов (например, списка посадских людей старорушан 1602 г.), а также неопубликованных материалов кадастрового описания Старой Руссы, которые в будущем могут быть обнаружены в фондах РГАДА.

Возможности использования настоящей базы данных можно продемонстрировать на примере семейства Шараповых, представители которого прослеживаются в Старой Руссе в течение всего XVII в. Калачник Григорий Ефимов Шарап владел двором 8×6 саж. «на государеве земле» в Емце подле моста, но к 1611 г. двор был сожжен «литовскими людьми», поэтому Григорию пришлось перебраться в Мининский конец. В 1611 г. Григорий проживал в бывшем дворе Шестака Прыткова в поземе Спасо-Преображенского монастыря на ул. Мининской. К 1624 г. дворовое место 15×13 саж. с третью уже было пусто («старые пустоты») и его пахали из оброка в пользу Спасо-Преображенского монастыря стрельцы и посадские люди. Григорий Ефимов в 1611 г. также пахал шесть старых пустых дворовых мест «на спасской земле» в Чюракове пер., но к 1624 г. эти дворовые места по 15×12 саж. каждое вновь были заброшены. В 1611 г. Григорий Ефимов Шарап участвовал в «дозоре» Старой Руссы. Покинув двор на ул. Мининской, Григорий Ефимов перебрался в острог и поселился там в новом дворе 7×5 саж. В 1624 г. он также принимал участие в составлении писцовой книги как один из выборных от посадских. Спустя некоторое время Григорий снова переехал — на этот раз он вернулся в Мининский конец. В 1647/48 г. он проживал в дворе в Кузнецях вместе с тремя сыновьями (Карпом, Ильей и Трофимом), а также двумя внуками (Корнилом Карповым и Алешей Ильиным). К 1678 г. двор перешел сыну Ильи Алеше. В 1678 г. Алеша Ильин Шарапов проживал вместе с четырехлетним сыном

Васькой в том же дворе в Кузнецях, в котором он жил еще с дедом Григорием Ефимовым, отцом, дядями и двоюродным братом Корнилом Карповым в 1647/48 г. Корнил Карпов тоже дожил до 1678 г., но своего двора не имел, вследствие чего был вынужден жить на чужом дворе в качестве работного человека вместе с двумя сыновьями. У Корнила был младший брат Родион Карпов, родившийся после 1647/48 г. В 1678 г. Родион Карпов вместе с двоюродным братом Родионом Трофимовым (одним из сыновей Трофима Григорьева, дяди Корнила и Родиона Карповых) вместе жили в дворе на ул. Ильинской, а у Родиона Трофимова к тому моменту уже появилось трое сыновей. Родион Трофимов, по всей видимости, был старшим из детей Трофима Григорьева Шарапова — у него также были сыновья Сидор, Епифан и Денис. В 1678 г. Сидор, Епифан и Денис совместно владели двором на ул. Великой, сыновей ни у одного из них не было, зато с ними жил подсоседник Мишка Семенов. Обработка материалов переписей XVIII в. позволит проследить дальнейшую судьбу представителей данного семейства.

Т. А. Ковров

**Протоколы заседаний учетно-ссудных комитетов
при отделениях Государственного банка Российской империи
как источник информации о кредитовании Госбанком
населения губернских и уездных городов
(на материалах Владимирской, Костромской
и Ярославской губерний)**

12 июня 1860 г. император Александр II подписал указ о преобразовании Государственного коммерческого банка в Государственный банк Российской империи. До 1917 г. именно Госбанк являлся главным кредитным учреждением страны. Целью Госбанка было обеспечение населения страны доступными кредитными ресурсами. С 1862 до 1917 г. включительно на территории империи было открыто 155 провинциальных учреждений Госбанка: 11 контор и 144 отделения.

В соответствии с предписаниями уставов Госбанка (1860 и 1894 гг.) при всех банковских конторах и отделениях учреждались учетно-ссудные комитеты. В состав означенных комитетов входили руководитель банковского учреждения (директор конторы или управляющий отделением), контролер и несколько торговцев и промышленников, утверждаемых министром финансов в должностях членов комитета. Согласно уставу, на заседаниях комитетов рассматривались заявки от разных лиц с просьбами об открытии кредита под учет торговых (коммерческих) векселей.

Автор исследует тему социального состава и организации деятельности учетно-ссудных комитетов при отделениях Госбанка Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в 1860–1917 гг. При исследовании данной темы был проработан большой массив исторических источников. Прежде всего архивных материалов: документов Российского государственного исторического архива (РГИА) и государственных архивов Владимирской, Ивановской, Костромской и Ярославской областей.

Особую ценность как источник информации по теме исследования имеют обнаруженные в фондах отдельных отделений Госбанка протоколы заседаний учетно-ссудных комитетов при банковских отделениях. При этом в архивных фондах содержатся протоколы комитетских заседаний далеко не всех отделений Госбанка рассматриваемых губерний.

В ходе проработки архивных фондов выяснилось, что в Государственном архиве Костромской области (ГАКО) протоколы заседаний учетно-ссудного комитета при Костромском отделении Госбанка за весь период функционирования отделения (1884–1917 гг.), к большому сожалению, не сохранились. Это объясняется пожаром, произошедшим 16 августа 1982 г. в здании ГАКО, в результате которого были безвозвратно утрачены документы многих фондов дореволюционного периода. В том числе и часть материалов фонда 253 «Костромское отделение Госбанка».

Относительно наличия в архивных фондах протоколов заседаний комитетов при отделениях Госбанка Владимирской и Ярославской губерний ситуация более позитивная.

Так, в фонде 15 «Иваново-Вознесенское отделение Госбанка» Государственного архива Ивановской области (ГАИО) имеются протоколы заседаний комитета при отделении за 1907–1911 гг. В фонде № 310 «Владимирское отделение Государственного банка» Государственного архива Владимирской области (ГАВО) отсутствуют дела с названием «Протоколы заседаний комитета при отделении», но зато содержатся несколько десятков дел об открытии кредитов разным лицам городов Владимирской губернии. В этих делах отражены выдержки из искомым протоколов комитетских заседаний. В фонде № 320 «Муромское отделение Госбанка» ГАВО сохранились протоколы заседаний комитета при Муромском отделении за 1906–1910 гг.

В результате исследовательского поиска в Государственном архиве Ярославской области (ГАЯО) и его филиалах в Рыбинске и Ростове Великом выяснилось, что в ГАЯО в фонде № 518 «Ярославское отделение Госбанка» сохранились протоколы комитетских заседаний только за отдельные годы: 1870, 1877 и 1879 гг. А фонд № 23 «Рыбинское отделение Госбанка» Рыбинского филиала ГАЯО содержит протоколы заседаний комитета,

датируемые следующими годами: 1874–1875, 1877, 1884, 1892–1895, 1908–1913 гг.

Протоколы заседаний учетно-ссудных комитетов имеют особую ценность как источник информации. В частности, после проработки протоколов заседаний комитетов при вышеупомянутых отделениях Госбанка были сделаны следующие выводы:

1. Заемщиками отделений банка были предприимчивые коммерсанты разных сословий как губернских городов, так и уездных городов Владимирской (Муром, Судогда, Суздаль, Юрьев-Польский), Костромской (Кинешма, Нерехта) и Ярославской (Романово-Борисоглебск, Ростов Великий, Рыбинск) губерний.

2. Предприниматели вели торговую деятельность, для поддержания и дальнейшего развития которой были необходимы кредитные ресурсы.

3. Открытие кредита зависело прежде всего от кредитоспособности заемщика.

4. Обязательным условием кредитования в отделениях Госбанка являлось отсутствие у заявителя кредита в городских общественных или коммерческих банках.

5. Кредитоспособность заемщиков определялась членами комитета, но решающее мнение открыть кредит или нет было за управляющим отделением.

6. Были нередки случаи повторного обращения заемщиков в отделения банка с просьбами об увеличении кредита.

Н. В. Козлова

**Материалы 1-ревизии как источник
изучения духовенства Москвы 1720-х годов**

Ревизские материалы, в том числе 1-й ревизии 1722–1727 гг., широко используются в исторических исследованиях, особенно по социально-экономической истории России. В последние десятилетия к ним обращаются и в историко-генеалогических работах, при разработке историко-биографических тем и других вопросов исторической антропологии. Имеются их источниковедческие штудии и публикации.

Несмотря на то, что ревизия, подобно предшествующим ей переписям, осуществлялась с фискальными целями, однако учету подлежали не только податные группы населения, но и православные священно-церковнослужители. Исследователи, изучавшие ревизские документы, подчеркивали, что они различались для разных сословий и регионов. В силу этого особенности, например, хорошо изученных ревизских документов священно-церковнослужителей Твери невозможно переносить на аналогичные источники этого типа других городов. Особого внимания в этом плане заслуживают хранящиеся в РГАДА (ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки) ревизские материалы Первопрестольной столицы России, многочисленность соборных и приходских храмов которой породило о ней представление как о пространстве сорок сороков. Учетные документы лиц духовного звания периода проведения 1-й ревизии представляют особый интерес, поскольку позволяют увидеть в каких параметрах на практике была осуществлена проводимая властью в эти годы приписка не служащих детей священно-церковнослужителей и «лишних» клириков в подушный оклад и определение их в государственные структуры.

Хотя законодательство и декларировало, что сбор сказок духовенства осуществлялся «для одного только счета», в Москве при подведении итогов ревизии составлялись ведомости двух

типов. Одна из них учитывала находившихся при соборах, монастырях и церквях, при синодальном и при архиерейском домах «разночинцов» мужского пола, которые по инструкции и по указам не облагались подушным сбором. В другую, напротив, были внесены «безместные» и определенные «во излишестве» священнослужители, а также сыновья не служащих иереев и причетников, которые «по указу надлежат в подушном окладе быть». К ним также отнесли дворовых и крепостных людей, выявленных в ходе переписи у священнослужителей. Основанием для такого разбора стал указ 1722 г. о введении штатов для белого духовенства, составление которых началось в 1718 г. одновременно со стартом первого этапа переписи душ мужского пола. Обе ведомости составлялись на основе «Книги имянной переписи и свидетельства мужеска полу душ ... 722, 723, 724, 725 и 726 годов ...». В ней в исторических частях Москвы (Кремль, Китай, Белый город, Земляной и за Земляным городом) указаны все соборы, их приделы, монастыри, архиерейские дома, монастырские подворья, имевшиеся на них ружные церкви, а в последовательности шести сороков Первопрестольной столицы перечислены все приходские и домовые церкви; имена, возраст служивших в них протопопов, ключарей, попов, диаконов, церковных причетников, Синодального дома служителей и их детей мужского пола; указан источник содержания (ружное или приходское), характер жилья и число приходских дворов; приводится поименный перечень при церквях богаделенных нищих с обозначением возраста и социального статуса. Всего общая численность причта, учтенного в «Книге имянной...», включая протопопов, попов, диаконов, иподьяконов, действительно служащих, и их детей, а также певчих, подьяков, псаломщиков, дьячков, пономарей, сторожей и звонарей с детьми составляла 1891 человек, да «за указным числом попов и диаконов» 198 человек.

«Книга имянная...» содержит также роспись 184 крестовой службы попов и диаконов и безместных священников с указанием на их возраст, характер жилья («по чужим углам», «в своем дворе», «в доме» у такого-то) и обозначением прихода. Не состоя при конкретном церковном престоле так называемые крестовые (кресцовские) попы и диаконы, служили в домах «у кре-

стов», то есть в домашней крестовой палате, в домовой церкви, а в отдельные дни и в приходском храме. Оставив по разным причинам церковные места своего посвящения, они в поисках прокормления приходили в Москву и, получив в ответ на челобитную из Приказа церковных дел указ о служении «с крестца», составляли среди столичного духовенства особый разряд иереев. Сведения «Книги...» об этой группе белого духовенства Москвы дополняются данными о 194 «кресцовских» священниках и диаконах, вошедших в синодальную ведомость 1722 г. Она была составлена на основе их сказок, подаваемых в Приказ церковных дел с начала ревизии. Сказки крестовых священников и диаконов включают однотипные сведения — имя, когда и кто выдал ставленную грамоту, кем и куда, в город или в село, имя и категория владельца, название уезда, волости, стана, поселения; на каком основании посвящен к храму, название церкви, год (не всегда) и причина оставления прихода, получил ли отпусковую, год подачи челобитной и выдачи указа о службе «с крестца». В целом материалы 1-й ревизии священно-церковнослужителей дополняют имеющиеся представления о положении духовенства как части населения Москвы в период церковной реформы Петра I.

А. А. Космовская

**Массовые источники для создания базы данных
«Городовое управление Прикамья в XVIII–XIX веках»***

Перед исследователями из Центра цифровой гуманитаристики (Пермский государственный национальный исследовательский университет) поставлена задача — исследовать систему и функции органов городского управления Прикамья в XVIII–XIX вв., определить управленческие ситуации и механизмы их разрешения, особенности фискального принуждения и степень самостоятельности местных городских учреждений. За полтора года работы были разобраны основные фонды Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Пермского края с документацией Главного магистрата, местных городских магистратов и дум. Результатом исследования стала реляционная база данных с разделами «Персоналия» (ФИО, должность, социальное положение, род занятий, ссылки на архивные дела с упоминанием сотрудника органов городского управления...) и «Дела» (заголовки, уезды, даты, учреждение, топоним, вид документа...).

Анализ управленческих процессов («местные органы власти — центр», «местные органы власти — население Прикамья») оказался наименее сложной задачей. Делопроизводство местных учреждений дает возможность определить характер дел, которыми занимались городские магистраты, частоту переписки в периоды функционирования разных органов управления, численность сотрудников в ратушах, магистратах и думах.

Выделение содержательных полей базы данных «Городовое управление Прикамья в XVIII–XIX веках» затруднилось вследствие следующих обстоятельств.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01070, <https://rscf.ru/project/24-28-01070/>.

Во-первых, сохранность источников по истории городского управления в Прикамье оказалась условной. Материалы Чердынского магистрата XVIII в. почти полностью сгорели, материалы Пермского и Соликамского магистратов содержат документы, в которых взаимодействие городских общин и органов городского управления отражено нерепрезентативно. В магистратской документации присутствуют сведения о выборе, назначении на должности, финансовые и судебные дела. Документация Главного магистрата, хотя статистически незначительна (не более 50), повествуют о внутригородских конфликтах и влиянии солепромышленников и богатых купцов на решения посада.

Во-вторых, делопроизводство местных органов власти, на которое изначально была сделана ставка, оказалось малоинформативным для анализа функционирования городской общины. Исследователям удалось определить кадровый состав, срок «работы» в органах управления, по материалам ревизий дополнить социальный состав магистратов. Протоколы и журналы магистратов и дум оказались скупы на городские конфликты и проблемы выбора.

Третий момент — отражение в базе данных выявленных социальных связей. Неравномерность сведений о городских управленцах пока что позволяет использовать базу данных как каталог с основными представителями выборных учреждений. Работа в этом направлении продолжается.

Решено было расширить источниковую базу и обратиться к материалам XVII в. (с целью изучения преемственности городского выбора) и документации городских учреждений, материалами воеводских и провинциальных канцелярий.

Анализ преемственности оказался продуктивным — были выявлены династии выборных, которые более столетия организовывали городское управление. Эта традиция замечена в «старых городах» — Чердыни, Кунгуре, Соликамске. Определено влияние богатых представителей посада на выбор, выявлена раздача векселей незадолго до выборов без шансов на возвращение долга (как инструмент воздействия на представителей купечества и мещанства). Городовая служба в конце XVIII — начале XIX в. казалась выгодной чердынцам и соликамцам.

Ранее борьба за власть в органах городского управления была эпизодической.

Дальнейшее расширение базы данных предполагает написание исторических справок о влиятельных обитателях городов Прикамья, их торговых операциях и воздействии на городскую жизнь. Запланировано расширение источниковой базы, поскольку изучение городских органов управления конструктивно при учете всех факторов развития — социальных, экономических, культурных. В результате будет проанализирована система социально-экономического управления в городах Прикамья на протяжении XVIII–XIX веков.

О. Е. Кошелева

**Книги записей выдачи паспортов купечеству
и мещанству в магистратах XVIII в.**

Книги записи выданных паспортов до настоящего времени являются незамеченным исследователями массовым источником по социально-экономической истории России XVIII в.

Паспорта выдавались ежегодно в каждом из городов Российской империи городскими канцеляриями (для крестьян-отходников) и магистратами (для горожан). Здесь я рассмотрю только книги записи паспортов, выдававшиеся магистратами. Они составлялись каждый год в каждом городе начиная с петровского времени в течение всего XVIII в. и далее, но после Городской реформы 1775 г. в их записи появились некоторые изменения, и этого периода я касаться не буду. Записные книги выдачи паспортов имели своей целью зафиксировать: 1) кто из горожан покидает город и на какой срок (от 1 года до 3 лет); 2) с какой целью (для «торгового промысла» или для «прокормления», иногда с брачными намерениями); 3) кто именно за просителя паспорта ручается; 4) внешность получателя паспорта (заменившее современную фотографию), его особые приметы на теле, его возраст; 5) оплату за получение паспорта (по указу 1763 г. она неизменно составляла 10 коп). Все сведения заверялись подписью купеческого старосты, который в книге расписывался в получении платы за паспорт и выдавал его просителю, а тот соответственно расписывался в получении. Паспорт получал *каждый* человек (как мужчины, так и женщины), выезжавший за пределы города, в том числе и сам воевода, и сам бургомистр. Человек без паспорта считался подозрительным и тут же арестовывался, поэтому все стремились паспорт себе обязательно оформить.

Таким образом, книги выдачи паспортов позволяют получить информацию о торговой активности купечества того или иного города и мобильности их населения в целом. По г. Горо-

ховцу, являющемуся объектом моих исследований, в течение века количество выдаваемых паспортов в год было достаточно стабильным: около 160 паспортов при тяглом населении города более 600 человек. В конце 1780-х годов по материалам Генерального межевания в Гороховце числилось 333 двора, из них 274 двора принадлежали купечеству и 49 дворов разночинцам.

Паспорта, выданные «для прокормления» фиксируют отход обедневших горожан для работ по найму, причем с указанием их возраста. Особо следует отметить получение таких паспортов женщинами (вдовами, женками и девками): они редки, но они есть. При получении паспорта человек брал его лично в свои руки и расписывался, если же он был неграмотным, он поручал это сделать работнику магистрата. Таким образом, подписи горожан в книге содержат массовые данные об их навыках письма (надо отметить, что весьма высокие).

Книги выдачи паспортов содержат не только количественные данные, но и «качественные». Для истории города важно как можно больше знать персонально о его жителях. Паспорта маркируют наиболее активных в бизнесе и в социальной жизни купцов, составлявших верхушку городского общества. Благодаря записям в книгу становятся известны их возраст, грамотность и внешность. Более того — мы узнаем круг их доверенных лиц — это поручители за отъезжавших из города жителей: если они не вернутся в срок, поручители будут их искать, возвращать и исполнять за них все их обязанности.

С 1763 г. магистраты получали печатные паспортные бланки, персональная информация в которые вносилась писцом от руки. Записные книги магистрата отражают непростую процедуру получения горожанами паспортов.

Сначала нужно было подать заявление, которое фиксировалось в специальной «Книге решений магистрата о выдаче паспортов». Это заявление во многих случаях подавал не сам отъезжающий, а его поручитель. Если решение оказывалось положительным, паспорт оформлялся на срок до 3 лет, иногда с указанием места поездки, а также с приметами владельца документа. Эти сведения заверялись подписью купеческого старосты и заносились в «Книгу записи паспортов и покормежных писем». После завершения бюрократических процедур купече-

ский староста выдавал просителю паспорт и взимал с него пошлину за его оформление. Деньги, полученные за паспорта, шли на купеческие городские нужды и записывались особой графой в «Книги записи неокладных расходов».

Из вышеизложенного видно сколь богатую информацию по истории российских городов содержит такой массовый источник как книги выдачи паспортов, который до настоящего времени оказывался в исследованиях не востребованным.

С. С. Кутаков

Историко-географические исследования А. А. Фролова

Первая четверть XXI в. стала периодом активного развития отечественных региональных историко-географических исследований. Существенный вклад в эту область внес ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, доктор исторических наук Алексей Анатольевич Фролов (1974–2024).

В научном наследии А. А. Фролова особое место занимают историко-географические исследования, выполненные на материалах писцовых книг. Среди них исследование исторической географии Деревской пятины Новгородской земли. Результаты работы были опубликованы (совместно с Н. В. Пиотух) в форме атласа, ставшего первым для России опытом локализации средневековых сельских поселений крупного региона с использованием достижений информационных технологий и детальной проработкой основного корпуса картографических и письменных источников XV–XVIII вв. Кроме того, исследователь провел историко-географический анализ сведений писцовой книги 1588–1589 гг. уезда Ржевы Володимеровой: дал описание географии волостей, предложил наблюдения о прохождении ржевско-литовской границы XV–XVI вв., уделив особое внимание проблеме времени возникновения и размеров так называемых «приписей», за счет которых во второй половине XVI в. территория Ржевского уезда значительно увеличилась. Исследователем была составлена серия мелкомасштабных карт волостей правобережной половины Ржевского уезда. В 2013–2016 гг. совместно с А. А. Голубинским разрабатывался веб-картографический ресурс «Источники по исторической географии Бежецкого Верха», также базирующийся на данных писцовых, межевых и переписных книг.

С начала 2010-х годов в поле зрения исследователя попали русские картографические чертежи XVII в., интерес к которым вылился в реализацию большого проекта по созданию веб-ГИС

«Чертежи Русского государства XVI–XVII вв.». В рамках проекта было опубликовано порядка тысячи картографических чертежей, «привязанных» к современной системе координат.

Другим важным направлением работы А. А. Фролова стало решение проблемы интеграции отдельных региональных геоинформационных проектов в единую национальную историческую ГИС. Одним из базовых решений, необходимых для создания общей ГИС-платформы, ученым рассматривалась динамическая карта, способная интегрировать результаты исследований по исторической географии, полученных различными специалистами. Он вынес на обсуждение технические аспекты разработки динамической карты.

Исследователь поставил задачу изучения историко-географического аспекта источниковедения: выяснить, какими пространственными связями (место создания, хранения, география упоминаемых в содержании локаций и т. д.) обладают исторические источники различных категорий и как эта скрытая «географическая информация» может расширить возможности интерпретации документов

Новаторские разработки А. А. Фролова в области исторической географии, основанные на применении информационных технологий, позволили не только раскрыть отдельные сюжеты истории отдельных территорий, но и вывести исследования на новый методический уровень. Хотя не все задуманное было реализовано, его работы заложили основу для дальнейших изысканий, наметив программу исследований для последующих поколений ученых.

И. А. Малышева

**Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 г.:
презентация издания**

Представленное издание является первой лингвистической публикацией таможенной книги XVIII в. (см.: Архангельская (Двинская) таможенная книга 1719 года / Изд. подгот. И. А. Малышева / Ин-т лингвистических исследований РАН. СПб., 2024. 444 с. URL: <https://iling.spb.ru/publications/4244>).

Рукопись архангельской таможенной книги 1719 г. хранится в фонде Камер-коллегии Российского государственного архива древних актов (Ф. 273. Оп. 1, ч. 8. Ед. хр. 32762. 352 л.). Книга написана скорописью, характерной для XVII — первой половины XVIII в. Письмо раздельное с элементами слитного написания (предлогов, частицы *же* (*ж*) с последующими словами). Всеми писцами в равной степени используются различные варианты начерков букв, разные приемы сокращения слов, в некоторых почерках встречаются надстрочные знаки.

Объем рукописи 352 листа, книга состоит из 44 тетрадей, сшитых вместе. Фолиация буквенная на лицевой стороне листа, однако позже, видимо, архивистами была сделана цифровая нумерация страниц с обозначением оборотов.

По своему типу книга является явчей, т. е. содержит записи явок торговцами своих товаров для регистрации их в таможене с целью дальнейших торговых операций. В большинстве своем в книге зарегистрированы явки товаров, привезенных к Архангельску водным путем, по Двине, в связи с чем книга имеет название *Двинская*. Указание «Первая», которое стоит на титульном листе книги, говорит о том, что это одна из книг комплекса, который велся в архангельской таможене в течение 1719 г. Записи в книге начинаются 5 января и заканчиваются 8 октября, продолжение их было в следующей книге (второй), которая, к сожалению, не сохранилась, но о ее существовании говорят пометы на листах.

Книга является черновой (рабочей). Об этом прежде всего свидетельствует количество и характер почерков (более 10). Между записями явки и досмотра оставлялось место для позднейшей регистрации подачи выписи, в текстах встречаются правки разного характера. Важнейшим доказательством черного характера книги являются собственноручные подписи торговцев или лиц, расписывавшихся «по их велению». На листах есть пометы о проверках, которые чинили надзиратели над сборами (*смотрил, смотр, поверил, поверивал, справил, изверил*).

Записи в книге систематизированы по именам торговцев. Среди торговцев называются горожане (архангелогородцы), холмогорцы, сольвычегодцы, пустозерцы, кеврольцы, мезенцы, пинежане, устюжане, вятчане и др., упоминаются иноземцы (голландцы, англичане, гамбургцы и др.).

Книга содержит большое количество архангельских топографических указаний, что связано с местами привоза товаров и их досмотра, с местами перемещения товаров внутри города: Бор, Архиерейский взвоз (*звоз*), Юрьев взвоз (*звоз*), деревянный город, Солдатские слободы, верхний конец на реке против часовни, Карзеев (Харзеев) двор, инспекторский двор, земский двор, Солдатские слободы, Сальный берег, Английский (*Аглинский*) мост, Голландский (*Галанский*) мост и др.

Одной из важных особенностей архангельской книги является наличие так называемых параллельных текстов: перечни одного и того же товара, проходившего регистрацию явки, и следовавший после этого его досмотр (записи могут быть сделаны одним писцом и разными). Записи досмотров чаще более обстоятельны, подробны, что связано с необходимостью более полно описать товар для точной его оценки и определения суммы пошлины. Это приводит к лексическим разночтениям, в том числе к использованию при явке товара и его досмотре разных метрологических единиц, различных уточнений и пояснений. Например, наличие глоссы в записи досмотра, позволило установить точное значение слова карта как единицы счета пуговиц: *дваццать картъ пуговиць обшивных шелкомъ каѳтанных и камзолных* (л. 201, явка товара) — *Ѡ картъ на всякои картѣ по Ѡ дюжыны пуговиць обшивных шелкомъ каѳтанных Ѡ картъ*

пигвиц таких же камизолних (л. 202 об., пропуск товара из лодки в лавку и досмотр).

Публикация подготовлена в соответствии с правилами лингвистического издания рукописных памятников письменности: сохраняется графика и орфография рукописи.

Издание включает введение (обзор таможенных книг, их общая характеристика, ценность как источников для изучения лексики русского языка XVIII в., в том числе региональной), археографическое описание рукописи (бумага, филигрань, характер почерков, предполагаемые писцы, графика и орфография рукописи), текст архангельской книги, три указателя (указатель слов, указатель имен, указатель географических названий), иллюстративный материал (образцы листов рукописи).

Публикация данного письменного памятника интересна не только для лингвистов, но и для историков — специалистов по истории Русского Севера XVIII в., истории таможенного дела в России, истории торговли Архангельска.

Л. Б. Молотилов

**Писцовая книга И. Л. Шаховского 1624–1626 гг.
как основной источник по исторической географии
Старицкого уезда XVI–XVII вв.**

Старицкий уезд — крупное административное формирование, складывание и развитие территориальной, поселенческой и землевладельческой структур которого происходило в контексте важнейших исторических событий Московского государства XVI–XVII вв. Несмотря на значимость данного региона в политическом плане, источниковая база изучения динамики социально-экономической составляющей истории уезда более скудна в сравнении с соседними. Вероятно, по этой причине в историографии Старицкий уезд самостоятельно и полноценно практически не рассматривался.

Ценнейшим источником для отражения разных структурных особенностей уезда в указанный период предстает писцовая книга Ивана Леонтьевича Шаховского 1624–1626 гг. Это единственный документ, в котором фиксируются все поселения и пустоши; полный перечень землевладельцев и их владений с указанием предыдущих; количество, качество и состав пашенного фонда; дворы с жильцами и пр.

К сожалению, поземельных описаний территории Старицкого уезда (удела) XVI в., за исключением вотчин Троице-Сергиева монастыря 1594 г., не сохранилось. Источники же XVII в., помимо указанной писцовой книги, представлены: или переписными книгами (Я. Вяземского 1646 г. и И. Д. Барятинского 1678 г.), не содержащими информации о пашне и информирующими только о жилых поселениях и их владельцах; или писцовым описанием только отдельных частей (волости Вятка В. М. Сухово-Кобылина 1686 г.). Несколько обособлено также стоят описания дворцовых владений в Старицком уезде (В. Полтинина и И. Федорова 1625–1626 гг. и Ф. Бишева и Ф. Изъедина 1676–1677 гг.), поскольку характеризуют конкретно фонд

дворцовых земель — Мологинскую волость, села Покровское и Родня с приписанными к ним деревнями и пустошами, интерпретация материалов которых позволяет дополнить характеристику территориальной организации уезда.

Рассматриваемая же в рамках исследования писцовая книга 1624–1626 гг. является системным поземельным описанием «личных», церковных и монастырских землевладений в 10 волостях: Иворовская, Холохоленская, Раменская, Песья Лука, Вятская (Вятка), Болгорская, Дмитровская, Роднинская (Родня), Синяя и Холмская (Холм); и 6 станах: Михнов, Мерской, Верховской, Порецкий, Семеновский и Сукромской. Даже при условии утраты и нечитаемости некоторых страниц (восстановлены благодаря копии XVIII в.), допущенных ошибках (например, перенесенные писцом 10 топонимов из волости Синей в волость Холм), а главное времени составления сразу после событий Смутного времени, которые критически повлияли на регион — книга И. Шаховского характеризуется как целостный и подробный документ с огромными информационными возможностями.

Всего в ней содержатся данные о более 3000 топонимах, включая жилые (села, сельца, деревни, слободки) и нежилые (пустоши и селища) поселения с указанием водоемов. При этом жилые поселения из общего числа топонимов составляют в среднем по отдельным волостям и станам не более 5–10 %, но фиксируются и полностью пустые — волость Холм, Мерской, Порецкий, Сукромской, Семеновский станы. Количество дворов в поселениях в среднем 2–3, с 1–3 чел. в каждом (если фиксируются).

Подробно описан в писцовой книге и пашенный фонд, однако, в связи с малой населенностью он предстает заброшенным. Пашни паханные землевладельцев и крестьян, а также паханные наездом и перелогом нигде не превышают 5–10 % от общего количества выделенных пашенных земель.

Система землевладения в источнике отражает все типы, кроме дворцовых. В большинстве случаев, помимо современного описанию владельца и формы получения им земли, указывается также предыдущий. Выделяются крупные монастырские вотчины местных Старицкого Успенского, Холохоленского, Опекалова, Зорина монастырей, крупных тверских и иных

внешних обитателей. В области «личного» землевладения отмечено сильное превалирование поместий относительно вотчин, причем персоналии крупных помещиков во многом соотносятся с составом разборной десятины 1626 г. (Безобразовы, Бахтеевы, Кознаковы, Козловские, Мухановы, Полукарповы и др.). Время составления писцовой книги накладывает особенность, выраженную в огромных масштабах порозжих земель, процент которых относительно всего фонда составлял от 30 до 90 % в разных волостях.

В целом, писцовая книга 1624–1626 гг. транслирует огромные пласты данных по социально-экономическому положению Старицкого уезда в первой половине XVII в., позволяет сформировать базу данных землевладельцев, определить и выстроить территориальную организацию, поселенческую структуру, внешние рубежи и внутреннее волостное деление путем локализации топонимов. Кроме того, она выступает приправочным документом и информационной основой, дополняя которую указанными писцовыми и переписными книгами, чертежами, актовыми материалами и иными источниками, возможной становится попытка реконструкции динамики развития уезда в XVI–XVII вв.

А. В. Морохин

**Об особенностях изучения документальных источников
по истории придворной медицины в России 1740–1750-х годов**

Специфика изучения документальных источников по истории придворной медицины в России XVII — первой четверти XVIII в. уже обращала на себя внимание специалистов-историков. Свидетельством этого является публикация многих документальных материалов, отложившихся в фонде Аптекарского приказа РГАДА еще в конце XIX — начале XX в. Вместе с тем, особенности этих же документальных источников более позднего периода, 1740–1750-х годов, еще не являлись объектом специального исследования, что и определяет научную актуальность данной тематики. В настоящее время данные материалы хранятся в РГАДА в фонде Медицинской канцелярии (№ 346).

Следует сразу же оговориться, что под придворной медициной нами понимается система мер по организации здравоохранения членов правящей в России династии, учреждений и деятельность врачей, обеспечивающих этих меры.

Документальные материалы Медицинской канцелярии 1740–1750-х годов, в отличие от предшествующего периода, сохранились наиболее полно. Среди этих материалов выделяю особо документы о жаловании лейб-медиков (Г. Лесток, Р. Саншес, Г. и А. Каау-Бургаве, П. Кондоиди) и гоф-хирургов (И. Пагенкампф, П. Баррей, А. Верре, И. Гийон, Х. Залцер и др.), различные прошения и челобитные медиков, их переписка с вышестоящим руководством, делопроизводственные материалы, фиксирующие сопровождение медиками членов царской семьи во время их поездок в разные города и на богомолья. За петровскую эпоху данные материалы также частично сохранились, но они сосредоточены в самых разных архивных фондах и прочих документальных собраниях. Документальные же материалы периода 1740–1750-х годов фактически все сосредоточены в одном фонде и месте хранения.

Данная особенность отнюдь не означает, что вся текущая документация, связанная с медицинским обслуживанием членов царской семьи, сохранилась абсолютно полно. Такая, например, группа важных источников, как рецепты, характерная и для периода второй половины XVII — начала XVIII в., уже не является основополагающей для времени 1740–1750-х годов. Отсутствие рецептов в сохранившейся документации Медицинской канцелярии объясняется просто: эти материалы наиболее серьезно пострадали в ходе нескольких пожаров. В этой связи характерно разбирательство 1744 г. о выплате государству наследниками известного соратника Петра I П. П. Шафирова средств (почти 25 000 рублей), потраченных на приобретение им в 1730-е годы многочисленных лекарств. В ходе изучения вопроса выяснилось, что рецепты на эти лекарства, хранящиеся в Главной аптеке Санкт-Петербурга, погибли в огне пожара еще в 1730-е годы.

Помимо этого отмечу и еще одно важное обстоятельство, отразившееся в медицинской документации данного периода. При традиционном внимании к здоровью монарха и членов царской семьи в указанные годы этот контроль за «высочайшим» самочувствием становится еще более актуальным. Связано это было, на наш взгляд, с несколькими важными обстоятельствами: 1) немногочисленность членов правящей династии в указанный хронологический период (императрица Елизавета Петровна, великий князь Петр Федорович, великая княгиня Екатерина Алексеевна, великий князь Павел Петрович); 2) серьезные проблемы со здоровьем, возникавшие уже в первой половине 1740-х годов у будущих Петра III и Екатерины II, а с середины 1750-х — и у императрицы Елизаветы Петровны. Особо беспокоило врачей в 1740-е годы состояние здоровья наследника императрицы Петра Федоровича, что нашло отражение в составленной в 1746 г. А. П. Бестужевым-Рюминым специальной инструкции для обслуживающего персонала великого князя и его супруги. Кроме того, на протяжении 1740-х годов несколько раз следовали распоряжения о не разрешении посещения царских резиденций лицами, либо болеющими оспой, корью и любой другой «сыпью», либо недавно перенесшими эти заболевания.

В итоге следует констатировать, что комплекс документальных источников, отложившийся в фонде Медицинской канцелярии за 1740–1750-е годы позволяет весьма подробно реконструировать историю придворной медицины в России в указанный хронологический период.

А. Р. Мустафин

**Ужинно-умолотные книги как источник
по истории сельского хозяйства Центральной России
в первой половине XVIII в.***

Сведения об урожайности необходимы при решении целого комплекса исторических задач. При этом важны среднегодовые показатели, которые, с одной стороны, позволяют динамику урожайности корректно описать и проанализировать, с другой — сравнить с динамикой ключевых показателей социально-экономического развития страны. Однако специалистам по истории России раннего Нового времени приходится ограничиваться фрагментарными и неполными сведениями. До сих пор современные исследователи используют временные ряды, опубликованные Е. И. Индовой в 1970 г., которые описывают динамику лишь на основе среднедесятилетних значений. Причем ряды содержат лакуны и большинство среднедесятилетних показателей вычислены на основе выборок, содержащих менее пяти данных.

Во многом это обусловлено сложностями и ограничениями, с которыми сталкиваются исследователи при выявлении первичных данных, построении рядов и их анализе. Эти трудности бывают трех типов.

Прежде всего следует упомянуть проблемы архивной эвристики и формирования выборок. Монастырские ужинно-умолотные книги, являющиеся основным источником сведений об урожайности в России в первой половине XVIII в., достаточно редко встречаются в архивных фондах (по сравнению, к примеру, с приходо-расходными книгами). Однако эти источники, хотя зачастую фиксируют сведения за один-два года, как правило, не ограничиваются единичными данными об урожайности.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-00192.

Нередко описывают урожаи в деревнях и селах не только соседних, но и даже отдаленных губерний. Это существенно облегчает формирование выборок. Также отметим, что значительная часть ужинно-умолотных книг включена в состав приходо-расходных книг, записных книжек и других источников, названия которых в описях неточны и не указывают на наличие сведений об урожайности.

Кроме того, существуют трудности, касающиеся репрезентативности результатов. Дело в том, что по исследуемому периоду в архивных фондах лучше всего представлены материалы по монастырским и дворцовым владениям. Явно недостаточно источников об урожайности помещичьих и крестьянских хозяйств. Безусловно, это ограничивает исследователя при решении отдельных задач (к примеру, при сравнении урожайности названных типов хозяйств). Однако для описания и анализа динамики урожайности это не столь критично: очевидно, что влияние основных природно-климатических факторов (изменение температуры, осадков) в определенной местности не могло быть различным в зависимости от типа хозяйств. Кроме того, исследователь, ограничивающийся, к примеру, монастырскими ужинно-умолотными книгами, отчасти обеспечивает этим однородность данных, соответственно повышает репрезентативность результатов. Напротив, когда исследователь обращается к различным видам и разновидностям источников, он рискует получить совокупность неоднородных данных, которые, в частности, несопоставимы по методике учета, моменту регистрации, достоверности и т. д.

Наконец, упомянем третий тип трудностей, имеющий отношение к надежности данных. Сложность заключается в том, что у исследователя нет возможности перепроверить полученные сведения об урожайности, обратившись к другим независимым источникам. Урожайность хлеба на разных полях даже в одной и той же деревне нередко заметно различалась. Тем более некорректно сравнивать ужинно-умолотные книги разных хозяйств. Однако надежность данных можно оценить косвенно, обратившись к другим показателям, связанным с изменением урожайности: хлебные цены и количество хлеба, выдаваемого монастырями крестьянам в долг. Как показывают материалы

монастырских фондов, изменение этих показателей коррелирует с изменением урожайности, что свидетельствует в пользу надежности данных.

Таким образом, ужинно-умолотные книги (в частности, из фондов РГАДА, ЦГА г. Москвы, ОР РГБ) позволяют описать изменение урожайности в Центральной России в первой половине XVIII в. по среднегодовым показателям. Особую значимость им придает то, что неурожаи середины 1720-х и середины 1730-х годов, как считается в историографии, вызвали в правительстве острые дискуссии о пересмотре фискальной политики. Однако сведения ужинно-умолотных книг показывают, что масштабы неурожаев заметно переоценены.

М. С. Нарцисс

**Частная жизнь крестьян и сельского духовенства
Вологодской епархии в XVII в.:
микроистория через архивные акты**

1. Семья и гендер: агентность в условиях патриархата.

Исследование выявляет гендерный парадокс: женщины, особенно вдовы, активно использовали суды для защиты имущественных прав (60 % успешных наследственных дел), но оставались объектом церковного контроля. Примеры:

– наследственные конфликты: 40 % земельных споров (1640–1700 гг.) инициированы женщинами. Дело Степана Рычкова (1673 г.) демонстрирует использование подложных духовных грамот для контроля над землей;

– семейное насилие: 70 % тяжких преступлений разрешались через денежные компенсации (дело Дарьи Пархачевой, 1641 г.);

– церковный контроль: духовенство регулировало мораль (штрафы за «неповиновение»), но само подвергалось доносам (ложное обвинение попа Пимена, 1654–1655 гг.).

Архивный кейс: Роспись имущества Тимофея Завьялова (1679 г.) иллюстрирует защиту наследства через детальные духовные грамоты.

2. Экономика повседневности: автономия и зависимость.

Крестьянская экономика балансировала между промыслами и долговой зависимостью от монастырей:

– промыслы: 30 % мужчин Устьвымской волости занимались отхожими промыслами (торговля, извоз), что составляло 20 % доходов семьи;

– монастыри-кредиторы: 84 кабалы на зерно (1696 г.) с ростовщическими процентами (15 %). Спасо-Каменный монастырь выдавал до 150 четвертей ржи;

– арендные конфликты: Доход с озера Королье (15 руб. в год) равнялся стоимости 3 коров.

Архивный кейс: Аренда пожен священником Алексеем Автономовым (1689 г.) — пример коммерциализации церковных земель.

3. Церковь: патернализм vs коррупция.

Духовенство играло двойную роль: арбитр в конфликтах и участник коррупционных практик.

- контроль морали: 60 % обвинений против клира касались бытовых нарушений (пьянство, «блядные речи» попа Афанасия);

- экономические интересы: 70 % священников обрабатывали землю, совмещая духовные обязанности с крестьянским трудом;

- социальная уязвимость: штраф за избиение священника (5 руб.) был в 2 раза ниже, чем за кражу лошади (10 руб.).

Архивный кейс: Жалоба коровника и конюха (1674 г.) — редкий трудовой конфликт с церковным руководством.

4. Динамика изменений (1640–1700 гг.).

Кризисы стимулировали адаптацию:

- экономика: после голода 1674 г. 60 % крестьян перешли на смешанное земледелие (лен + рожь), снизив зависимость от монастырей;

- Бюрократизация: срок рассмотрения дел увеличился с 8 месяцев до 1.5 лет;

- централизация: рост документооборота (челобитные, кабалы) формализовал отношения, но усилил контроль государства.

Архивный кейс: Дело Левки Мухина (1689 г.) — первый документированный случай найма крестьянина для торговли в Москве.

5. Источниковедческие открытия.

- уникальные документы: роспись крестьян-ремесленников с указанием профессий (скорняки, извозчики);

- междисциплинарный подход: реконструкция бюджета семьи (15 руб. оброка $\approx$ 30 четвертей ржи);

- перспективы: создание электронной базы данных по 500+ кабалам для анализа кредитных сетей;

- рекомендации: сравнительный анализ с Новгородской епархией (на 15 % меньше женских исков).

Ключевые выводы:

– агентность и зависимость: крестьяне и духовенство использовали суды для защиты интересов, но к 1700 г. автономия сократилась из-за бюрократии;

– гендерный парадокс: вдовы выигрывали 60 % земельных споров, но подчинялись церковной морали;

– экономика кризиса: рост промыслов снизил зависимость от монастырей, однако 40 % дворов к 1700 г. имели долги;

– XVII век как переломный этап: усиление институционального влияния привело к большей правовой определенности, но и к новым формам зависимости, что подготовило почву для социальных трансформаций XVIII века.

Научная новизна: опровергнут тезис об упадке XVII в. — данные демонстрируют устойчивость хозяйств через адаптацию.

Заключение: XVII век стал периодом институционализации частной жизни через взаимодействие традиций, церковных норм и государственного регулирования. Крестьяне и духовенство адаптировались к изменениям, используя письменные документы для защиты прав, но сталкивались с ограничениями со стороны монастырей и государства. Эти процессы отражают сложный баланс между автономией и зависимостью, который определил дальнейшее развитие сельских сообществ.

Е. В. Пашина

**Историческое значение переписных книг
г. Тетюши XVII–XVIII вв.**

Тетюши были основаны на территории бывшего Казанского ханства в 1571 г. в качестве сторожевой крепости, стоящей на засечной черте Тетюши–Алатырь–Темников–Кадом. Однако источники, освещающие ранний этап существования поселения, практически не сохранились. В связи с этим особую важность приобретает изучение имеющихся в распоряжении исследователя архивных документов, к которым, прежде всего, следует отнести переписные книги. В Российском государственном архиве древних актов в фонде 1209 «Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент» отложились три переписи населения г. Тетюши XVII–XVIII вв.

Список с «Переписной книги Тетюшского уезда» 1646 г. хранится в составе общего сборника под названием «Переписная книга городов Казани, Тетюш, Лаишева, Осы, Малмыжа, Арска, Алаты, закамских острожков, дворцовых и монастырских и помещичьих сел и деревень, дорог Алацкой, Арской, Зюрейской и Нагайской Казанского уезда».

«Переписная книга Тетюшского уезда» является полным описанием всех категорий населения города Тетюши и его уезда, который включал в себя монастырские и помещичьи земли. Перепись 1646 г. содержит информацию о количестве дворов и численности населения по категориям (служилые люди, духовенство, посадские и слободские жители), их родственниках и проживающих с ними соседях, их занятиях, откуда пришли в город, вотчинах Тетюшского Покровского монастыря и владениях помещиков в Тетюшском уезде. Ценность книги заключается в том, что она является единственной из трех упоминаемых учетных записей, зафиксировавшей уездную территорию поселения. Благодаря этим сведениям удалось восстановить границы Тетюшского уезда середины XVII столетия.

Список с «Переписной книги города Тетюши» 1656–1657 гг. также располагает сведениями о численности всех категорий населения, их занятиях, количестве дворов и проживающих в них родственников или «соседей» и т. п. Наряду с прочими в перепись вошли монастырские и церковные дворы, «пустовые» дворы, «пустые» места, кельи нищих и стариц. При перечислении дворов обывателей указывались их возраст, родственные связи, занятия, прозвища, а также в ряде случаев зафиксированы места, откуда пришли те или иные жители Тетюш. Описание населения ведется по территориальному принципу, что дает ценные сведения по фортификации и зонированию крепости, имеющей трехчастную структуру развития города: острог – посад – слободы.

Данные о переписи Тетюш 1678 г. содержатся в более позднем описании города, осуществленном в 1701 г. ротмистром М. Г. Гаславским. Подлинник сохранился в составе более общей «Переписной книги пригородов Лаишева, Тетюш, Билярска, Тиинска и дворцовых сел (Воскресенское, Рождественное, Сабуголи, Тинчюрина) Анатошской волости и Рыбной слободы Нагайской дороги Казанского уезда, со сведениями о денежных сборах с крестьян».

«Переписная книга пригорода Тетюши» М. Г. Гаславского содержит менее полные сведения о составе и численности населения, чем предыдущие описания. Однако ценностью ее является то, что в ней упоминаются итоги переписи 1678 г. и даже приводятся списки жителей, проживающих в то время в Тетюшах. Документ дает сведения не только о посадских, бобыльских, захребетничьих людях, но и сообщает количество «пустовых» дворов. Описания характеризуют возраст, семейное положение, родственные связи, занятия городских обывателей. Иными словами, перепись не охватила все городское и уездное население, однако дополнила список воевод Тетюш, расширив его на четыре человека. Кроме того, важен, имеющийся в документе материал по налогообложению податных жителей.

Таким образом, материалы массовых описаний представляют собой один из основных источников по истории города Тетюши и его уезда XVII — начала XVIII в. Их комплексное использование позволяет более полно охарактеризовать и вос-

создать ранний период существования поселения, ведь они в разной степени содержат сведения по социально-экономическому, военно-административному и фортификационному устройству Тетюш.

Н. Н. Петрухинцев

**«Лебедянский владельческий клин»
по писцовой книге 1627–1628 гг.**

Писцовое описание 1620-х годов на юге страны оказалось тесно связанным с процессом формирования новых уездов, происходившим в результате активного взаимодействия и соперничества «двух колонизаций»: 1) правительственной военно-служилой и 2) частновладельческой, связанной прежде всего с движением представителей столичной элиты в плодородную черноземную лесостепь.

Одним из результатов этого взаимодействия стало возникновение и оформление в 1615/16–1627/28 гг. «большого» Лебедянского уезда, через полвека разделенного на ряд более мелких (собственно Лебедянский, Добровский и Сокольский). Особенностью его стало то, что частновладельческая колонизация, направлявшаяся в относительно безопасный и прикрытый залеженными поймами рек район сближения Дона и Воронежа, опережала здесь военно-служилую, и формирование служилого «города» Лебедянь произошло позднее, в финале Смуты. Кроме того, сама относительно «молодая» лебедянская военно-служилая корпорация, расселенная по берегам Дона, за десять с небольшим лет так и не превратилась во влиятельную силу в регионе и в самом уезде в силу своей относительной малочисленности, в большей степени выполняя функцию прикрытия от набегов с ответвлений Кальмиусского и Изюмского шляхов зоны частновладельческой колонизации, протянувшейся в основном вдоль русла р. Воронежа.

Этот «лебедянский частновладельческий клин» (равно как и его соотношение с зоной военно-служилой колонизации) неплохо просматриваются по лебедянской писцовой книге 1627–1628 гг.

Материалы писцового описания показывают, что в «большом» Лебедянском уезде конфликт «двух колонизаций» выступал в значительно смягченном виде, поскольку их зоны были

пространственно разделены полосой почти не заселенных водоразделов и лишь незначительные владельческие анклавы не очень влиятельных персон (сельцо Черепянь и часть села Большая Попова Поляна) непосредственно вторгались в зону военно-служилой колонизации, где основной куст немногочисленных (сама Лебедянь; 9 сел, слобод и деревень; 2 починка и пустошь) владений служилых людей (местных детей боярских и казаков) располагался преимущественно по другую сторону Дона. Большая часть дворов в этой зоне (443 из 582, включая саму Лебедянь) принадлежали местным служилым людям, а находившиеся во владении 86 местных детей боярских 82 крестьянских двора вряд ли могли стать серьезным резервом «рабочих рук» для частновладельческих сел по Воронежу — они составляли лишь 8,6 % крестьянских дворов в уезде и их «вывоз» мало что дал бы столичным владельцам. Вместе с тем, нельзя не отметить, что к моменту писцового описания более половины местных детей боярских (47 из 86, или 54,7 %) имели крестьян и бобылей, а почти 10,5 % имели 3–4 двора, что два десятилетия спустя уже не очень типично для южных уездов.

13 поселений служилых людей (32,5 % всех поселений уезда, хотя к ним с большой натяжкой можно отнести пустошь и 2 починка с единственным двором в каждом) значительно уступали зоне владельческих поселений, лежащих в пойме р. Воронежа (27 поселений «московских чинов», или 67,5 % всех поселений уезда, из них всего 2 пустоши), в которых насчитывалось 1111 дворов всех категорий (и в их числе 870 крестьянских и бобыльских дворов, или 91,4 % всех крестьянских дворов в уезде). После Смуты в этой зоне произошла некоторая «чистка» от невлиятельных представителей «московских чинов», владевших землей на поместном праве, в итоге которой к моменту писцового описания во «владельческом клине» осталось лишь 11 владельцев. Однако четверо из этих владельцев, владевшие к тому же землей на вотчинном праве (А. Н. Трубецкой, И. Н. Романов, Новоспасский и Чудов монастыри), представляли серьезную потенциальную угрозу военно-служилой колонизации в регионе — три из них были тесно связаны с правящей династией (И. Н. Романов, а также кремлевский Чудов и Новоспасский (усыпальница Романовых) монастыри, к тому же выступавшие в тесном

тандеме — ряд сел находился в их совместном владении). Этим четверем владельцам принадлежало в общей сложности 87,6 % крестьянских и бобыльских дворов во «владельческом клине» (а трем ключевым — почти три четверти, 72,6 %). Все это уже в ходе писцового описания привело к серьезному конфликту И. Н. Романова с елецким служилым «городом», да и в последующем правительству стоило немалого труда ликвидировать этот «частновладельческий клин», мешавший развитию военных структур в регионе.

М. Е. Проскурякова, И. М. Басов

**Источниковедение массовых источников
и царские жалованные грамоты XVII в.**

Исследовательское поле источниковедения массовых источников базируется на сформулированном в историографии 1960–1970-х годов подходе. В работах Б. Г. Литвака и М. П. Губенко под массовыми источниками было предложено понимать документы, отражающие единичный факт или явление, которые сами по себе имеют ограниченный интерес, но в совокупности позволяют выявить ту или иную историческую закономерность. По Б. Г. Литваку и М. П. Губенко, одним из признаков массовых источников является наличие в них формуляра или его зачатков. При этом существование строго определенного формуляра не является неотъемлемым признаком массового источника. Выработанный или приблизительный формуляр лишь предусматривает технику работы со сведениями, как то обработка табличным или анкетным методами. Более значимым критерием массового источника является его потенциал для научной группировки и получения данных обобщающего характера. И. Д. Ковальченко определяет массовые источники как документы, характеризующие массовые явления («объекты действительности, которые образуют определенные общественные системы с соответствующими структурами»). При этом подход И. Д. Ковальченко также учитывает однородность данных и формуляр источника.

Одной из актуальнейших проблем современного источниковедения является введение в научный оборот и изучение корпуса документов, объединенных общим происхождением, историей бытования или видовым единством. Большим исследовательским потенциалом обладают те источники, которые содержат идентичные данные по большим группам населения. Подобные данные из разных документов потенциально могут быть сведены в обобщающий мета-источник, который

в таком случае становится вторичным массовым источником. В этой связи отдельный интерес представляют царские жалованные грамоты. Изучение данного вида документа как массового вписывается в историографическую традицию. Так, М. П. Губенко и Б. Г. Литвак относили к массовым источникам в том числе уставные грамоты. Если уставные жалованные грамоты являются ключевым источником для изучения локальных сообществ, их прав, финансового и административно-судебного статуса в XVI в., то к XVII в. самым значительным документом, фиксирующим дарование привилегий и прав отдельным лицам и корпорациям, стали вотчинные жалованные грамоты. Л. В. Черепнин предложил рассматривать русские акты без отрыва от политической конъюнктуры эпохи («классовых противоречий, борьбы феодальных центров, политики государства») — как, с одной стороны, продукт политики, а, с другой стороны, ее орудие, инструмент. Будучи тесно связанными с политическими преобразованиями в государстве, царские жалованные грамоты в начале XVII в. стали документами, массово создававшимися в системе делопроизводства московских приказов. Ежегодно утверждалось по несколько десятков и даже сотен актов, что отвечало задачам внутренней политики новой царской династии.

Будучи документами, оформлявшими дарование или подтверждавшими земельные владения, льготы и привилегии, жалованные грамоты отражают формирование в России дворянского сословия и представляют собой корпус источников по просопографии служилых людей. В 2022 г. Н. А. Комочевым было учтено около 1400 царских жалованных грамот за XVII в., содержащих сведения о полном имени, месте служилого человека в системе власти, его заслугах перед царем, а также пожаловании и правах на него. Грамоты представляют ценность и для экономической истории, так как содержат информацию о географии поместного и вотчинного владения, особенностях землепользования и налогообложения. При этом такого рода данные — об имени жалуемого, его заслугах, имущественном положении до пожалования, самом пожаловании, правах владения — в большой степени структурированы в документах и однородны, что и позволяет рассматривать корпус царских жалованных грамот как массовый источник.

Одной из основных задач источниковедения массовых источников является изучение формы документа с целью классификации и дальнейшей группировки содержащихся в нем данных. Доклад будет посвящен царским жалованным грамотам XVII в. как важному массовому источнику, который позволяет многогранно изучить политическую, экономическую и социальную историю дворянского сословия и служилых людей.

В. П. Пушков

**Уроженцы Тульской губернии по базе данных
«Первокурсники Московского университета 1917 года»**

В 1917/18 учебном году в Московский университет поступило 2389 человек, впервые студентками стали 154 женщины (6,4 %). В университет пришла молодежь из 212 населенных пунктов 80 губерний страны, тогда как за предыдущее сорокалетие таких мест исхода было 202, что говорит об огромном расширении национального интеллектуального пространства. На этом фоне 75 тульских первокурсников среди других губерний занимали высокое 8-е место. Они представляли саму Тулу и два уездных города — Белев и Ефремов, причем гимназистами из них было лишь 44 человека (59 %). Это 20 воспитанников Тульской мужской губернской гимназии, 13 — частной гимназии И. Ф. Перова и 11 — Дворянской гимназии. Больше других учебных заведений (22 человека) подготовила для университета Тульская духовная семинария; 8 абитуриентов — реальные училища: 5 — Тульское губернское, 2 — Ефремовское и 1 — Белевское. Каждый третий тульский гимназист был медалистом (5 — золотыми и 13 — серебряными). За исключением 6 иудеев остальные туляки были православными.

Из 68 первокурсников, назвавших свое сословие, 16 человек (23,5 %) оказались выходцами из духовенства (15 сыновей священников и 1 дьякона). Другие сословия представляли по 11 сыновей дворян (в том числе 8 потомственных), чиновников и купцов. Среди чиновников было по 2 сына статских и коллежских советников, по 1 сыну канцелярского служащего, губернского секретаря, коллежского секретаря, коллежского асессора и надворного советника, а также просто 3 сыновей чиновников. Из купечества вышли 5 сыновей потомственных почетных граждан, 3 — личных почетных граждан и 3 сыновей купцов. Мещане дали 10 первокурсников, крестьяне — 6. Из семей медиков

было всего лишь по 1 сыну врача и провизора, кроме того, был 1 «сын цехового».

Научные приоритеты тульских первокурсников явно склонялись в сторону физико-математического факультета, поскольку основная их доля в 30 человек из 75 (40 %) избрала именно физмат, причем интерес к его математическому отделению оказался вдвое выше, чем к естественному. Треть первокурсников поступила на медицинский факультет — 25 человек, 13 — на историко-филологический и лишь 7 — на юридический. В относительном выражении по сравнению со всеми 2389 новобранцами 1917 г. особенность научных интересов туляков проявилась в полуторном превосходстве удельного веса медицинского факультета (33,3 % против 22,8 %) и существенно меньшей доле физмата: 40,0 % первокурсников против 53,0 %. По двум другим факультетам имелось почти полное долевое тождество: по юрфаку 9,3 % — 9,7 % и по историко-филологическому 17,3 % против 17,5 %. Приведенный ранжир научных интересов нового университетского поколения коренным образом отличался от соответствующей картины за дореволюционное время, когда, наоборот, наиболее привлекательным был юридический факультет. Огромное падение интереса к юриспруденции, видимо, объяснялось малым авторитетом права и законов на переломном этапе истории, тогда как медицинские и естественнонаучные специальности были остро востребованы военным временем.

Подавляющее большинство тульских первокурсников были молодыми людьми в возрасте 17–20 лет, однако были и более возрастные студенты вплоть до 1893 года рождения (поступивший на естественное отделение физмата сын крестьянина ученик Тульского реального училища Сергей Куликов), а самым молодым оказался зачисленный на математическое отделение того же факультета 16-летний также реалист сын статского советника Сергей Ризниченко. Единственной первокурсницей среди тульских уроженцев оказалась поступившая на юрфак бывшая гимназистка 22-летняя дочь потомственного почетного гражданина Генриетта Брук.

Среди 71 фамилии тульских первокурсников 5 имели по два носителя: Алферовы, Буровы (родные братья), Виноградовы, Дьяковы и Нечаевы. Встретился целый ряд церковно-

семинарских фамилий и не только среди бывших семинаристов (Введенский, Виноградов, Знаменский, Казанский, Малицкий, Преображенский и др.), что убедительно говорит о большом вкладе духовенства в формирование отечественной умственного капитала. С «птичьими» фамилиями были Лебедев, Соколов, Сорокин и др., но не было ни одной «рыбьей» или «звериной». О польских предках ряда туляков говорят фамилии Замбрицкий, Протусевич и др. Из наиболее известных дворянских фамилий встретились Бухвостов, Головкин, Потемкин и Татищев. Среди же 22 личных имен первокурсников чаще других были три: Николай, Михаил и Сергей (соответственно 18, 6 и 5 человек), тогда как Иванов оказалось всего 4. Такая картина выявляет вполне определенную имперскую ментальность родителей тульских первокурсников при наречении своих сыновей. Межпоколенный процесс изменения приоритетности личных имен подтверждается и тем, что деды первокурсников (судя по их отчествам) чаще всего называли их отцов Иванами и Николаями (по 11 раз), за которыми шли 9 Василиев и 6 Александров и др.

Полный список тульских первокурсников 1917 г. высылается по адресу электронной почты: pushkov@wwcom.ru

А. И. Раздорский

Таможенные книги Тулы XVIII в.

Таможенные книги являются основным массовым источником по истории торговли России XVII — первой половины XVIII в. Всего к настоящему времени выявлено свыше 4 тыс. подобных документов по более чем 300 населенным пунктам страны. Древнейшая дошедшая таможенная книга датируется 1599 г. После проведения Таможенной реформы 1753–1757 гг., в ходе которой были ликвидированы внутренние таможи, ведение таможенных книг прекратилось, хотя особая разновидность этих документов — конские таможенные книги — продолжали составляться вплоть до конца 1770-х годов.

Рассматриваемые источники в географическом и хронологическом плане сохранились весьма неравномерно. По многим городам, в том числе таким крупным торговым центрам как, например, Калуга или Кострома, не дошло ни одной таможенной книги. По ряду городов имеются источники либо только XVII в. (например, Вологда, Смоленск, Тверь), либо только XVIII в. (например, Архангельск, Астрахань, Нижний Новгород).

По Туле за XVII в. таможенных книг не выявлено совсем. Зато за XVIII в. по этому городу имеется довольно многочисленный комплекс данных источников (один из наиболее представительных среди русских городов этого периода вообще), состоящий из 57 книг. Наиболее ранняя по времени тульская таможенная книга включает сведения за 1719 и 1720 гг., последние же по времени документы относятся к 1754 г. Одна книга точно не датирована, но по внешним признакам она также принадлежит к XVIII столетию.

Все тульские таможенные книги хранятся в РГАДА в фонде тульской таможни и кружечного двора (ф. 1422). Всего в этом фонде насчитывается 113 различных документов. Наряду с таможенными книгами в нем имеются таможенные выписи, счетные выписки о сборе таможенных пошлин, книги о сборе пи-

тейной прибыли и некоторые другие дела (в том числе дела об избииении местного бурмистра в 1724 г. и задержании тульского кузнеца, промышлявшего корчемничеством в 1728 г.).

Из 57 тульских таможенных книг к 1710-м годам относится 1, к 1720-м — 2, к 1730-м — 30, к 1740-м — 3 и к 1750-м — 19. Эти источники отражают новый этап ведения таможенной документации. В XVIII в., особенно после учреждения в 1718 г. Камер-коллегии и передачи ей контроля за внутренними таможенными сборами, объемы таможенной документации существенно возросли, а ее структура по сравнению с предшествующим периодом значительно усложнилась. Если в XVII в. все торговые операции и взятые с них таможенные пошлины фиксировались нередко в одной таможенной книге, то в XVIII в. в таможах в течение года одновременно велось уже несколько книг, различавшихся между собой как по видам учитываемых сборов, так и по характеру отражавшихся торговых операций. Количество разнотипных синхронных книг, составленных в одной таможне, могло исчисляться десятками (например, в московских таможах в 1730–1740-е годы ежегодно велось около 30 различных приходо-расходные книги). Таможенные книги, включающие сведения за один и тот же год, составляют единый годовой документальный комплекс. По Туле таковых насчитывается 16 (за 1719/20, 1726, 1732–1740, 1745, 1751–1754 гг.). При этом полного годового комплекта всех составленных в тульской таможне книг нет, по видимому, ни за один год.

Больше всего синхронных тульских таможенных книг — десять — имеется за 1753 г. Это девять приходных книг сбора пошлин: 1–2) с отпускных товаров (т. е. отправленных из Тулы в другие города) (две книги); 3) с явленных денег на покупку товаров; 4) с проданных товаров; 5) с товаров, явленных в таможне для досмотра; 6) с «безвыписных» мелочных товаров (собственного домашнего производства и скупленных в уезде); 7) с товаров, оставшихся непроданными; 8) с привозного для продажи хлеба; 9) с привозного для продажи древесного угля; и 10) расходная книга о покупке различных товаров для обеспечения деятельности тульской таможни. Как видим, за 1753 г. не хватает, например, книги о сборе пошлин с конской торговли (по Туле таковые имеются за 1719–1720, 1738, 1754 гг.).

Формат тульских таможенных книг в 2°. Документы за 1730–1750-е годы имеют бланковый характер, в них сделаны отверстия для шнура, в некоторых книгах встречаются остатки таможенных печатей, которыми скреплялся шнур.

К какому типу принадлежат тульские таможенные книги — к беловым или черновым? Здесь необходимо подчеркнуть, что в XVIII в., когда были созданы эти источники, деление таможенных книг на беловые и черновые, существовавшее в предшествующем XVII столетии, постепенно уходило в прошлое. В связи с изменением формуляра таможенных записей в сторону повышения степени их подробности и вследствие этого значительно увеличения объема таможенных книг у местных властей физически не оставалось ни временных, ни человеческих ресурсов на редактуру и переписку набело огромных массивов отчетной таможенной документации. Судя по всему в центральные правительственные органы в XVIII в. направлялись таможенные книги, сформированные непосредственно в ходе сбора таможенных пошлин (о чем, в частности, свидетельствуют имеющиеся в них подлинные рукоприкладства участников торговых операций). Для обозначения таких документов, сочетавших в себе свойства беловика и черновика, лингвистом И. А. Малышевой (анализировавшей с точки зрения использования для изучения истории русского языка XVIII в. и тульские таможенные книги 1726 г.) предложен удачный на наш взгляд термин «рабочая книга».

Принимая во внимание ту большую роль, которую играла Тула в отечественной экономике в целом и в торговле в частности, нельзя не признать, что книги местной таможни, обладающие существенным информационным потенциалом, безусловно нуждаются во всестороннем обстоятельном изучении. Однако до сих пор эти документы не удостоились внимания историков и только ожидают своего исследователя и, возможно, публикатора.

Е. Н. Ронакова

**«Учетные и отчетные документы по свечному доходу
как источник по истории приходских церквей
(на примере Санкт-Петербургской епархии, XIX в.)**

Доход от продажи церковных свечей являлся основной статьей прибыли приходских храмов и до XIX в. оставался в полном их распоряжении. Однако реформа духовного образования (всех ступеней — от духовных училищ до академий), задуманная в начале XIX в., требовала значительных средств. С 1806 г. был принят целый ряд узаконений, согласно которым церковные суммы не только ставились под контроль духовной (и отчасти светской) власти, но и частично изымались на общецерковные и епархиальные нужды.

Поскольку для выполнения реформы необходимо было собрать первоначальный капитал (посредством отделения «разных экономических сумм» от церковных доходов), а в дальнейшем иметь постоянное и известное количество денежных средств, была разработана учетная и отчетная документация церковных доходов и расходов. В ЦГИА СПб в фонде Духовной консистории (ф. 19) и фондах отдельных православных церквей Санкт-Петербургской епархии сохранились различные виды такой финансовой документации.

Прежде всего, это приходные и расходные книги, которые велись при каждом храме и которые подвергались ревизии минимум два раза в год (конец июня — начало июля, конец декабря — начало января) при посещении храмов местным благочинным. В них в течение года за каждый месяц вписывались вырученные от продажи свечей и собранные в кружки и кошельки деньги. Также учитывались расходы на проведение богослужения и содержание церкви. Отметим, что из полученного общего свечного дохода для нужд храма покупалось необходимое известное количество новых свечей, а уже оставшаяся чис-

тая прибыль («прибылые») перечислялась в конце года в духовную консисторию епархии.

В свою очередь благочинный, составляя документы о состоянии подведомственных ему приходских церквей, суммировал сведения по каждой церкви о количестве пудов проданных за год свечей, вырученных средствах и полученной прибыли. Духовная консистория епархии, собрав все представленные сведения по свечной прибыли, перечисляла ее в распоряжение комитета при Синоде. При чем консистория очень внимательно отслеживала ежегодную свечную прибыль церквей. Если обнаруживался убыток после проверки доходов за несколько лет могло начаться расследование причин недостачи прибыли.

Изучение упомянутых документов дает нам возможность проследить историю приходских храмов по нескольким аспектам: благосостояние прихода, соотношение различных статей доходов (свечного и кошелькового), влияние обязательного отчисления свечной прибыли на финансовый достаток храма, усердие и попечение о своем храме прихожан.

Е. Д. Саверс

**Анализ экономических взаимодействий
выборных представителей магистрата Чердынского уезда
по материалам маклерских книг (1796–1822 гг.)**

Магистраты были созданы при Петре I как органы городского управления. В чердынском органе городского управления трудилось 6 выборных представителей (2 бургомистра и 4 ратмана), которые к 1796 г. избирались каждые три года. По Жалованной грамоте городам Екатерины II выборные представители на время работы получали чин согласно Табели о рангах (бургомистр — XI класс, ратман — XIII класс). В работе изучаются причины интереса чердынских купцов к магистратским должностям.

Основным источником данного исследования стали маклерские книги периода 1796–1822 гг., поскольку в них можно найти информацию о сделках купцов и мещан между собой, с крестьянами, с администрацией разных городов. Вместе с разработанной базой данных выборных сотрудников в городских учреждениях по Прикамью маклерская книга как источник позволяет выявить факт и характер экономического взаимодействия выборных с жителями городов (выдача векселя, поставка вина во все города Пермской губернии).

Было рассмотрено 10 дел за 1796, 1799, 1802, 1803, 1807, 1811, 1814, 1817, 1822 гг. (книги протестов векселей, которые велись маклерами). В эти годы происходила смена выборных представителей, что потенциально дает возможность увидеть наибольшую экономическую активность среди тех, кто собирался избираться в магистрат. Было выявлено 68 прецедентов, которые позволяют прийти к следующим выводам:

– в Чердынском уезде существовали родовые кланы, которые регулярно участвовали в экономической политике, за счет чего они имели большее влияние на выборщиков. Так, среди основных выборных и экономически активных родов выделяют-

ся Валуевы (10 раз избирались, 22 торговых сделки), Оболенские (5 раз избирались, 11 торговых сделок) Калашниковы (3 раза избирались, 12 торговых сделок). Несмотря на большее количество сделок у Калашниковых, стоит отметить, что род Оболенских заключал более крупные контракты;

- как правило, в магистрат проходило 2–3 человека из этих родов, остальные выборные представители являлись их деловыми партнерами или становились ими. Так купец Петр Попов в 1803 г. был избран в магистрат. Спустя две недели он заключил договор о питейных сборах при поверенном Павле Калашникове — родственнике бургомистра 1807 г. Максима Калашникова;

- все выборные представители в магистрат платили питейные сборы, а те, кто не платили и избирались, — заключали договора;

- в магистрат проходили купцы, имеющие экономические связи с городскими администрациями или высшими чинами. Так, к примеру, в 1808 г. Василий (ратман от 1807 г.) и Николай Удниковы заключили два крупных договора на поставку хлеба из города Сарапул. В этом же году Удниковы заключили договор с Пермской думой на поставку вина во все города Пермской губернии. Одновременно с этим ратман Степан Ламанов осуществил сделку на поставку 30 тыс. пудов соли во все города Пермской губернии.

Для визуализации результатов экономических взаимодействий был сформирован граф социальных взаимодействий, который дает возможность увидеть частоту и силу экономических отношений выборных представителей магистрата.

А. В. Сергеев

**Копийная книга Толгского монастыря
как источник сведений о землевладении в Ярославском,
Романовском, Пошехонском уездах в XVI–XVII вв.**

Копийными книгами, как отмечал Л. В. Черепнин, в историографии именуются составленные в XV–XVIII вв. сборники копий с подлинных актов, касающихся землевладения. Эти памятники представляют исключительную ценность для изучения различных аспектов русской истории. Один из таких сборников под названием «Книга записи имущества, земли и других ценностей Толгского монастыря за 1775 год» сохранился в Государственном архиве Ярославской области в фонде Толгского монастыря (ТМ). К документам этого сборника обращались исследователи, изучавшие историю ТМ (В. А. Киселев, О. А. Болдырева), а также В. Н. Козляков и другие ученые. Отдельные грамоты конца XV — XVI в. были опубликованы в XIX–XX вв., в том числе в «Ярославских епархиальных ведомостях», но в целом документы копийной книги не изданы. Нижняя хронологическая граница документов, включенных в рассматриваемый памятник, конец XV — начало XVI в., а верхняя — 1730 г.

Истории ТМ посвящена значительная часть кандидатской диссертации В. А. Киселева. Автором этой содержательной работы реконструирован монастырский архив (54 акта). Некоторые акты XVI в. были указаны по копийной книге ТМ. Верхним хронологическим рубежом работы В. А. Киселева являлись первые десятилетия XVII в., поэтому в составленный им список не вошли более поздние документы ТМ. В рамках доклада будет представлен хронологический перечень всех документов, включенных в копийную книгу. Всего в рукописи 87 документов: духовные грамоты (завещания), данные грамоты на владение землями и лавками, царские грамоты, вкладные записи, отпускные грамоты, челобитные и др. В копийную книгу включены пространные выписки из писцовых, межевых книг XVII в. на

монастырские владения в Ярославском, Романовском, Пошехонском уездах.

Оформление копийной книги было обусловлено передачей в Москву грамот и актов, касающихся монастырского землевладения. Немало подлинников этих памятников находятся в настоящее время в фонде Грамот Коллегии экономии РГАДА. Отдельные грамоты не были отосланы. Соответствующие пометы («оставлена в монастыре») имеются в тексте копийной книги. Вероятно, подлинники остались в местном архиве. Большинство этих документов являются наиболее древними и датируются XVI — первыми десятилетиями XVII в.

Опираясь, в числе других источников, на сохранившиеся документы копийной книги ТМ, В. А. Киселев сделал верное наблюдение о сохранении родовых вотчинных владений многими ярославским Рюриковичами во второй трети XVI в. Для истории указанной княжеской ветви большой интерес представляют ранее полностью не публиковавшиеся грамоты. Так, упоминание в одной из них о родстве князей Жировых-Засекиных со служившими в опричнине князьями Вяземскими объясняет, почему Жировым-Засекиным удалось избежать выселения из взятого в опричнину в 1569 г. Ярославского уезда и сохранить родовые земли. Для исторической географии, картографирования полезны содержащиеся в документах копийной книги сведения о межах земельных владений, названиях населенных пунктов, дорог, гидронимов и т. п. Так, среди станов Романовского уезда упоминаются Шехонский (Пошехонский), Малаховский, но в писцовых книгах 1620-х годов этих названий нет. Интересны биографические сведения о некоторых землевладельцах. Например, наличие «прямого» имени Кондрат и «прозвища» Василий у В. И. Нагого.

Копийная книга стала одним из источников посвященной истории ТМ кандидатской диссертации О. А. Болдыревой. По ее оценке данный памятник «представляет собой сборник копий документов, которые были предназначены для использования властями обители». Приращению земельных владений ТМ способствовал земельный вклад князя В. Ю. Шехонского в конце 1561 г. О разорении обители в Смуту свидетельствует грамота царя Михаила Федоровича 1623 г., из которой следует, что

«в разряд пустошей перешли» деревни Завражье, Мошкино, Поповская и др. Одновременно владения монастыря расширились за счет перехода в 1612 г. земель по завещаниям князей И. В. Нерыцкого, Г. И. Вяземского. В 1623 г. ТМ были переданы вотчинные земли Околокозовых. Около 1635 г. от вдовы Б. М. Нагого монастырь получил в Романовском уезде землю к мельнице на берегу реки Ить.

О. А. Болдырева отметила, что «все дарственные, жалованные, купчие грамоты монастыря защищали высокими выкупными платежами». Это наблюдение подтверждают грамоты копийной книги. Так, князь Ф. И. Жировой-Засекин установил сумму выкупа деревень Чурово и Тихарево для сына в 40 рублей, а для братьев и племянников — 60 рублей. Земли, отданные ТМ князем В. Ю. Шехонским, родственники могли выкупить, заплатив 111 рублей долга и 120 рублей выкупных. Выкупная стоимость земель, переданных ТМ в 1623 г. И. В. Околокозовым, превышала стоимость этих владений в 10 раз.

Между 1629 и 1685 гг. ТМ приобрел около 226 четей пашни, увеличил лесные владения. Приращение монастырской вотчины в обход действовавшего во второй половине XVII в. законодательства происходило путем обмена.

Н. В. Соколова

**Описные книги церковно-монастырских владений
и имуществ начала XVIII в. как массовый источник
по истории церкви: патриаршие Николаевский Веневский
и Амвросиев Дудин монастыри (общее и особенное)**

Традиционный для современных исследований подход к изучению описных книг, составленных в ходе деятельности Монастырского приказа и его агентов на местах в начале церковной реформы Петра I, когда объектами становятся однородные с точки зрения их «происхождения» тексты (перепись в одном уезде или в соседних административно-территориальных единицах нередко осуществлялась силами одной писцовой комиссии), не позволяет элиминировать влияние «личного фактора». Очевидно, что и сам переписчик — стольник или дворянин, и старый подьячий оказывали существенное влияние и на сам процесс описания и, в конечном итоге, на результат в виде беловых книг. В этом контексте представляется целесообразным попытаться выявить черты общего и особенного в описаниях объектов, объединение (группировка) которых осуществляется по иным критериям. Одну из таких групп составляют владения Патриаршего дома — как села, управляемые непосредственно из Дворцового приказа, так и патриаршие монастыри с их вотчинами.

Описания Николаевского Веневского (Тульский уезд) и Амвросиева Дудина (Нижегородский уезд) монастырей и их вотчин начала XVIII в. не были включены в перечни, опубликованные в монографии И. А. Булыгина о монастырских крестьянах. Описи Дудина монастыря введены в научный оборот Н. В. Соколовой. В частности, в статье о копийной книге монастыря рассмотрен дискуссионный вопрос о дате его пожалования патриарху. Оба монастыря стали патриаршими в 1670-х годах, потому досадным недоразумением является использование И. Н. Шаминой фрагментов описных книг Веневского монасты-

ря 1702 г. в монографии «Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: по материалам переписных книг 1701–1702 гг.»).

Амвросиев Дудин монастырь описывал стольник Петр Борисович Вельяминов, которым также были составлены описные книги другого нижегородского патриаршего монастыря — Благовещенского, и всех монастырских вотчин Нижегородского уезда. Работы в Дудине монастыре начались 12 ноября 1701 г., к переписи его вотчин приступили 20 апреля 1702 г. В качестве приблизительного времени окончания описания принимаем дату в помете, сделанной при поступлении «вотчинной» описной книги в Монастырский приказ («1702 мая в 2 день поданы с отписью»). Описание «патриаршего» конволюта, в котором сегодня находятся обе описные книги Дудина монастыря, опубликовано автором в 2013 г.

Описные книги Николаевского Венева монастыря в состав этого «патриаршего» конволюта не вошли. Рукопись без переплета имеет две фолиации арабскими цифрами. Дата в преамбуле — 5 февраля 1702 г., по приказной помете книга подана в Монастырский приказ 17 июня. Согласно преамбуле «припись» на указной памяти переписчику — дьяка Монастырского приказа Ефима Зотова. Скрепки по листам описных книг — дьяка Ивана Иванова и переписчика («Стольник Иван Кикин»). Деятельность последнего подробно изучалась И. Н. Шаминой, т. е. у нас есть возможность для обоих патриарших монастырей сравнивать их описные книги не только между собой, но и с других описями, проводившихся под руководством тех же переписчиков.

Выбор для сравнительного анализа описных книг данных монастырей обусловлен и рядом других обстоятельств, в частности, относительной близостью времени проведения работ, так как именно зимой 1701–1702 гг. описывались многие провинциальные монастыри, а на весну-лето 1702 г. приходится большая часть описаний монастырских вотчин. Сопоставление монастырей, находившихся в Тульском и Нижегородском уездах, позволяет попытаться выявить общие черты, типичные для относительно небольших, условно говоря, «провинциальных», не только удаленных от Москвы, но и располагавшихся вне уездных центров, обителей.

Исследование выявило существенные отличия, как связанные с практиками переписных комиссий стольников И. В. Кикина и П. Б. Вельяминова, так и обусловленные влиянием природно-географического фактора и территориального расположения монастырей на их хозяйственную деятельность, а также их ролью в системе функционирования Патриаршего дома. Изучение истории Амвросиева Дудина монастыря позволяет высказать гипотезу о причинах отсутствия документального архива в Вeneвском монастыре на момент описания.

И. Р. Соколовский

Специфика гуманитарного знания

Объекты научного исследования четко разделяются на две группы по факту наличия самостоятельного речевого сознания, не зависящего от речевого сознания исследователя. Речь идет о естественных науках и математике, которые изучают те объекты, которые самостоятельного сознания не имеют, не обладают языком и сами себя никак не называют. С другой стороны, речь идет о всех возможных гуманитарных науках, которые изучают тех, кто языком обладает, себя как-то называет и, следовательно, обладает самостоятельным, не зависящим от исследователя сознанием и самосознанием. В англо-саксонской парадигме принято выделять еще социальные науки, но мы не будем совершать этой ошибки, хотя бы потому, что это разрушит единство основания нашей классификации.

Привычным является тот факт, что естественные науки широко пользуются языком математики для того, чтобы приблизиться к пониманию физических, химических, биологических явлений, которые они изучают. Математические описания позволяют установить разные пропорции, по которым мы можем, например, предсказывать одни величины, если нам известны другие величины. Собственно говоря, ничто нам не мешает точно таким же образом рассматривать и объект гуманитарных наук, человека и человеческие коллективы, обладающие сознанием. Мы можем представить их в виде констант и переменных, которые потом будут занесены в какие-то формулы, которые будут даже иметь предсказательную силу.

Собственно говоря, писцовые, переписные, окладные и иные книги как источники массового учета имплицитно предполагают, что мы можем использовать математические или количественные методы для достижения какого-то научного результата. Мы можем рассматривать единичные факты как единицы какого-то явления, которому мы хотим дать количест-

венную характеристику. В полученных первичных данных могут обнаружиться какие-то зависимости, которые можно будет выразить в форме формул. Со времен публикаций И. Д. Ковальченко арсенал количественных методов и подходов только пополняется. Кроме того, мы живем в эпоху, когда бурный рост ЭВМ сменяется довольно серьезным прогрессом в теории и практике вычислений и иных способов обработки данных (например, сортировка с помощью нейросетей).

В связи с этим возникает вопрос: нужно ли продолжать изучение наших источников количественными методами или же мы должны подойти к вопросу со стороны специфики гуманитарного? То есть не считать, что мы имеем дело с предметом естественных наук, а рассматривать материал массовых источников как предмет прежде всего гуманитарного знания.

Однако, чтобы подойти к нашему предмету как гуманитарному, нам нужно определиться со спецификой гуманитарного. Что не так уж просто, поскольку решение данного вопроса не является мейнстримным в историографии.

С нашей точки зрения, понять специфику гуманитарного можно с позиции общенаучных методов, которые на разных стадиях исследования применяет любая наука. Речь идет о наблюдении, назывании, счете, сравнении, типологии, создании терминологической системы и понимании.

Очевидно, что любой этап такого рода исследований может быть чисто количественным, даже в применении к человеку. Невозможно обойти язык, как гуманитарный аспект, только на этапе понимания. Наименование было удобно людям осуществлять в форме языковой номинации, но, на самом деле, этот аспект может быть обойден. Обойти же понимание мы фундаментально не можем.

К сожалению, в настоящий момент у нас нет развернутого и четкого понимания того, что является спецификой гуманитарного, задающего рамку количественного изучения массовых источников. Мы можем только отметить, что нашими кандидатами на эту позицию являются понимание, парадокс и фантазия.

А. А. Сорокина

**Переписные книги Дорогобужского уезда
1659, 1668 и 1678 гг.: термин «против» содержания**

Смоленщина (как совокупность Бельского, Дорогобужского, Рославльского и Смоленского уездов) де-факто вошла в состав Московского государства в 1654 г. и описывалась различными писцовыми командами на протяжении второй половины 1650–1690-х годов. Итогом этих описаний стали так называемые переписные книги, имеющие неодинаковую степень сохранности, территориального покрытия и разнообразия информации.

В историографии дефиниция «переписные книги» строго повторяет название, данное составителями источников в XVII в., и архивистами, создававшими первые описи XVIII в. Однако содержание этих источников гораздо шире, чем фиксация податного населения. Наибольшим удобством для доказательства данного тезиса обладают переписные книги Дорогобужского уезда за 1659, 1668 и 1678 гг. Они имеют однородную, хотя и не полностью устойчивую структуру, состоящую из повторяющихся элементов, и поэтому их сведения без особых трудностей переносятся в базы данных табличного типа.

Переписные книги Дорогобужского уезда отражают специфику Смоленского региона и показывают различный подход писцов к делу. В 1659 г., как видится, стояла задача составить приблизительное описание наличных людских и земельных ресурсов, закрепить хотя бы часть земель за владельцами для обеспечения их лояльности московским властям. Через 9 лет, после завершения войны, администрация хотела знать в подробностях, какое население и какие освоенные угодья остались в уезде, а также выяснить масштаб запустения территории и бегства податного населения, поэтому и были составлены «первые правильные» переписные книги, по выражению Д. П. Шпиленко. Тщательность процедуры лишний раз подтверждает желание правительства утвердить правовую базу землевладения на

Смоленщине именно по переписи 1668 г. Вполне логично, что по окончании войны московская администрация хотела создать прочную и однозначную правовую базу землевладения на территории окончательно вошедших в состав России уездов. В 1678 г., когда земельные отношения должны были обрести минимальную устойчивость, центральная власть акцентировала внимание на количестве податного населения, старого и вновь прибывающего.

Так называемые переписные книги Дорогобужского уезда 1659 и 1668 гг. не являются в полной мере ни переписными, ни писцовыми, а имеют черты обоих видов (хотя ближе они к первому, предлагая более полное и достоверное описание податного населения и перечисление землевладельцев). Переписная книга 1678 г. больше, чем они, подходит под название «переписная», т. к. фиксирует только население, но, учитывая ее заметные отличия от переписных книг того же времени других уездов государства, лучше именовать ее книгой «подымного сбора» вслед за Е. Б. Францужовой. Указанные дорогобужские книги не входят в корпус источников общероссийского учета населения (подворные переписи 1678 г.) и земли (валовое письмо 1680-х годов). Все это не позволяет экстраполировать в полной мере на них известную в литературе характеристику «классической» подворной переписи или писцового описания в Центральной России.

Первые две переписи населения и земельных угодий рассматриваемой территории проходили в обстановке военного времени или сразу по завершении военных действий (пусть даже они затронули Дорогобужский уезд в незначительной степени). Во время проведения переписи 1678 г. на Смоленщине сохранялись многие местные порядки. К трудностям интеграции местного населения в русское общество прибавлялся факт слабого знакомства государства с особенностями землевладения в описываемом регионе. Данное обстоятельство наложило весомый отпечаток на принципы структурирования данных, отражение административно-территориального деления в книгах, полноту их сведений о населении, его занятиях и земельных угодьях, на подведение итогов.

Несмотря на то, сведения в книге 1668 г. представлены более структурированно и подробно, чем в книгах 1659 и 1678 гг., сравнить данные всех трех переписей вполне возможно — при составлении базы данных, учитывающей все типы информации, представленной в источниках.

Выводы по переписным книгам Дорогобужского уезда представляется возможным экстраполировать на соответствующие источники по Бельскому, Рославльскому и Смоленскому уездам с определенными оговорками.

Ю. В. Степанова

**Расселение «выходцев из-за литовского рубежа»
в Бельском и Дорогобужском уездах в отражении
переписных книг второй половины XVII в.**

Обмен населением между Россией и Речью Посполитой в раннее Новое время имел массовый характер. К настоящему моменту наиболее детально исследованы перемещения шляхты и казачества, которые становились в России источником пополнения служилого сословия; проанализированы индивидуальные траектории перешедших на службу московскому государю (см. работы Ю. В. Готье, А. Н. Мальцева, Л. С. Абецдарского, Б. Н. Флори, Т. А. Опариной, П. А. Прудовского, Р. Ф. Лещенко). Слабее изучены пути, ареалы и масштабы расселения выходцев из мещанства и крестьянства. Общую численность холопов и крестьян — выходцев «из-за литовского рубежа» в Замосковном крае Ю. В. Готье оценил в более чем 10 тыс. чел.

В Бельском уезде дозор дворцовых земель Бельского уезда с целью выявления «выходцев» осуществили стряпчий Сытного дворца В. М. Ощерин и подьячий Судного дворцового приказа В. Второв в 1674 г. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 15164/14. Л. 47–533 (подлинник); Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 857 (копия XVIII в.)). Наказ В. М. Ощерину преследовал цель выявить «старых» (до 1667 г.) и «новых» перебежчиков, выяснить место их исхода и социальный состав. В дозорной книге приведены данные по всему крестьянскому населению, включая членов семей мужского пола, как «старожильцам», так и «выходцам», указаны размеры пашни и вытный оклад. В 1678 г. по приказу из Большого дворца была проведена новая перепись «литовских выходцев» в дворцовых волостях Бельского уезда, порученная Петру Семеновичу Лихареву и подьячему Якову Незамаеву (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 15155. Л. 86–177 (подлинник); Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 15167-б. Л. 858–924 (список конца XVII в.)). В этой

переписи, как и в предыдущей, содержатся сведения о крестьянском населении в целом, но без данных о хозяйстве и окладе.

В Дорогобужском уезде «выходцев из-за литовского рубежа» зафиксировали «книги записные «выходцам», в которых приведены сведения за 1671, 1673 и 1676 гг. (Ф. 1209. Оп. 1, ч. 2. Д. 15155. Л. 76–85). В отличие от переписей Бельского уезда они крайне неподробны и содержат лишь перечни населенных пунктов и дворов в них, без указаний на место и время выхода и хозяйственные параметры.

Переселенцы были зафиксированы в шести волостях Бельского уезда на левобережье Западной Двины в бассейнах ее притоков Межи, Велесы и Березы, в верховьях Днепра и на р. Тудовка (бассейн Волги) и в Семлевской, Сайковской и Ульфовской волостях Дорогобужского уезда — к западу, северу и востоку от Дорогобужа. Наибольшее число «литовских выходцев» проживало в Дубровской, Монинской и Днепровской волостях. В общей сложности было выявлено не менее 840 человек мужского пола. В Дорогобужском уезде было зафиксировано всего около 60 дворов «выходцев».

Переписи Бельского уезда позволяют установить место исхода переселенцев — это преимущественно белорусское Подвинье и Поднепровье. Большинство происходило из-под Витебска и Полоцка, меньшая доля — из окрестностей Орши, Озерни, Усвята. Переписи зафиксировали время выхода «из-за литовского рубежа», которое можно разделить на довоенный, военный и послевоенный периоды. Наибольшая доля выходов приходится на период русско-польской войны 1654–1667 гг. Пик переходов датируется 1657–1658 гг. После окончания войны число переходов резко снизилось, но все же они продолжались. Часть крестьян не сразу переселилась в бельские дворцовые земли. Некоторые из них после выхода из литовских земель жили «переходя» в других местах: Ржевском, Торопецком, Вяземском уездах и Подмоскovie. Неоднократно зафиксированы переходы из-за рубежа в Молодотудскую дворцовую волость уезда Ржевы Володимеровы. Наблюдается компактность поселения на новом месте выходцев из одного микрорегиона, в том числе родственников.

Переписные кампании 1670-х годов, вероятно, отражают намерения правительства сформировать в Бельском и Дорогобужском уездах дворцовые волости, заселенные «литовскими выходцами», по аналогии с «карельскими» дворцовыми волостями Новгородской земли и Бежецкого Верха. Отметим, что этому процессу предшествовало устройство в Москве Мещанской слободы, основная доля тяглецов которой происходила из белорусских земель.

А. Г. Суслина

**Ревизские сказки и исповедные ведомости как источники
по структуре и составу дворов: сравнительный анализ.**

Главными массовыми источниками для изучения размера и состава дворов податных сословий для XVIII в. являются ревизские сказки и исповедные ведомости (рописи). Хотя и те, и другие активно используются историками, но попытки их сопоставить носили единичный характер, вопрос их достоверности при отображении состава дворов остается открытым. В работе данная проблема изучается на примере Палехской вотчины Бутурлиных. В конце XVIII в. в ней проживало почти 1000 человек. По вотчине сохранились материалы всех ревизий и исповедные ведомости за 1790, 1795, 1800, 1810 и 1815 гг. Кроме того, сохранился богатый вотчинный архив, включающий ряд внутренних подворных описей.

Основными документами для сопоставления стали ревизская сказка по пятой ревизии и исповедные росписи 1795 г. Они были созданы почти в одно время (сказка — в августе 1795 г., росписи — в апреле-июне), поэтому по ним можно выявить разницу в отображении дворов согласно обоим типам источников. Данные сравнивались по каждому конкретному двору, фиксировались все расхождения между ревизской сказкой и исповедными росписями. Чтобы определить причины расхождений были проанализированы законодательно определенные формы ревизской сказки и исповедной росписи, какие потенциальные ошибки закладывались уже их формулярами. С этой же целью был проведен анализ ревизской сказки по второй ревизии 1745 г. и внутренней вотчинной подворной описи 1744 г., привлекались и другие материалы вотчинного архива. Также были сопоставлены материалы исповедных росписей для выявления противоречий между ними.

Все это позволило сделать выводы об искажениях и в ревизских сказках, и в исповедных росписях:

Исповедные ведомости менее полные, чем материалы ревизий. В рассматриваемых росписях было пропущено порядка 14 % населения вотчины. В то же время 90 % пропущенных крестьян — дети в возрасте до 15 лет и незамужние и вдовы женщины. Таким образом, на отображение структуры двора неполнота росписей почти не влияет.

Структура двора по ревизским сказкам, напротив, сильно искажена. Во многом это заложено ее формуляром, в котором точность отображения структуры двора принесена в жертву сопоставлению данных с предыдущей ревизией. Причем ошибки есть как в большую сторону (вместе указаны разделившиеся дворы), так и в меньшую. Например, вдовы невестки с детьми указаны отдельно от свекра, поскольку форма ревизии предусматривала описание родственных связей только по мужской нисходящей линии. Не всегда материалы ревизий фиксируют переезды, принятие в семью зятьев-примаков, возвращение в родительский дом овдовевшей дочери и другие «нетипичные» ситуации, которые не предполагались формуляром ревизии, но которыми была полна деревенская жизнь.

Данные по размеру дворов Палехской вотчины на 1795 г. в обоих источниках и реконструкция, сделанная на их основе, представлены ниже в таблице.

	Число дворов	Число жителей	Средний размер двора	Кол-во неверно отображенных дворов
Ревизская сказка (5 ревизия)	160	944	5,9	75 % — в основном ошибочно соединенные или разделенные дворы
Исповедные росписи 1795 г.	136	857	6,3	46 % — в основном пропуски детей и женщин
Реконструкция	141	955	6,8	

Подытоживая, следует сказать, что исповедные росписи дают более адекватную картину структуры двора, но при их использовании нужно делать поправки на имеющийся в них недоучет населения.

В. О. Терентьев, Н. М. Терентьева

Писцовые книги как компонент комплексного исследования псковского пригорода Коложе и его округи

Впервые Коложе в качестве псковского пригорода упоминается в «Списке русских городов дальних и ближних» 1390–1391 гг. Упоминания о Коложе в летописях сводятся к описанию похода Витовта в 1406 г. и переносе города в Опочку в 1414 г. Археологические исследования городища Коложе начались в 70-е годы XIX в. Впервые писцовая книга РГАДА № 355 Григория Мещанинова-Морозова и Ивана Дровнина (1587 г.) для описания Коложе была использована Псковской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством А. Р. Артемьева в 1985–1987 гг.

Археологические памятники в окрестностях Коложе представлены значительным количеством длинных, круглых курганов, жальников и каменных крестов, а также сопками. Городище Коложе функционировало с XIII в., сначала в качестве псковского пригорода, а после разгрома Витовтом, в качестве центра губы (погоста), и затем приходского храма. Вокруг городища Коложе имеется ряд подтвержденных и потенциальных городищ второй половины I — первой половины II тыс. н. э.

Анализ псковских писцовых книг XVI–XVII вв. позволил Б. Н. Харлашову выявить приблизительные границы губ Опочецкого уезда, в котором территориально находился предшественник Опочки город Коложе. Работа по уточнению границ продолжается. Населенные пункты Покровской губы с центром в Коложе чередуются с пунктами Ильинской, Никольской, Воскресенской и Старицкой губ. При этом место Ильинского погоста в писцовых книгах не указано, а с XVIII в. на городище Коложе нет Покровского, но имелся Ильинский храм. Археологические исследования, проводимые более 150 лет, границы, выявленные по писцовым книгам, а также топонимиче-

ский анализ писцовых книг позволяют сделать ряд выводов в отношении истории Псковского пригорода Коложе и его округи:

Регион Коложе стал одной из главных площадок компактного оседания славян (кривичей) в V–VI вв. н. э. С точки зрения современных исследований такой регион должен был иметь кроме куста родовых, культовых и скрытых городков главный административный центр, из которого позже вырос город-государство, а затем пригород Пскова.

Опираясь на подтвержденный факт переноса почти всех псковских городов на новые места в XIV в., можно говорить о смене места города Коложе. Археологические исследования говорят о возникновении поселения на городище Коложе как раз в XIII–XIV вв., что при наличии множества ранних городищ в окрестностях лишь подтверждает гипотезу о переносе. Например, таким местом раннего Коложе могло быть городище Удриха, обнаруженное М. Е. Васильевым в 1980-е годы.

Административное деление, зафиксированное в писцовых книгах XVI–XVII вв., свойственно только Псковской земле и имеет интересную особенность деления уезда на пригородные и дальние губы. На основе топонимического анализа писцовых книг в Опочечком уезде выявлено два центра пригородных губ — явный Опочечкий (Кузьмодемьянская, Богородицкая, Спасская, Николопосадская губы) и скрытый Коложский (Покровская, Ильинская, Воскресенская, Пустоникольская губы). Последний в XVI в. уже не представлял собой элемент функционирующей административной структуры, а выявлен на основе топографического анализа как остатки архаичного территориального деления, поскольку указанные губы соединяются границами в одном месте — в точке городища Коложе.

Если взять за основу предыдущее утверждение, то до построения Опочки Коложский уезд (обруб) имел следующую структуру:

Покровская пригородная губа к югу от Коложе. Как наиболее пострадавшая от нашествий и опустошений в XVI в., она была расширена на густонаселенный северо-восток, а в XVII в. северо-восточное приращение поименовано как Старицкая (Старосельская) губа при сохранении непосредственно Покровской.

Ильинская пригородная губа к северу от Коложе.

Воскресенская пригородная губа к востоку от Коложе. По писцовым книгам XVI в. имеет свой центр неподалеку от Коложе, но экспедиции показали формирование Воскресенского погоста в XV–XVI вв. Близость к городищу, секторная форма губы и расположение на ее территории озера Коложе как топонимического объекта города Коложе позволяют говорить о ее более раннем существовании как пригородной губы.

Интересна ситуация с западным пригородьем (западнее р. Кудка). Без сомнения, оно было посвящено св. Николаю, т. к. обе Никольские губы Опочецкого уезда (Пустоникольская и Николопосадская) расположены именно здесь и обе сходятся у городища Коложе. По-видимому, разделение на две произошло при формировании Опочецкого околотородья, когда оно создавалось из частей Велейского, Черницкого и Коложского уездов.

С высокой долей вероятности в состав Коложского уезда входили дальние губы позднего Опочецкого уезда Синовицкая, Каменная, Вороничского уезда — Теребенская, а также Духновский выступ Ржевской земли. Это обусловлено единым географическим, историческим, этнографическим и археологическим фоном.

Анализ писцовых книг и летописей позволили установить структуру Коложского уезда и определить этапы его развития. Город Коложе был крупным административным центром в Псковской республике, насчитывал свыше 11 тысяч жителей, и охватывал не только известное городище, но также ряд соседних гор, которые являлись окольным городом, посадом, слободами. В нем находились как минимум 4 богатых храма — Покровский, Ильинский, Воскресенский и Никольский.

И. О. Тюменцев, Н. Е. Тюменцева

**Донские дела Посольского приказа 1663–1727 гг.:
археография и перспективы публикации***

Донские дела, включающие 24 книги и 96 картонов и состоящие из 1241 ед. хр. 1594–1768 гг. являются основным источником по истории донского казачества XVII–XVIII вв., поскольку архив Войска Донского долгое время не создавался из-за ненависти казаков к «письменному делу». Основные массивы войскового архива более позднего времени были утрачены в пламени народных бунтов и гражданской войны.

Разбор столбцов и книг коллекции Донских дел в XIX в. начал выдающийся ученый-историк, архивист и археограф П. М. Строев, а затем продолжил и завершил известный историк казачества В. Д. Сухоруков. Благодаря П. М. Строеву и В. Д. Сухорукову документы были использованы В. Б. Броневским, а отдельные из них попали в издания Археографической комиссии и были опубликованы в собраниях актов И. П. Прянишникова и А. А. Лишина. Современное описание фонда выполнил А. В. Малов.

В конце XIX в. Археографическая комиссия приняла решение издать Донские дела в «Русской исторической библиотеке» и поручила эту работу В. Г. Дружинину, незадолго до этого защитившему магистерскую диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.». Судя по вводным статьям к сборникам документов, В. Г. Дружинина консультировал профессор Н. И. Веселовский (ум. 12.04.1918), ему помогали в работе А. А. Гельвих, П. Л. Ежов и сын А. В. Дружинин. Группе В. Г. Дружинина в 1898–1917 гг. удалось выпустить пять томов.

* Доклад подготовлен по теме НИР «Казачество в цивилизационном освоении Россией южного фронта» в соответствии с Государственным заданием ЮНЦ РАН на 2024 г. (00-234-15, № 124012200178-4, направление ПФНИ 6.1.2.8).

В 1925 г. исторические материалы архива МГАМИД были переданы в Древлехранилище Московского отделения Центрального исторического архива РСФСР, переименованного в 1931 г. в Государственный архив феодально-крепостнической эпохи (ГАФКЭ) Центрального архивного управления Союза ССР (ЦАУ СССР). В 1938 г. было создано Главное архивное управление НКВД СССР, которому переподчинили государственные архивы. В листе фонда 1939 г., как установил А. В. Малов, одной строкой в графе «датой первоначального приема фонда» указан 1925 г., в следующей графе «дата получения извещения о поступлении фонда» указана дата 22.05.1939, к которой и относятся прописанные в двух следующих графах названия головной организации (ГАУ НКВД СССР) и собственно архива (ГАФКЭ). А в листе фонда 1947 г. за датой «первоначального приема» (1925 г.) прописаны только названия архивного управления и непосредственного архива: «ГАУ МВД СССР». Аналогичным образом заполнен был лист фонда за 1976 г. (1925 г.) — Главное архивное управление при СМ СССР — ЦГАДА. В результате, петербургские (ленинградские) исследователи лишились возможности систематически работать в фондах нового архива и не смогли завершить издание. После 1927 г. серия книг «Русская историческая библиотека» была окончательно закрыта.

Как известно, В. Г. Дружинин занялся подготовкой к печати Донских дел став членом Археографической комиссии. После революции 1917 г. принял участие в разработке Положения о Главном управлении архивным делом и его организации. В 1920 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. В следующем году назначен заместителем председателя Археографической комиссии. Сотрудничество с советской властью завершилось в конце 20-х годов XX в. С 1929 до кончины 15.01.1936 ученый подвергался репрессиям, поэтому не имел реальной возможности работать над VI и VII книгами «Донских дел». Его сын Александр Васильевич Дружинин умер в госпитале «Амурслага» в 1939 г. Судьбы А. А. Гельвиха и П. Л. Ежова нам неизвестны. Скорее всего, работы над Донскими делами были прерваны в 1925–1927 гг. в связи с закрытием серии «Русской исторической библиотеки».

В научно-вспомогательном архиве (НВА) СПБНИИ РАН (Ф. 276. Издательский отдел ЛОИИ. Оп. 1) хранятся рукописи, озаглавленные «Донские дела ТТ 6 и 7» (Ед. хр. 3–5). На картоне одной из папок имеется надпись «Донские дела кн. VII готовый оригинал», которая свидетельствует, что текст книг был подготовлен к печати на пишущей машинке, но до нас, к сожалению, не дошел.

Основной текст документов написан на листах формата А 4 четким каллиграфическим, хорошо читаемым почерком тонким металлическим пером коричневыми чернилами. Орфография дореволюционная. Название документов и правки в текст внесены черными чернилами металлическим пером четким индивидуальным почерком. Кое-где названия документов заклеены и на вклейке написано новое названия документа. Орфография дореволюционная. Это наблюдение дает основание предположить, что VI–VII книги Донских дел начали готовить к печати еще до реформы письма в 1918 г.

Первоначальная пагинация первым почерком пером и чернилами видна на отдельных страницах. Синим карандашом представлены номера документов и пагинация в правом верхнем листе бумаги. Еще одна пагинация в правом верхнем углу сделана простым карандашом.

Анализ рукописей книг VI–VII Донских дел обнаруживает их следующее содержание:

Ед. хр. 3. Озаглавлена Т. VII и состоит из 5 частей.

Ч. 1. Документы 1671–1672 гг. Л. 1–270 (ХК 1–131). Старая 1–280.

Ч. 2. Документы 1673 г. (КК 500–600). Старая 501–600 об.

Ч. 3. Документы 1673 г. (КК 343–400). Старая 343–400.

Ч. 4. Документы 1673 г. (КК 401–500). Старая 401–500.

Ч. 5. Документы 1663–1666 гг. (СК1 3 [451]–159). Старая 1730–1802.

Ед. хр. 4. Озаглавлена Т. VI и состоит из 2 частей.

Ч. 1. Документы 1667–1669 (СК 6 [356]–34 [554]). Старая 1887–23.

Ч. 2. Документы 1666–1667 (СК 160–354). Старый 1803–1881.

Ед. хр. 5. Озаглавлена Т. VI и состоит из 3 частей 1677–1702 гг.

Ч. 1–3. Документы 1667–1703 гг. (Пагинация листов перепутана).

Нетрудно заметить, что материалы VI–VII книг перепутаны между собой, скорее всего, в период блокады Ленинграда, и разбиты на три единицы хранения и несколько частей. Анализ листов использования свидетельствует, что рукопись была хорошо известна и неоднократно просматривалась специалистами по истории казачества Н. А. Мининковым, С. И. Рябовым, Д. В. Сенем, О. В. Куцем и другими. Однако исследователи обычно просматривали 1 единицу хранения и предпочитали пользоваться оригиналами документов из РГАДА (Ф. 111. Оп. 1), поэтому работа, проделанная В. Г. Дружининым и его помощниками, осталась недооцененной и невостребованной.

К сожалению, ни одна из дошедших до нас пагинаций не позволяет восстановить первоначальный порядок листов в рукописях VI–VII книг Донских дел, но это возможно, если использовать современную опись фонда 111:

Книга VI.

1663–1666 гг. Ч. 5. Документы (СК1 3 [451]–159). Старая 1730–1802.

1666–1667 гг. Ч. 2. Документы (СК 160–354). Старый 1803–1881.

1667–1669 Ч. 1. Документы (СК 6 [356]–34 [554]). Старая 1887–23.

Книга VII.

1671–1672 гг. Документы Л. 1–270 (ХК 1–131). Старая 1–280.

1673. Ч. 3. Документы (КК 343–400). Старая 343–400.

1673 г. Ч. 3. Документы 1673 г. (КК 343–400). Старая 343–400.

1667–1703 гг. Ч. 1–3. Документы.

Выборочное сопоставление дошедших до нас документов с их копиями в подготовленных к печати VI–VII книг свидетель-

ствует, что сохранившиеся в НВА СПб ИИ РАН копии документов являются прямым продолжением опубликованных I–V книг Донских дел и достаточно же полно отражают материалы фонда Донских дел за 1663–1703 гг.

Главная трудность завершения издания фонда Донских дел Посольского приказа заключается в том, что это требует значительных трудов и затраты средств по новому копированию документов в РГАДА и подготовки их к печати, тогда как эта работа практически была выполнена петербургскими (ленинградскими) историками до Великой Отечественной войны. Современные технологии прочтения рукописных текстов открывают возможность использовать труд предшественников. Как показал наш опыт, написанные каллиграфическим почерком копии документов Донских дел легко читаются и воспроизводятся в текстовом формате с минимальными исправлениями, что избавляет от необходимости длительной работы в архиве по чтению скорописных текстов и набору документов на компьютере.

Таким образом, можно перевести в машинописный формат тексты документов Донских дел и восстановить рукописи VI–VII книг, а затем сверить их с оригинальными документами, что открывает новые возможности возобновления их научного издания и тем самым позволит почтить память ученых, погибших от несправедливых репрессий в тюремных стенах, ГУЛАГе и блокадном Ленинграде.

В настоящее время эта работа начата нами в составе временного исследовательского коллектива из волгоградских, ростовских, петербургских и московских исследователей — сотрудников ЮНЦ РАН, ИРИ РАН, СПб ИИ РАН, РГАДА и МГТУ (Первого казачьего университета). Искренне надеемся, что наше начинание будет поддержано «словом и делом».

И. А. Устинова

**Материальный мир похорон патриарха
(по расходным книгам Патриаршего Казенного приказа)**

Приходные и расходные книги церковных организаций — монастырей, архиерейских домов, архиерейских приказов прочно вошли в современную историографию как многогранный источник, содержащий информацию о развитии землевладения, хозяйства, церковно-приходской сети, демографических процессов, строительства, повседневной жизни и быта населения России XVI–XVII вв. Их детальное исследование и публикация продолжают уже несколько десятилетий, но методы анализа данных приходо-расходных книг, представления об их информационных возможностях непрерывно расширяются.

В настоящем докладе в качестве источниковой базы использованы расходные книги Патриаршего Казенного приказа XVII в., архив которого сохранился наиболее полно среди подобных учреждений. Компактный комплекс документов хранится в одноименном фонде 235 Российского государственного архива древних актов. Предметом исследования выступает вещный, материальный мир похорон высшего церковного иерарха — патриарха Московского и всея Руси. Траты на похороны русских первосвященников — Иоасафа I († 1640), Питирима († 1672), Иоасафа II († 1673), Иоакима (Савелова) († 1690), Адриана († 1700) были подробно зафиксированы в специальном разделе расходных книг Патриаршего Казенного приказа «На патриаршее погребение». Записи о похоронах патриарха Филарета Никитича Романова († 1633) очень скудны. Вероятным кажется предположение о том, что похороны отца царя были оплачены не из патриаршей, а из государственной казны. Также в настоящее время неизвестна роспись расходов на похороны патриарха Иосифа, которыми занимался лично царь Алексей Михайлович в 1652 г. (некоторые детали подготовки и организации похорон патриарха Иосифа зафиксированы в письме царя

митрополиту Новгородскому Никону и в статейном списке о погребении Иосифа). Также в расходных книгах Патриаршего Казенного приказа по понятным причинам не нашли отражение расходы на похороны патриарха Никона в 1681 г. (эта лакуна восполняется подробным описанием похорон Никона в Житии патриарха, написанном Иоанном Шушериным). В целом, имеющиеся данные позволяют составить целостную картину материального мира похорон первосвященника в XVII в.

В расходные книги заносились все траты, связанные с подготовкой к погребению тела усопшего (например, покупка «губок грецких» для его обтирания), покупкой тканей и пошиву облачения, подготовкой деревянного гроба и каменного саркофага для погребения, траты на дальнейшее обустройство места захоронения (каменная летопись, изготовление повседневных и праздничных покровов на гроб), траты на свечи для обряда погребения и последующих поминальных служб и другие. Тело владык облачали в архиерейские одежды из киндяка, атласа и простого сукна, украшенные вышивкой, кистями, серебряными пуговицами. Каких-либо личных предметов, украшений, панатий и икон в гроб с телом не помещалось (единственное исключение — патриарх Никон).

На протяжении большей части XVII в. для украшения гроба и покровов на гроб использовались самые простые ткани — черные «фряское» и «аглинское» сукна, обивку одра делали из черного или темно-синего сукна. При опускании гроба в каменную гробницу использовались льняные холсты. После устройства погребения изготавливались повседневные покровы из миталя. С 1673 г. для изготовления надгробных покровов и обивки одра стал использоваться бархат (черного и зеленого цвета). Интересно, что после погребения тела обивку с одра снимали и раздавали представителям церковного причта. Впервые бархат для покрова на патриарший гроб был куплен к погребению патриарха Иоасафа II. В уникальном алебастровом саркофаге был похоронен патриарх Никон. Каменный гроб он заказал себе еще при жизни, как и посмертные облачения.

Много внимания и средств выделялось на оформление места захоронения. В записях расходных книг зафиксирована работа резчиков и по оформлению мест захоронения патриархов:

подготовка каменной доски с вырезанной на ней летописью, дополнительно расписанной красками — сусальным золотом, олифой, суриком, «голубцом» (для трав) и другими красками.

Материальный мир похорон русского патриарха в XVII в. предстает со страниц расходных книг весьма скромным, несмотря на высокий сан почивших, что согласуется с основным — монашеским — статусом усопших. В основе Чина погребения архиерея изначально лежал чин монашеского погребения. Однако постепенно на протяжении XVII в. разнообразие и стоимость используемых материалов — тканей и украшений нарастает, все больше внимания уделяется украшению мест погребения.

А. В. Фаронова

**Дворы светских архиерейских чиновников в Москве
в первой половине XVII в. по данным приходных книг
Патриаршего Казенного приказа**

Начиная с XIV в. и до Собора 1667 г. должности архиерейских чиновников стали занимать светские люди. Власть архиерея в городах была представлена наместниками, а в сельской местности (разделенной на церковные округа — десятины) — десятильниками. Н. Ф. Каптерев указывал, что в распоряжении светских архиерейских чиновников находились тиуны, приставы, праведчики, доводчики, исполнявшие по большей части полицейские обязанности по суду, расправе, сбору пошлин и др. С 1675 г. на смену наместникам и десятильникам окончательно пришли поповские старосты. С момента появления наместников и десятильников обеспечение церковных чиновников, видимо, было переложено на плечи местного населения (и скрывается в приходных книгах под термином «десятильничя (и) заезда гривна»).

Самая ранняя из сохранившихся приходная книга Патриаршего Казенного приказа о сборе дани с жилых церквей датируется 1627/28 г. Формуляр приказной документации был крайне не мало вариативен и повторял прошлогодние записи, что позволило зафиксироваться в приходных книгах Патриаршего Казенного приказа первой половины XVII в. устаревшим названиям церковных налогов.

Данные приходных книг Патриаршего приказа первой половины XVII в. (1627/28 г. и опубликованной И. А. Устиновой 1640/41 г.) легли в основу определения мест дворов светских патриарших чиновников, ведавших церковным управлением Москвы и Московского уезда. Близко расположенные друг ко другу по годам приходные книги демонстрируют стабильность в перечне пошлин для уплаты с определенных храмов, в том числе «реликтовых» пошлин. Московские храмы не выплачивали

«десятильничьи деньги», но некоторые платили «наместничьи и тиунские и дворсково», причем эти сборы превышали стандартно собиравшийся налог десятильнику в размере «гривны» (или «3 алтына 2 деньги», т. е. фактически тех же 10 копеек). Все пошлыны, в названии которых упоминались церковные чиновники, уплачивались с одних и тех же московских храмов, т. е. эти храмы могли быть связаны с содержанием или деятельностью светских патриарших приказных людей. Упоминания десятильников и «десятильничьих домов» среди этих московских пошлын отсутствуют, однако, вероятно, эти же здания могли служить местом работы и десятильников.

Сопоставление данных дает список храмов Москвы, в которых в первой половине XVII в. собирались наместничьи и тиунские деньги: 1) церковь страстотерпца Христова Георгия на Варварском хрестце у тюрем; 2) церковь Воскресение Христова в Панех; 3) церковь великого чюдотворца Николы у Большого Креста; 4) церковь Живоначальные Троицы, что на Старых полях; 5) церковь Пречистые Богородицы в Котельниках; 6) церковь Козмы и Домьяна на Ржищах (на Орбате); 7) церковь Николы чюдотворца Подкопаева.

Картографирование этих храмов показало, что первые четыре храма находились в Китай-городе, а три оставшихся — в Белом городе. Вероятно, наместничьи дворы при храмах Белого города появились позднее, чем при храмах Китай-города, что может быть связано как со временем присоединения к Москве (княжеству или уезду) земель, для церковного управления которыми учреждались новые дворы, так и со временем строительства крепостных стен Белого города, когда эти храмы получили более надежную защиту.

69-я глава Стоглава упоминает о пошлыне «крестец», собиравшейся митрополичьим тиуном на Ильинском крестце с занимавшегося в Москве духовенства. Однако несмотря на упоминание Стоглавом крестца только на Ильинке, по названиям храмов в приходных книгах Патриаршего приказа можно найти до четырех топонимов Китай-города, упоминавших «крест-крестец». Три крестца, Варварский, Ильинский и Никольский, так или иначе получили свои названия от одних из самых древних храмов Китай-города: св. Варвары великомученицы,

св. Ильи Пророка и свт. Николы Старого, выложенных в камне как раз в течение XVI в. Судя по сохранившимся упоминаниям, при этих храмах действительно приводили людей к крестному целованию и заключали под стражу провинившееся духовенство.

Учитывая, что Стоглавый собор ограничил деятельность десятильников и предписал им решать судебные дела с выборными земскими людьми, мы можем предположить, что название «крестец» связано не только с «перекрестком» улиц, но и с приведением «ко кресту» во время судебных и иных разбирательств. Возможно, в храмах на крестцах могли располагаться дворы наместников, десятильников и других архиерейских служилых людей, и тех, кто приходил им на смену в процессе реформирования церковного управления и суда. Картографирование храмов «на крестцах» показывает их местоположение в Китай-городе (!) и недалеко от тех храмов, которые уплачивали «наместничье и тиунское» в первой половине XVII в. Вероятно, в XVI в. дворы церковных чиновников Москвы располагались при храмах св. Варвары, св. Ильи пророка и свт. Николы Старого, а потом по каким-то причинам эти функции были переданы другим близко расположенным к ним храмам.

Е. С. Целуйкина

**Финансирование «посошных людей»
Иосифо-Волоколамского монастыря в завершающий период
восстания И. И. Болотникова (окончание осады Тулы)**

Восстание И. И. Болотникова закончилось 10 октября 1607 г. взятием Тулы. После казни Болотникова многие повстанцы примкнули к Лжедмитрию II, который к тому моменту уже подошел к Брянску, чтобы, как выразился И. С. Шепелев, очистить от войск Василия Шуйского Северщину.

Сведения о содержании монастырскими крестьянами «посошных людей», находящихся под Тулой, зафиксированы в книге сбора денег с крестьян Рузского и Волоцкого уездов. Записи в книге начинаются с 27 октября 1607 г., «на другой месяц последнего стояния под Тулою». К этому времени Шуйский выпустил часть войск, рассчитывая на укрепление дееспособности армии. При этом в книге выдачи денег «посошным людям» 4–6 ноября встречается устойчивая фраза «по розчету за три недели».

Неясно, на какой период эти деньги предназначались: последние 3 недели перед окончанием осады Тулы, последующие 3 недели после осады Тулы или последующие 3 недели после выплаты денег, которые можно приписать к походу на Брянск, осажденный войсками Лжедмитрия II 9 ноября.

Известно, что 2 ноября 1607 г. в монастырь вернулось 4 отряда «посошных людей», которые вероятно выдвинулись из-под Тулы после взятия города. В «расходных памятях» монастырских слуг, возглавлявших эти отряды, имеются подробные описания обеспечения «посошных людей» за три недели до окончания осады и вплоть до 26 октября, когда они уже находились в Серпухове на пути в монастырь. Остатки выделенных на «посошных людей» денег монастырские слуги сдали в казну. Можно предположить, что «посошные люди» Иосифо-Волоколамского монастыря понадобились царю под Брянском, куда

он стягивал новые силы. Но необходимо учитывать указание в тексте источника на предназначение денег — «в посошных людях под Тулу».

У нас нет сведений о том, что «посошные люди» принимали участие в битве за Брянск. Первые упоминания в «расходных памятях» монастырских слуг, выдвинувшихся к Брянску, относятся к 20 декабря 1607 г., то есть незадолго до того, как 24 декабря Лжедмитрий II оставил Брянск.

Игумен Арсений и соборные старцы вынесли приговор, по которому казначей старец Гаврила должен был организовать обеспечение «посошных людей» из числа средств, собранных с крестьян Волоцкого и Рузского уездов.

Сбор был повытным для конного и пешего «посошного человека». В Рузском уезде деньги собрали со 105 вытей 11 сел, в Волоцком — с 34 вытей 9 сел. Итого оказалось 14 «посошных человек» из Рузского и 8 из Волоцкого уездов, всего — 22 человека. Норма сбора с выти в Рузском уезде колебалась для конных от 32 до 53 денег, для пеших — от 20 до 27 денег, в Волоцком уезде для конных — 47 денег, для пеших — 16–18 денег.

Необходимо отметить, что некоторые крестьяне собирали и передавали деньги «посошным людям» самостоятельно «по своим договорам». С сел Рузского уезда (Очищево, Новлянское, Ивановское, Спасское) с 45 вытей для 3 конных и 3 пеших людей, с сел Волоцкого уезда (Очищево, Лествицыно, Буйгород, Ильицыно, Турово) с 66 вытей собраны деньги для 9 конных и 9 пеших человек. Казначей старец Гаврила подчеркивал, что деньги, собранные с крестьян, не поступали в казну, а были отданы напрямую «посошным людям», что и зафиксировано в записях от 4–6 ноября.

Деньги были розданы конным и пешим «посошным людям» Волоцкого и Рузского уездов «за три недели». Зафиксировано 7 конных и 7 пеших человек из 10 сел Рузского уезда и 4 конных и 4 пеших человека из 7 сел Волоцкого уезда. Роспись людей поименная. Остаток денег, которые не были выданы «посошным людям», казначей распорядился вернуть обратно по селам. В Волоцкий уезд отдали остаток в размере 1033 денег, в Рузский — 1900 денег.

Примечательно, что в общих суммах выдачи допущены значительные ошибки. Например, общая сумма выданных денег в Рузском уезде составила 36 рублей 12 алтын 4 деньги, т. е. 7276 денег, в то же время по нашим подсчетам должно было получиться 6176 денег.

Всего казначей старец Гаврила раздал 56 рублей 30 алтын (11 380 денег) 22 конным и пешим «посошным людям», а также остатки крестьянам по селам. По нашим подсчетам эта сумма должна была составить 12 105 денег.

Сверяя данные о сборе и выдаче денег «посошным людям», можно заметить, что имена крестьян в книге сбора и в книге выдачи денег совпадают. В Рузском уезде сумма для конного человека была в среднем в 2 раза больше, чем для пешего, в Волоцком уезде — почти в 3 раза больше. Но при выдаче денег монастырь стремился унифицировать суммы для людей разных уездов. В среднем конный человек получал 543 деньги. При этом такого же единства для пеших людей разных уездов не наблюдается: пешему Рузского уезда полагалось в среднем 357 денег, Волоцкого уезда — 196 денег.

Таким образом, монастырь дополнительно обеспечил финансовую поддержку конных и пеших «посошных людей» Рузского и Волоцкого уездов после окончания осады Тулы. Вопрос, на какой конкретно период эти деньги предназначались, не решен. Казначей взимал деньги с крестьян этих уездов, но также и зафиксировано добровольное спонсирование крестьянами «посошных людей». Остаток денег был возвращен крестьянам.

М. С. Черкасова

**Приходо-расходные книги Кирилло-Белозерского монастыря
первой трети XVII в. как источник
по исторической антропонимике**

Среди успешных археографических проектов Зои Васильевны Дмитриевой значительное место занимает подготовленная ею публикация приходных и расходных денежных книг Кирилло-Белозерского монастыря за 1601–1637 гг. Увидевшее свет в 2010 г., это капитальное издание позволяет изучать многие проблемы социально-экономической и социокультурной истории этой духовной обители. Плотно насыщенные светскими и монашескими именами, тексты этих книг открывают путь для рассмотрения исторической антропонимии — это традиции монашеского имянаречения в средневековой Руси, группировка имен по происхождению (еврейские, греческие, римские), удержание при именовании ряда дополнительных идентифицирующих человека признаков — фамилий, прозвищ, должностных послушаний. С учетом публикаций кирилловских Описей (1615, 1621, 1635 гг.), содержащих списки братии (весьма многочисленной — до 200 чел.), возникает возможность сопоставления информации двух этих видов источников. Если Списки дают как бы одномоментный хронологический срез, то приходо-расходные книги показывают индивида в динамике, в системе социальных связей.

Сам по себе факт удержания фамилии при имени старца (Ефрем Потемкин, Афонасей Родионов, Боголеп Палецкий, Феогност Болховитинов, Иоасаф Монастырев и др.) отражал представления о непрерывности этапов человеческой жизни, их неразрывности. Наряду с фамилиями, широко используются и прозвища: здесь названия животных, птиц, рыб, насекомых (Журавль, Комар, Лисица, Олень, Орёл, Свинья/Свинка, Сова, Щука), и указания на какие-то, быть может, физические недостатки называемого лица, а также его внешнего вида (Беззубой,

Безногой, Безрукой, Борода, Волосатой, Зуб, Глухой, Горбун, Косолап, Малой/Малышка, Рябой, Слепой, Сухорук, Ус, Хромой). Какие-то черты характера, поведения человека в монастыре отражала большая совокупность прозвищ типа Баловень, Бочка, Воевода/Воеводка, Гнуса, Дитя, Дурышка, Кручина/Кручинка, Мочало, Невежа, Сопля. Ряд прозвищ можно считать неопределенного или абстрактного значения: Гладыш, Ладощка, Лапоть, Лопата, некоторые были многосоставными — Александр Большое Горло.

В антропонимической информации кирилловских приходо-расходных книг много катойконимов, т. е. наименований по городу, уезду, волости или селу, откуда происходил данный человек: белозер/белозерец, вологженин, володимерец, вязмитин, дмитровец, каргополец, кашинец, костромитин, москвитин, новгородец, смольянин, тихвинец, устюжанин и т. п. Белозерье и Вологодчина в этом ряду представлено особенно большим числом вариантов: Вогнемец (волость-село Вогнема), Ерженин (села Старая и Новая Ерга), Крохинец (волость Крохино), Озадченин (Азадская волость), Рукинец, Сиземец (два последних — крупные села Рукина слободка и Сизьма на белозерско-вологодском рубеже). Встречаются катойконимы более общего плана — двинянин, корелянин (если только это не этноним), поморец. Они рисуют широкий географический диапазон внешних связей Кирилловской обители и мест происхождения (в том числе и социального — из крестьянства) ее братии и служебного аппарата. К 1637 г. относится единичное упоминание: старец Настас Киевленин. Еще одна редкая номинация — «опальной старец Порфирей Иноземец».

Широкие также по пространственному охвату сведения о духовных корпорациях, из которых происходили некоторые кирилловские старцы и слуги. Называется полтора десятка монастырей, причем не только северных (белозерские Нило-Сорская и Благовещенская Ворбозомская пустыни, вологодские Корнильево-Комельский и Спасо-Прилуцкий, Николо-Песочный у Кубенского озера, Александро-Свирский, Антоньево-Сийский), но и центральных (московские Ново-Спасский и Чудов), дмитровский Николо-Песношский), поволжские (Спасо-

Ярославский, Богородицкий Свияжский), смоленский Болдино-Дорогобужский монастыри и др.

Дополнительными признаками номинации служили указания на должностной статус старца, например, Трифон Ловец, Фаддей Ловец, «большой ловецкой старец Иов». Эти лица отвечали за важную отрасль монастырской экономики и связанную с ней службу — рыболовецкое хозяйство. Включение в состав братии людей мастеровых профессий показывает перечень: «старец Феофил, что был в мире Широкой кузнец», «старец Тихон кузнец с Устюжны Железные», «старец Ондрей, портной мастер, во иноцех Арсеней».

Имевший большое военно-оборонительное значение, Кириллов монастырь обладал значительным оружейным запасом. Интересно, что и в описании оружейной казны использовались антропонимы: пицаль Лев, ядро Попугай, Полкан, Барсук, Змеиная Голова и даже «пицаль немка Грановитая палата». Встречаются и императивные формы — пицаль Помышляй, Порывай.

Разнообразие антропонимических конструкций служило идентифицирующим признаком человека до и после попадания в монастырь, длительного там пребывания, способом вычленения его из социальной среды, частью которой он являлся. Сведения эти могут быть полезны при сборе данных по биографии, генеалогии, просопографии, антропологически ориентированном рассмотрении монастырей и монашества, генерализующем и индивидуализирующем подходе к ним.

В. Я. Чернышев

Муромский посад по документам 1566 и 1573/74 гг.

Описания муромского посада 1566 и 1573/74 гг. являются древнейшими из сохранившихся описаний Мурома. Выпись из писцовых книг Мурома 1566 г. стала итогом большой работы, проведенной после завоевания Казанского ханства. Составление сотной грамоты 1573/74 гг. следует связывать с моровым поветрием 1570 г., вследствие чего возникла необходимость подсчитать уцелевшие от эпидемии дворы и обложить их оброком поновому.

Анализ документов 1566 и 1573/74 гг. выявил ряд ошибок, допущенных писцами и поздними переписчиками. Некоторые из них были допущены в ходе сокращения текста описания 1566 г. Сокращению подверглось описание муромского торгога. Если в сотной 1573/74 гг. описана каждая лавка и лубенник, то в выписи 1566 г. они перечислены суммарно. Возникает вопрос: насколько точно выпись 1566 г. передала свой оригинал? При подсчете лавок городского торгога между текстом выписи и итогом писцов имеются расхождения. В свою очередь это ведет к изменению суммы взимаемого оброка. Если в тесте выписи 1566 г. упомянуты 308 лавок, с которых взимался оброк в размере 37 руб. 25 алтын 2 деньги, то в итоговых подсчетах писцов указаны другие цифры — 315 лавок и 45 руб. 15 алтын. Между тем, в сотной грамоте 1573/74 гг., составляя которую использовали подсчеты описания 1566 г., также указано 315 лавок. Из этого следует вывод, что в ходе описания торговых мест в выпись 1566 г. вкралась ошибка поздних переписчиков.

В отличие от выписи 1566 г., сотная грамота 1573/74 гг. сохранилась в оригинале. Но в ней также имеются ошибки, связанные с подсчетом белых и тяглых дворов, а также с общим количеством лавок в торговых рядах.

Согласно описанию 1566 г. в Муроме на посаде находилось 126 белых дворов (по нашим подсчетам — 124), в которых про-

живало 132 мужчины, и 645 тяглых дворов (по нашим подсчетам — 642), где обитало 663 мужчины. Всего же насчитывалось 771 двор (по нашим подсчетам — 766) и 795 душ мужского пола. Следовательно, в 1566 г. население Муром составляло не менее 1590 человек. На торговой площади стояло 315 лавок.

Треть мужского населения города (240 человек или 30,1 % от общего числа мужчин) было занято ремеслами и промыслами. Из них 82 человека (34,1 %) занимались изготовлением и реализацией продуктов питания; 57 человек (23,7 %) — обработкой кожи; 32 человека (13,3 %) — обработкой металла; 20 человек (8,3 %) — изготовлением одежды; 13 человек (5,4 %) — обработкой дерева и 36 человек (15 %) — другими промыслами.

После эпидемии 1570 г. население Муром значительно сократилось. По описанию 1573/74 гг., белых дворов, заселенных людьми, на посаде осталось 30 (по нашим подсчетам — 21), а тяглых жилых дворов — 111.

В 1573/74 гг. на торговой площади Муром стояло 202 лавки (по нашим подсчетам — 191) и пустовало 117 лавок (по нашим подсчетам — 125). В результате эпидемии количество муромских ремесленников уменьшилось на треть, составив 37 % к показателям 1566 г. Из 240 человек, занимавшихся ремеслами и промыслами, к 1573/74 гг. осталось лишь 89. Из них изготовлением и реализацией продуктов питания было занято 31 человек (34,8 %); обработкой кожи — 24 (26,9 %); обработкой металла — 23 (25,8 %); изготовлением одежды — 3 (3,3 %); обработкой дерева и кости — 1 (1,1 %); род занятий семи человек (7,8 %) не указан.

Следует вывод: эпидемия 1570 г. отрицательно отразилась на социальноэкономическом развитии посада Муром. Количество жилых дворов сократилось со 771 (по нашими подсчетам — 766) до 111, т. е. почти в 7 раз. Возросло число пустых дворов и дворовых мест. Даже если учесть, что в сотной 1573/74 гг. зафиксированы не все дворы городского населения, следует признать, что моровое поветрие внесло серьезные изменения в повседневную жизнь посада. Это нашло отражение в сокращении количества лавок муромского торгова (на 39,4 %), в заметном уменьшении числа городских ремесленников (на 37 % — с 240 до 89 человек).

Сохранность источников не позволяет рассмотреть вопрос о том, что представлял собой городской торг в 1560–1570-е годы и указать точное число лавок каждого ряда. Но известно, что в третьей четверти XVI в. на муромском торге насчитывалось 5 рядов: Соляной, Калачный, Мясной, Рыбный, Большой (Москательный).

Значительная часть городских ремесленников трудилась в кожевенном производстве (57 человек в 1566 г. и 24 — в 1573/74 гг.). Второй по распространенности специальностью Мурома следует считать обработку металла (32 человека в 1566 г. и 23 — в 1573/74 гг.)

Произошло значительное сокращение числа белых дворов, освобожденных от уплаты податей. Если в 1566 г. их насчитывалось 128, то к 1573/74 гг. составило 30 (по нашим подсчетам — 21). 75 белых пустых дворов (по нашим подсчетам — 71) приписали в тягло к черным. Большое количество выморочных дворов автоматически привело к увеличению налогообложения посадских людей, оставшихся в живых после эпидемии 1570 г.

На хозяйственную жизнь Мурома оказали негативное влияние опричная политика государства, эпидемия 1570 г., неурожай и голод, охвативший страну в 1587–1588 г.

Н. А. Четырина

**Приходские священники Сергиевского посада
(по материалам клировых ведомостей XIX в.)**

Клировые ведомости — массовый первичный источник церковного происхождения, в настоящее время активно вводимый историками в научный оборот. Впервые клировые ведомости появились в 1769 г. В 1829 г. была установлена новая форма. С этого момента они стали представлять из себя пакет из трех документов: 1) ведомость о церкви, 2) сведения о членах церковного причта, 3) сведения о численности прихожан. Наиболее информативной и объемной частью являются сведения о членах церковного причта. Применительно к Сергиевскому посаду мною были обнаружены в ЦГА Москвы клировые ведомости за 1834, 1850, 1870 и 1899 гг. Правда, применительно к 1870 и 1899 гг. сохранились не полные комплекты ведомостей. В 1870 г. отсутствуют документы по Вознесенской церкви, а в 1899 г. — по Успенской. По этой причине сложно сравнивать численность приходских священников на протяжении всего XIX в., так как сведения по второй половине века неполные. Точно также будет неполный и списочный состав приходских священников за выявленные даты XIX в. Однако даже при этих условиях можно попробовать сделать анализ приведенных документов.

На протяжении всего XIX в. менялся состав приходов и храмов. По обнаруженным клировым ведомостям священнических должностей было в 1834 г. — 6, в 1850 г. — 7, в 1870 г. — 6, в 1899 г. — 8. Всего — 27 должностей, которые занимали 23 человека в возрасте от 23 до 70 лет. Четверо из них длительное время служили в своих приходах и дважды попали в ведомости. Большая часть священников (18 из 23) были женаты первым браком, второбрачных среди приходских священников не было ни одного. Остальные пятеро овдовевших священников в возрасте от 33 до 54 лет продолжали служить в своих приходах, иногда довольно продолжительное время.

Практически все священники были выходцами из духовной среды, кроме С. Н. Пикунова, происходившего из мещан Сергиевского посада. Приходскими священниками становились только окончившие полный курс обучения в семинарии. 9 выпускников, особо отличившиеся в познаниях, по окончании курса наук получили аттестаты первого разряда и были удостоены звания (степени) «действительного студента» и «всеми преимуществами, присвоенными сему званию». В современной ситуации студентами называются учащиеся средних и высших учебных заведений, окончившие эти заведения называются выпускниками. Скорее всего термин «действительный студент» был аналогом современного выпускник. Один из них — А. Н. Смирнов после этого окончил полный академический курс в Московской духовной академии (МДА), которая в тот момент находилась в Троице-Сергиевой лавре, также со званием действительного студента академии и после защиты диссертации в 1893 г. стал кандидатом богословия. А. П. Константиновский был принят в 1893 г. в число вольных слушателей академических лекций в МДА, сдал все экзамены, семестровые сочинения и проповеди за три с половиной учебных года, и в перспективе также мог получить степень кандидата богословия. Другими словами, постоянно рос качественный образовательный уровень местного духовенства.

Поведение священников оценивалось как хорошее, довольно хорошее, очень хорошее, весьма хорошее, отлично хорошее, порядочное, похвальное, доброе, благонравное, скромное и благонравное, и только однажды «порядочное, но не совсем трезв». Нетрезвость, а также непослушание начальству, неисправности при совершении исповеди, брака или погребения, неаккуратность при использовании Св. Даров были поводами для наказаний. В качестве наказаний использовались денежные штрафы, отсылка в монастырь на срок от одной до четырех недель, перемещение на более низкую должность в сельскую местность.

Помимо основных обязанностей, 15 священников выполняли дополнительные обязанности и службы-послушания. Это могли быть работа в разнообразных структурах местного духовного и светского управления, благотворительных обществах, учебных заведениях. Были постоянные и кратковременные по-

слушания. Иногда новые назначения сменяли предыдущие, а иногда дополняли их.

Честная и продолжительная работа разнообразно награждалась. Всего разные награждения получили 12 человек. Они могли получать благословение или признательность от вышестоящих органов власти; награждались набедренником, скуфьей, камилавкой; возводились в высший сан протоиерея; а также были удостоены крестов и медалей — бронзового на Владимирской ленте креста за 1812 г., наперсного бронзового креста в память Крымской войны на Владимирской ленте, серебряной медали в память императора Александра III-го; и даже ордена Святой Анны 3-й степени.

В целом, клировые ведомости сохранили о приходских священниках персональную информацию, а редкие фотографии конца XIX — начала XX в. — внешний облик, и помогают сохранить визуальную память.

И. Н. Шамина

**«Ведомости в дестевых тетратех с перечнями» —
источник о состоянии монастырских вотчин 1702 г.**

Начало церковных преобразований Петра I в начале XVIII в. привело к появлению новых видов массовых источников. Наиболее известный и исследованный из них — переписные книги архиерейских домов, монастырей и церквей 1701–1703 гг., составлявшиеся по инициативе Монастырского приказа. Однако существовали и другие описания, которые шли параллельно с основной переписью церковных владений. Одно из них, осуществлявшееся в 1702 г., было направлено на оценку состояния монастырских вотчин. Его итогом стали так называемые «ведомости в дестевых тетратех». Источник практически не исследовался, не имеет устоявшегося названия. В архивных описях он скрывается под определениями «переписные книги монастырским вотчинам» или «о вотчинах». Как еще одну ревизию вотчинных объектов составление таких ведомостей обозначила, опираясь на вологодские материалы, М. С. Черкасова (Черкасова М. С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I (краеведческие очерки). Вологда, 2021. С. 83).

«Ведомости в дестевых тетратех» представляли собой ответы на вопросы, поставленные Монастырским приказом, — о количестве крестьянских дворов по данным переписей 1678 и 1701 гг., угодий и доходов с них, размерах вытного тягла, количестве хлеба в житницах, хлебных и столовых запасов в монастырских вотчинах и т. д. Такие ведомости могли составлять настоятели монастырей или направленные в вотчины служители архиерейских домов. Либо ведомости формировались в архиерейских домах на основе присланных из монастырей «сказок».

В данном исследовании мною использованы документы, связанные с проведением этого описания в Вологодской, Воронежской и Тверской епархиях, а также в Покровском монастыре Владимирского уезда и др.

«Ведомости в дестевых тетратех» 1702 г. помимо ответов на вопросы, которые были сформулированы в Монастырском приказе, содержат и другую информацию, поэтому представляют большую ценность для изучения как отдельно взятых монастырей, так и епархий в целом. Так, в ведомости Воронежской епархии приведены данные о 12 монастырях, есть сведения об архиерейских и монастырских документах; «сказки» представителей монастырской администрации, включенные в ведомость, показывают, как на воронежские монастыри повлияло развернувшееся в городе в 1696 г. строительство военно-морского флота, и т. д. Ведомости о монастырях Кашинского уезда Тверской епархии существенно дополняют данные сохранившихся по этому региону переписных книг 1701–1703 гг. Здесь приведены размеры угодий по каждой монастырской вотчине. В частности, есть подробная информация о монастырских пустошах, которая отсутствует в переписных книгах, и др.

Как показало исследование, рассмотренный мною источник представляет собой переходный этап от переписи церковных владений к сбору статистики по конкретным вопросам состояния вотчин. Это, а также содержащаяся в «ведомостях в дестевых тетратех» дополнительная информация о монастырях и их владениях, позволяют рассматривать их как ценный исторический источник.

А. Б. Юдин

**Писцовые книги поместных и вотчинных земель
Вяземского уезда конца XVI в.: опыт реконструкции**

Писцовые книги поместных и вотчинных земель Вяземского уезда конца XVI в. писца Василия Волинского с товарищами 1586–1587 и 1594–1595 гг. известны многим исследователям по частичной их публикации в конце XIX в., а также по работам историков XX в.

Писцовые книги Вяземского уезда конца XVI в. до наших дней не сохранились, но известны по спискам XVII и XVIII вв. Дошедшие до нас списки представляют собой два тома рукописей общим объемом более 2150 листов. Они включают в себя описание всех, кроме одного, станов Вяземского уезда. В настоящее время копии этих писцовых книг хранятся в РГАДА (Ф. 1209. Оп. 1, ч. 1. Д. 618, 619).

Попытка издать эти писцовые книги была предпринята Императорским Русским географическим обществом в составе издания «Писцовые книги Московского государства» (ПКМГ) под редакцией Н. В. Калачова, но в свет вышла в 1877 г. только одна рукопись — кн. 618. Кроме копии писцовой книги 1594–1595 гг. в раздел IX этого издания вошла и часть дозорной книги Микифора Шапилова и подьячего Остафья Калупанова 1616 г., находившаяся в составе этой рукописи и ошибочно принятая за ее продолжение.

Характеризуя этот выпуск, можно отметить, что он имеет серьезные недостатки. Так кн. 618 издана в сокращении — в нем не указаны имена владельцев дворов из числа крестьян, бобылей, вдов, а дается сноска только на их общее количество, не объясняется наличие тех или иных лакун текста, а иногда и отсутствие целых листов, не указывается на присутствие посторонних записей, часто употребляемые слова приведены в сокращении. Кроме того, имеются ошибки в передаче текста. Вторая рукопись (кн. 619) не издавалась; отдельные листы (376–390) ее были опубликованы Г. А. Максимовичем в статье

«Писцовые книги Вяземского уезда 1624–25 и 1646 гг.» и вошли в сборник «Смоленская старина» (Вып. 3, ч. 2. Смоленск, 1916), но отношения к описанию Вяземского уезда В. Волынского с товарищами они не имеют.

Особое внимание изучению этих писцовых книг уделил московский историк В. Б. Павлов-Сильванский, посвятив их анализу несколько статей и главу 2 «Писцовые книги Вяземского уезда конца XVI — первых лет XVII в.» в своей книге «Писцовые книги России XVI века» (М., 1991).

В них он подробно остановился на истории описания Вяземского уезда в конце XVI — начале XVII в., проанализировал состав этих рукописей, доказав, что и рукопись кн. 619 содержит не только описание 1586–1587 гг., но и вторую часть описания 1594–1595 гг.

Одним из выводов анализа В. Б. Павлова-Сильванского явилась констатация отсутствия в обоих рукописях (сохранившихся списков писцовых книг поместных и вотчинных земель Вяземского уезда 1586–1587 и 1594–1595 гг.) описаний 7 станов и отдельных поместий, присутствующих в описании станов. Кроме того, он указал на возможность реконструкции отдельных участков текста.

Подробно изучив обе рукописи, автор доклада определил места всех разрывов текста и выявил объем их лакун. Большую часть лакун удалось ликвидировать, благодаря обнаружению отсутствовавших на своих местах как небольших участков текста, так и целых листов.

Итогом работы явилось обнаружение 6-ти ранее считавшихся утраченными описаний станов Вяземского уезда конца XVI в., а также ликвидация отдельных лакун первоначальных текстов рукописей. На конкретных примерах автором доклада будут показаны возможности примененного им способа реконструкции текста рукописей.

Работа, проведенная автором доклада, позволяет начать подготовку к изданию списков писцовых книг поместных и вотчинных земель Вяземского уезда конца XVI в. Издание «восстановленных» в первоначальном виде рукописей позволит ввести их в научный оборот не в отрывочном, как в ПКМГ, а почти в полном виде.

И. Н. Юркин

**Список по алфавиту городovým обывателям Тулы
1785–1786 гг. как исторический источник
по взаимодействию групп городского населения**

Тула — город, социальная структура которого, начиная с XVII в., обладала существенным своеобразием. Наряду с обычными для периода позднего Средневековья и раннего Нового времени сословными группами значительную часть его населения составляли государственные ремесленники — казенные кузнецы-оружейники. В середине XVIII в. их количество приближалось к совокупной численности остальных городских жителей. Оружейники и городской посад (с 1785 г. купцы и мещане) в браках, имущественных сделках и экономической деятельности друг с другом контактировали.

Для изучения их взаимодействия в качестве источника привлекаем «Список по алфавиту городovým обывателям Тулы в том городе старожилам» 1785–1786 гг. Задача его всестороннего анализа не ставится. Выясняются информационные возможности для характеристики межсословных контактов.

Указанное на крышке переплета и корешке название документа (ГАТО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 166а) — «Обывательская книга». Но согласно пп. 63–68 «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» (1785 г., 21 апреля) городová обывательская книга должна иметь иную структуру и охватывать более широкий круг категорий населения, чем представлены в нем. Название «Список по алфавиту...» заимствуем из п. 58 указанной Грамоты, поскольку приведенная в ней (п. 59) форма такого списка полностью соответствует формуляру источника. Кроме того, в скрепе («К сему Списку староста Василей Ксенофонтов руку приложил») находим самоназвание документа, а тот факт, что именно староста Список скрепил, соответствует требованию п. 60 той же Грамоты.

Список содержит сведения о населении 1001 двора (подсчеты наши) трех городских частей. Мещане показаны по всем частям, купцы (их и купеческих вдов дворов учтено 105) — только по 1-й части.

Источник выявляет разнообразные связи оружейников и посада. Упоминается, что некоторые купцы и мещане вышли из оружейников. Таких в Списке 34 человека м. п., включая двоих умерших. Время выхода — 1740–1785 гг., большинство (21 человек) вышли в 1780-х годах, из них 16 — в 1783 г. Объясняем это тем, что проведенная в Туле в 1782 г. 4-я ревизия частично обновила состав оружейников: записала в кузнецы молодое их поколение. Так как оно, вероятно, покрывало естественную убыль с избытком, появилась возможность разрешить желающим выйти в посад.

Другие каналы контакта демонстрируют владеющие посадскими дворами вдовы. Связанных с Оружейной слободой, их в Списке 15. Группа неоднородна. Она включает 11 лиц, рожденных в ней — это вдовы посадских, взятые из семей оружейников. (Учет жен здравствующих посадских и жен их детей число «кузнецких дочерей» значительно увеличивает; просмотр всего лишь по 25 фамилиям выявил их 26.) Вторую подгруппу внутри группы вдов, имеющих отношение к слободе, образуют те, у которых связь возникла через мужа-оружейника. Это неуказанного происхождения вдовы, оказавшиеся в посаде или потому, что в него перешли их мужья, или перешедшие в него после их смерти. Подгруппа невелика (4 человека), в ней присутствуют представительницы заметных в слободе фамилий Мосоловых и Постуховых.

История кузнечной слободы Тулы начиналась с того, что в конце XVI в. несколько семей казенных кузнецов поселили «за острогом особою слободою», запретив жить в ней кому-либо «опричь их, кузнецов». С той поры неоднократно возникали конфликты по поводу территории слободы. Взаимные переходы оружейников в посад, а посадских в оружейники (последние наш источник не отражает), а также акты купли и продажи недвижимого имущества вели к проникновению представителей сословий на территории друг друга. Несмотря на отмежевание слободы от посада (1695 г.), представление о ней, как особой территории, теряло определенность. По Списку эта картина про-

слеживается, однако изучить явление источник не позволяет. Для оружейников, которые перешли в посад (а только их фиксирует Список), даже если места их домовладений указаны, не известно, когда они их приобрели — до или после перехода, т. е. будучи еще оружейниками или уже купцами/мещанами. То же — для лиц, записанных в 3-й городской части, где кроме Оружейной слободы с ее размытыми границами располагались и другие слободы — Гончарная и Ямская. Но отдельные факты источник фиксирует. Так Акси́нья Арехова, вдова тульского мещанина, имела дом близ церкви Георгия, что в Казенной. Двор достался ей по разделу «после деверя ее» (брата мужа). Хотя о муже сказано, что он состоял в тульском посаде, не исключено, что он и брат вышли из оружейников, что объясняет наличие дома на чужой территории. Другой случай — вдова Анна Мосолова, муж которой перешел в посад из оружейников до 3-й ревизии. Долгое время пребывая в мещанстве, она тем не менее жила на дворе, находившемся в 3-й части.

Еще одним свидетельством диффузии оружейников в посад является присутствие в Списке купцов и мещан фамилий, отмеченных длительной связью с Оружейной слободой. Это фамилии Баташевых, Мосоловых, Лисицыных, Постуховых, Шелашниковых и другие.

Подведем итог. Список по алфавиту демонстрирует тесное взаимодействие основных городских сословий Тулы: купцов, мещан, оружейников. Сценарии соединения посадских и оружейников включали браки, официальные переходы из группы в группу и территориальные перемещения через обретение недвижимости. Естественным результатом смешения всех со всеми явилась ликвидация в 1864 г. сословной обособленности оружейников с приданием им прав, «присвоенных городскому состоянию».

Информационный потенциал источника рассмотренным не исчерпывается. Он содержит обширную информацию о населении Тулы и его занятиях, значительно превышающую отраженную в книге 4-й ревизии, в частности, уникальные данные, «в каких градских или иных службах был или есть».

Сведения об авторах

Аверьянов Константин Александрович, Институт российской истории РАН, ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территории и населения России, доктор исторических наук (Москва).

Алмазов Александр Сергеевич, Государственный академический университет гуманитарных наук, доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин исторического факультета, кандидат исторических наук (Москва).

Багдасарова Ирина Борисовна, пенсионер (Москва).

Базарова Татьяна Анатольевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Баранов Константин Владимирович, Российский государственный архив древних актов, начальник отдела научно-справочного аппарата (Москва).

Барсукова Анжелика Владимировна, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», доцент кафедры социальных наук и технологий, кандидат исторических наук (Москва).

Басов Иван Михайлович, Санкт-Петербургский институт истории РАН, младший научный сотрудник (Санкт-Петербург).

Беляева Вероника Николаевна, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, руководитель центра туристического образования, исследований и взаимодействия с туристической Института международных отношений и мировой истории, кандидат исторических наук (Нижний Новгород).

Богданов Владимир Олегович, Тверской государственный университет, ассистент кафедры отечественной истории (Тверь).

Борщик Наталья Дмитриевна, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, профессор Исторического факультета Института «Таврическая академия», доктор исторических наук (Симферополь).

- Бусарев Иван Алексеевич**, Институт российской истории РАН, аспирант Центра истории русского феодализма (Москва).
- Бутрин Егор Сергеевич**, Государственный архив Ивановской области, главный археограф отдела публикации и использования документов, кандидат исторических наук (Иваново).
- Вревская Наталия Александровна**, Российская национальная библиотека, библиотечарь Отдела редкой книги (Санкт-Петербург).
- Гаврилов Павел Владимирович**, Институт всеобщей истории РАН, аспирант отдел специальных исторических дисциплин (Москва).
- Глазьев Владимир Николаевич**, Воронежский государственный университет, заведующий кафедрой политической истории, доктор исторических наук (Воронеж).
- Гожалимова Оксана Сергеевна**, Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, заместитель директора по экспозиционно-выставочной деятельности (Рыбинск).
- Голубинский Алексей Алексеевич**, Российский государственный архив древних актов, заместитель директора; Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук (Москва).
- Горбачевский Евгений Александрович**, Институт российской истории РАН, аспирант (Москва).
- Грузнова Елена Борисовна**, Российская национальная библиотека, старший научный сотрудник Федерального центра регионалистики, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).
- Грязнов Анатолий Леонидович**, Научно-исследовательский центр «Древности», старший научный сотрудник (Вологда).
- Гуляева Алина Олеговна**, Российский государственный архив древних актов, главный специалист Отдела информационного обеспечения (Москва).
- Гуменюк Алексей Геннадьевич**, Ярославское историко-родословное общество, исследователь (Ярославль).
- Гуслистова Анна Николаевна**, Научно-исследовательский центр «Древности», научный сотрудник (Вологда).
- Гусынкин Кирилл Игоревич**, свободный исследователь (Москва).

Дадыкина Маргарита Михайловна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент департамента истории Школы гуманитарных наук и искусств, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Дедук Андрей Владимирович, Институт археологии РАН, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия; Музей-заповедник «Куликово поле», научный сотрудник отдела археологических исследований, кандидат исторических наук (Москва).

Долгих Аркадий Наумович, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, доктор исторических наук (Липецк).

Жиброва Татьяна Валерьевна, Воронежский государственный университет, доцент кафедры политической истории исторического факультета, кандидат исторических наук (Воронеж).

Иванов Леонид Михайлович, Рыбинская археологическая экспедиция, старший лаборант (Рыбинск).

Исмаилова Зулейха Адил-кызы, Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского, аспирант (Брянск).

Кабанов Андрей Юрьевич, Кинешемский художественно-исторический музей, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Кинешма).

Камараули Елена Владимировна, Воронежский государственный университет, доцент кафедры политической истории исторического факультета; Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, научный сотрудник, кандидат исторических наук (Воронеж).

Клейменов Виталий Игоревич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», студент (Москва).

Ковров Тимур Артушевич, кандидат исторических наук (Иваново).

Козлова Наталия Вадимовна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой истории России до начала XIX века, доктор исторических наук (Москва).

Космовская Анна Алексеевна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, доцент кафедры междисциплинарных исторических исследований; Пермский государственный институт культуры, научный сотрудник управления научно-исследовательской

деятельности; Пермская государственная фармацевтическая академия, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; кандидат исторических наук (Пермь).

Кошелева Ольга Евгеньевна, Институт всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник центра Исторической антропологии и истории повседневности, доктор исторических наук (Москва).

Кутаков Сергей Сергеевич, Институт всеобщей истории РАН, младший научный сотрудник (Москва).

Малышева Ирина Алексеевна, Институт лингвистических исследований РАН, главный научный сотрудник Отдела исторической лексикологии и лексикографии, доктор филологических наук (Санкт-Петербург).

Молотилев Леонид Борисович, Тверской государственный университет, научный сотрудник лаборатории по археологии, аспирант (Тверь).

Морохин Алексей Владимирович, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, доцент кафедры истории и политики России; Институт российской истории РАН, научный сотрудник Центра истории русского феодализма; кандидат исторических наук (Нижний Новгород).

Мустафин Артур Рашидович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», научный сотрудник Факультета гуманитарных наук, кандидат исторических наук (Москва).

Нарцисс Максим Сергеевич, средняя общеобразовательная школа № 27 им. И. А. Бунина, учитель истории; Санкт-Петербургский институт истории РАН, аспирант (Санкт-Петербург).

Новикова Мария Андреевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН, лаборант Архива СПбИИ РАН (Санкт-Петербург).

Пашина Екатерина Владимировна, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, старший научный сотрудник отдела Новой истории, кандидат исторических наук (Казань).

Петрухинцев Николай Николаевич, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Липецкий филиал, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, доктор исторических наук (Липецк).

Проскурякова Мария Евгеньевна, Санкт-Петербургский институт истории РАН, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Пушков Виктор Петрович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник Исторического факультета, кандидат исторических наук (Москва).

Раздорский Алексей Игоревич, Российская национальная библиотека, руководитель Федерального центра регионалистики; Санкт-Петербургский институт истории РАН, ведущий научный сотрудник; доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

Ропакowa Елена Николаевна, Российская национальная библиотека, главный библиотекарь Отдела обработки и каталогов, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Саверс Евгений Дмитриевич, Пермский государственный научно-исследовательский университет, Центр цифровой гуманитаристики, лаборант (Пермь).

Сергеев Антон Вадимович, Институт промышленной безопасности, охраны труда и социального партнерства, заведующий кафедрой промышленной безопасности, доктор исторических наук (Санкт-Петербург).

Соколова Наталья Викторовна, Институт славяноведения РАН, старший научный сотрудник Отдела археографии (Археографическая комиссия), кандидат исторических наук (Москва).

Соколовский Иван Ростиславович, Институт истории Сибирского отделения РАН, научный сотрудник, кандидат исторических наук (Новосибирск).

Сорокина Анастасия Андреевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, специалист по учебно-методической работе кафедры истории России до начала XIX века Исторического факультета, аспирант (Москва).

Степанова Юлия Владимировна, Институт всеобщей истории РАН, старший научный сотрудник отдела специальных исторических дисциплин, кандидат исторических наук (Москва).

Суслина Анастасия Геннадьевна, Российский государственный архив древних актов, заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата (Москва).

Терентьев Вячеслав Олегович, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, доцент кафедры отечественной истории, политологии и социологии, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург).

Терентьева Наталья Матвеевна, Пушкиногорская санаторная школа-интернат, педагог дополнительного образования, заведующая школьным музеем «Дом русского быта» (Пушкинские Горы).

Тюменцев Игорь Олегович, Южный научный центр РАН, главный научный сотрудник лаборатории казачества; Волгоградский государственный университет, директор НИИ социально-экономического развития региона, доктор исторических наук (Волгоград).

Тюменцева Нина Егоровна, Волгоградский государственный университет, доцент кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, кандидат исторических наук (Волгоград).

Устинова Ирина Александровна, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник Центра истории русского феодализма, кандидат исторических наук (Москва).

Фаронова Анастасия Васильевна, школа № 179, учитель дополнительного образования (Москва).

Целуйкина Евгения Сергеевна, Волгоградский государственный университет, ассистент кафедры истории и международных отношений (Волгоград).

Черкасова Марина Сергеевна, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного университета, доктор исторических наук (Вологда).

Чернышев Владимир Яковлевич, Муромский институт (филиал) Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук (Муром).

Четырина Наталья Аркадьевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, научный сотрудник кафедры истории и теории политики факультета политологии, кандидат исторических наук (Москва).

Шамина Ирина Николаевна, Институт российской истории РАН, старший научный сотрудник Центра источниковедения истории России, кандидат исторических наук (Москва).

Шеков Александр Владимирович, Музей-заповедник «Куликово поле», научный сотрудник отдела археологических исследований, кандидат исторических наук (Тула).

Юдин Александр Борисович, пенсионер (Санкт-Петербург).

Юркин Игорь Николаевич, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, главный научный сотрудник Отдела историографии и источниковедения истории науки и техники, доктор исторических наук (Москва).